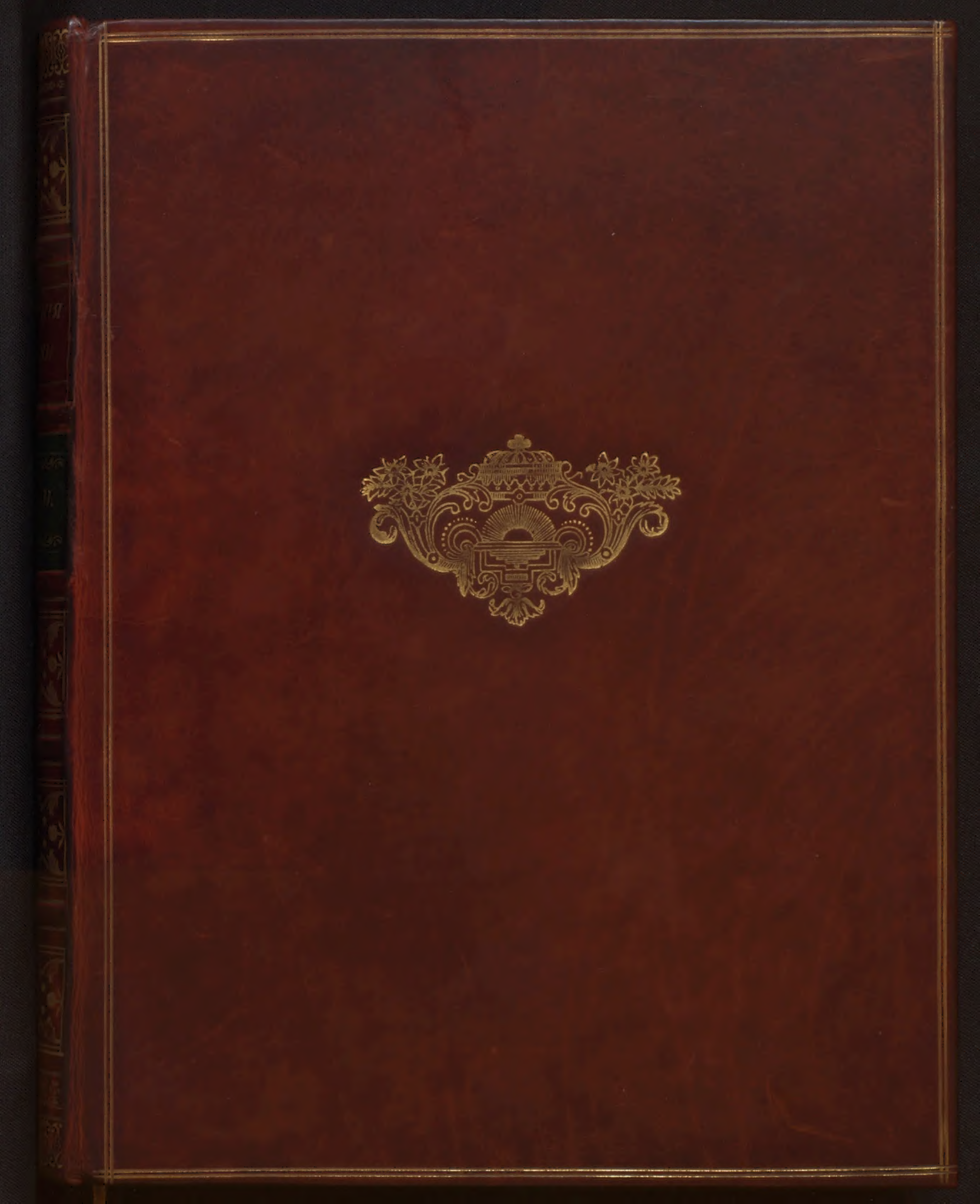
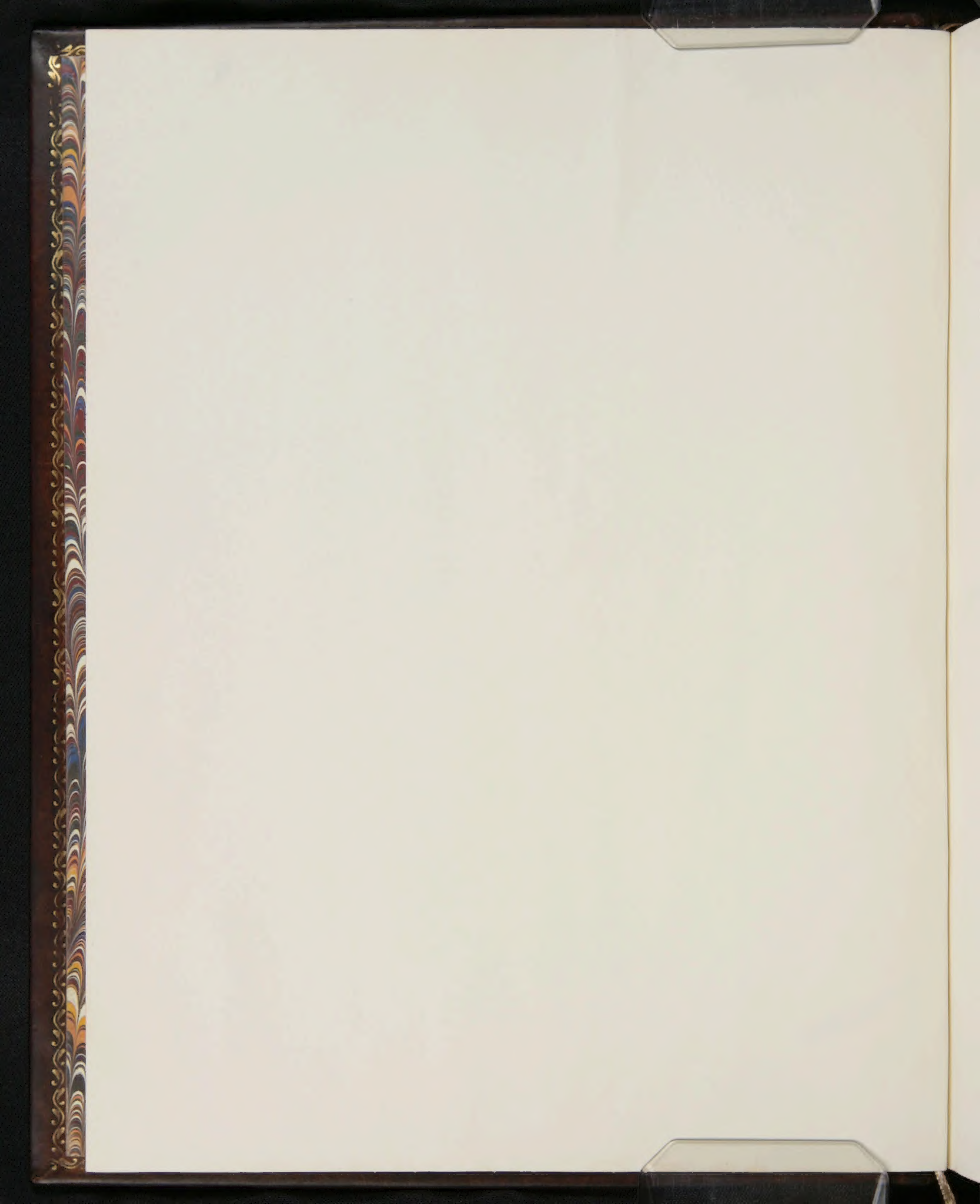
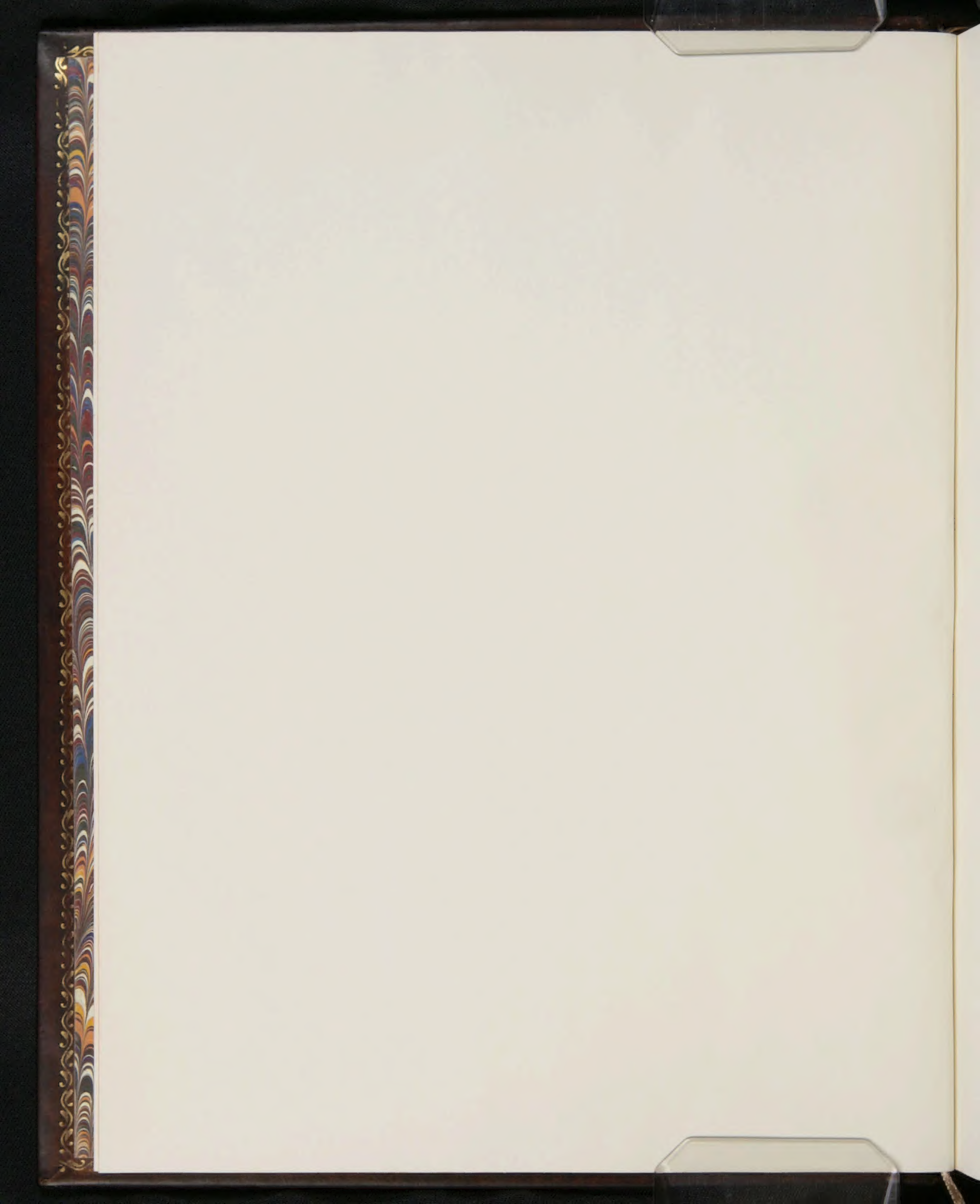
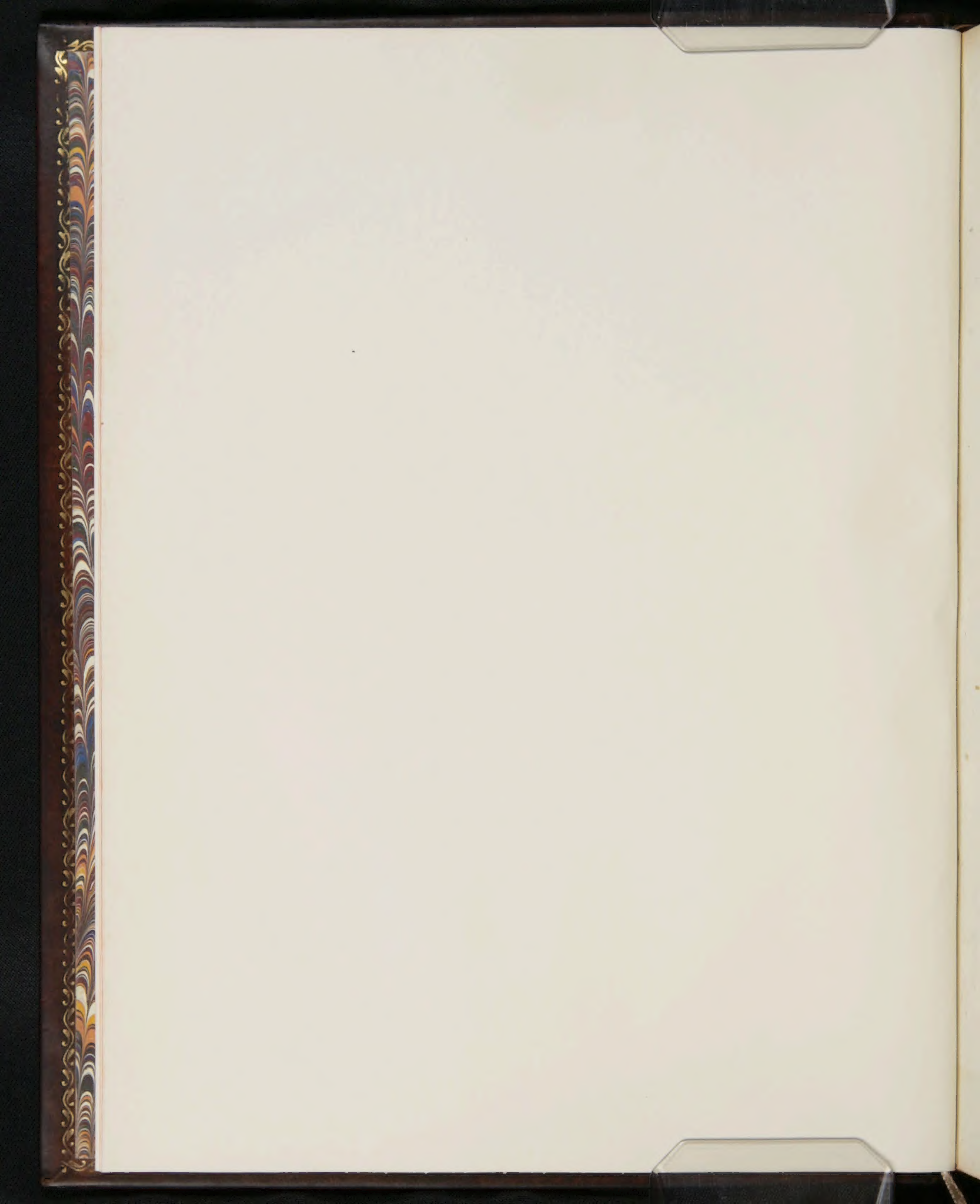

ЗАПИСКИ

КИТАЙСКІЯ.

ТОМЪ II.

книга Федора Мартынова

ЗАПИСКИ,

НАДЛЕЖАЩІЯ

ДО

ИСТОРІИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, НРАВОВЪ, ОБЫЧАЕВЪ И ПРОЧ.

КИТАЙЦЕВЪ,

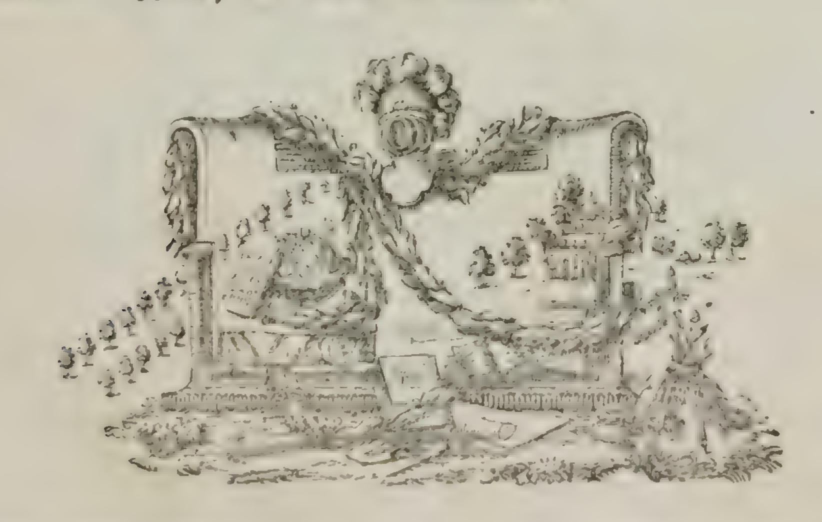
СОЧИНЕННЫЯ

ПРОПОВѢДНИКАМИ ВѢРЫ ХРИСТІАНСКОЙ

ВЪ ПЕКИНѢ.

ТОМЪ II.

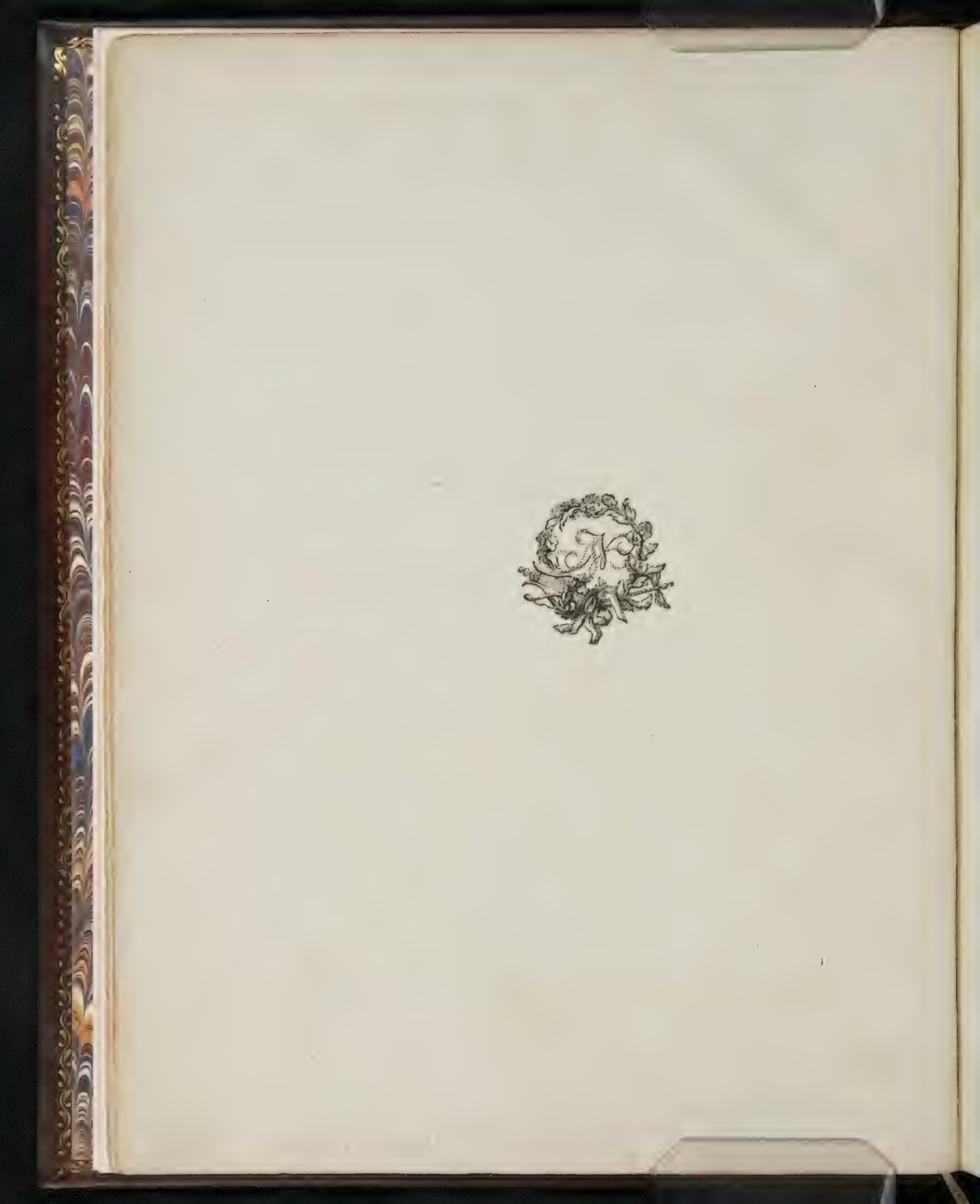
Издан въ Парижѣ съ воли и одобренія Короля въ 1776; и Россійской же языкъ преложенъ въ 1785 году, Губерніи Московской Клинской округи, въ сельцѣ Михалевѣ.

МОСКВА,

ВЪ Университетской Типографіи, у Н. Новикова.

1786.

УВѢДОМЛЕНІЕ

Господина Неэдгама, члена Королевскаго Ученаго Собранія и изслѣдователей древности въ Лондонѣ, на слѣдующее за симъ письмо, сочиненное нѣкоторымъ Іезуитомъ.

„Нѣтъ нужды, по моему мнѣнію, упреждать „читателей объ отмѣнномъ достоинствѣ „письма, ввѣреннаго мнѣ Королевскимъ Лондонскимъ Собраніемъ ученыхъ людей для изданія въ „печать. Довольно сказать: онымъ толкуются „вещи, до крайности любопытныя, о коихъ почти „не имѣютъ въ Европѣ свѣденія, а притомъ „образомъ совсѣмъ новымъ; вникаетъ въ цѣлое „свойство языка Китайцевъ съ удивительною ясностію, представляетъ толкуемое собою и выводитъ изъ того слѣдствія остроумно. Словомъ, „сіе письмо, коего до нынѣ извѣстна только выписка въ книгѣ, подъ названіемъ Tracſantions Philoſophiques, отвѣтствуетъ удовлетворительно на „важные тѣ вопросы, которые учинены были „сказаннымъ Собраніемъ Іезуитамъ въ Пекинѣ. А „по сему заслуживаетъ помѣщенія здѣсь точно „такъ, какъ было написано, для всѣхъ ученыхъ „Европейцевъ вообще.

„Долженъ я только освѣдомить читателя „какъ о содержанiи того письма, такъ и о при„чинахъ въ Европѣ и Китаѣ, заставившихъ вой„ти въ розыски и состязанiя такого рода. Въ „немногихъ словахъ упомяну о произхожденiи, „успѣхахъ и главныхъ обстоятельствахъ онаго.

„Находяся въ Туринѣ въ 1761 году, раз„сматривалъ я нѣкоторыя извѣстныя Египетскiя „древности, хранимыя между рѣдкостьми Его Ве„личества Короля Сардинскаго. Пришло мнѣ на „мысль достать списокъ съ извѣстнаго груднаго „истукана лжебогини Изисы, имѣющаго на лбѣ, „щекахъ и груди многiе незнаемые знаки. Каза„лись мнѣ примѣтно сходными со знаками же, „или буквами Китайцевъ; что мнѣ и удалося. „Досталъ списокъ со истукана самый точный. „Г. Албертiй, Профессоръ Королевской Академiи „строевой науки, живописецъ славный, исполнилъ „въ томъ прошенiе мое.

„Того же года прибывъ въ Римъ, уговорилъ „одного изъ сопринадлежащихъ Ватиканскому книго„хранилищу Китайца, рожденнаго въ Пекинѣ, ко „изслѣдованiю: буквы, или знаки на истуканѣ „Изисы, извѣстны ли въ отчизнѣ его, и не льзя ли „было то доказать съ помощiю разныхъ Китай„скихъ словарей, находящихся въ превеликомъ „книгохранилищѣ семъ? Между тѣмъ тщатель„но я списывалъ самъ и заставлялъ списывать „друзей моихъ множество разныхъ таковыхъ же „знаковъ съ обелисковъ и иныхъ несомнѣнныхъ „памятниковъ Египта, снабдѣвая Китайца моего „новыми запасами для его труда. Первые наши

„по-

„поиски объ Египтѣ естьли могли мы принять „удачными, то чрезъ накопленіе иныхъ неоспо„римыхъ же доказательствъ памятниками полу„чили надежду предотвратить сомнѣнія проти„ву древности, или истиннаго начало истукана „сего.„

Лондонское Ученое Собраніе за нужное разсудило снестися съ учеными же проповѣдниками Христіанской вѣры въ Китаѣ о примѣчаніяхъ, учиненныхъ Г. Неэдгамомъ, и получило слѣдующій за симъ отвѣтъ. Мы оной здѣсь вносимъ, хотя уже и былъ напечатанъ особо, ради сопринадлежности содержанія съ прочими частьми Опыта сего.

ПИСЬМО
о
БУКВАХЪ, или ЗНАКАХЪ
КИТАЙЦЕВЪ,
ПЕКИНСКИХЪ ІЕЗУИТОВЪ.

ВЪ Пекинѣ, 20 Октября, 1764 года.

Государи мои!

Іероглифы древняго Египта, и памятники, оными сохраняемые намЪ, суть столь чудны во исторіяхЪ народовЪ, что не попускаютЪ дивиться любопытствованію о себѣ любителей древностей и ученыхЪ всѣхЪ минувшихЪ столѣтій. Книгохранилищи наши полны глубокомысленныхЪ и неутомимыхЪ

розысковъ ихъ въ толкованіи таинственнаго оныхъ знаменованія. Но къ нещастію вышли только изъ того догадки, далекія отъ достовѣрности, паче затрудняющія умъ человѣческій, нежели вовсе ему непонятное. Чего не предпринимали въ Европѣ, начиная отъ самаго того времени, какъ возродилися тамъ науки, дабы сказать что либо о предметѣ толикой важности и лучше и яснѣе Грековъ съ Римлянами? . . . Но какіе послѣдовали успѣхи? . . . Примѣчанія Г. Неэдгама предвѣщаютъ нѣчто удачнѣе для вѣка нашего. Онъ сличалъ буквы Китайцевъ съ Египетскими Іероглифами; обрѣлъ сходство, по малой мѣрѣ нѣкакое подобіе; и по тому увѣрился, что со временемъ могутъ открыться таинственныя знаменованія Мемфиса; опровергнется заграда мраковъ, недопускающая насъ возходить до временъ, близкихъ ко всемірному потопу. Какое торжество для учености, естьли оное сбудется! . . Вы знаете, Государи мои! что ученый Кирхеръ точно также нѣкогда думывалъ, но весьма не на долго. Со знаменитымъ Г. де Мераномъ точно случилось же и то и другое, послѣ полученія отвѣтовъ отъ Іезуита Паренина. Достохвально возъимѣть болѣе духа, нежели каковы имѣли оба великіе сіи люди, отважиться преплывать моря, на коихъ страшилися они кораблекрушенія; но смиренномудріе никогда не разлучно съ истинною ученостію. Г. Неэдгамъ прибѣгаетъ къ Лондонскому Королевскому Собранію, чтобы предписали путь трудамъ его, и какъ далеко простирать ему оные. Для васъ, Государи мои! недовольно было сообщить ему ваше просвѣщеніе, столь великое и столь же полезное для успѣховъ въ наукахъ; но вспомоществуете Китаемъ, требуете отъ него нужнаго ко изысканіямъ

ямъ вашимъ, въ чемъ отказали вамъ Европейскія книгохранилищи. О! когда бы смерть не восхитила у насъ Іезуита Гобиля, преисполненнаго къ вамъ почтеніемъ, то бы конечно возъимѣли вы удовольствіе оправдать честь, сдѣланную намъ вами чрезъ сочиненныя ученыя и раздробительныя записки, въ коихъ бы глубокое его знаніе не оставило ничего къ пожеланію въ разсужденіи древнихъ памятниковъ Китая. Его уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ: мнѣ препоручено отвѣтствовать на снизходительное ваше письмо, коимъ вы насъ удостоили. Упустите откровенности моей: естьли бы сообразился я съ высокимъ мнѣніемъ моимъ о вашемъ просвѣщеніи въ наукахъ и бѣдственными обстоятельствами временъ, конечно выпало бы изъ руки перо; или по крайней мѣрѣ обнаружило бы предъ вами и мои извиненія и мое молчаніе. Но мужи первой степени учености вопрошаютъ, какъ посмѣть не отвѣчать имъ? Сверьхъ того благодарность за неоцѣненныя свидѣтельства добраго вашего объ насъ мнѣнія къ тому меня нудитъ, когда по всей Европѣ раздираютъ насъ клеветами, учиняютъ безчестными предъ очами идолослужителей, даже и на самыхъ концахъ земныхъ. Не уповаю отвѣчать на вопросы ваши удовлетворительно; надобно бы имѣть мнѣ свѣденія, какихъ я никогда не имѣлъ; пособія, въ коихъ недостаточествую; досуги, коихъ нѣтъ; всего же наипаче тонкій вкусъ слога, превосходная разборчивость въ избраніяхъ пишемаго, сія чистая и глубокомысленная критика, каковою удивляете вы Европу; всего онаго не дала мнѣ природа. Да угодно вамъ будетъ напомнить, чѣмъ и ласкаюся, что я проповѣдникъ вѣры Христовой: ради званія сего окажите ко мнѣ и милость и извиненіе.

ненie. Съ моей стороны, Государи мои! обѣщаю вамъ прилѣжность, точность и самую жаркую любовь къ истиннѣ. Естьли не достигну цѣли моей, то конечно не изъ предубѣжденiя къ какой либо системѣ, ниже по жадности вѣщать что либо новое. Обвиняйте въ томъ неискусство мое и невѣжество. Въ погрѣшенiяхъ моихъ признаюся съ радостiю; языкъ и перо мои будутъ служить отголосками тѣхъ, кои изрекутъ, что я ошибся.

Вотъ какъ понимаю я, въ чемъ состоитъ вопросъ. Неэдгамъ замѣтилъ, что таинственные, или Iероглифическiе знаки Туринской Изисы, представилися ему похожи на многiя буквы Китайцевъ, какiя находятъ въ большемъ словарѣ Тшинг-Тсеэ Тонгѣ; а изъ того выводитъ: 1) буквы Китайцевъ по довольнымъ причинамъ могутъ быть тоже самое, что и Египетскiе Iероглифы. 2) Можно познавать значенiя Iероглифовъ, сличая со значенiями же, свойственными буквамъ Китайцевъ. Просится теперь розысканiя сего рода учености, и потомъ объ открытiи, даже до чего буквы Китайцевъ поспѣшествуютъ, или опровергаютъ догадки Неэдгама?

Прежде нежели приступлю о томъ писать, скажу не обинуяся, что потребны справки и подробности, коими наполнится превеликая книга, чтобъ подать ученой Европѣ силу установить мнѣнiе свое, а можетъ быть и только что постигнуть до нѣкоторой извѣстной степени доводами Бытейскими, историческими, критическими и грамматическими, необходимо нужными къ предложенiю, для основательнаго разсужденiя о таковомъ предметѣ. О на-

укахъ

ухахъ Китайцевъ еще посредственное имѣютъ свѣдение въ Европѣ, хотя нѣкоторые прилѣжавшие къ чужестраннымъ языкамъ упражнялися въ нихъ, какъ на примѣръ Господа Фурмонъ и Баие; но далеко еще не досязали до той глубины исторiи и грамматики, каковую объяснить здѣсь идетъ слово. И такъ самымъ качествомъ предлежащаго мнѣ труда стѣсняюся я до крайности. Хочу ли быть разумѣемъ, долженъ бесѣдовать съ глазами и разумомъ читателя, изгоняя, такъ сказать, умовоображенiя его прочь отъ строкъ моихъ. Сiя по малой мѣрѣ будетъ цѣль моя. Встрѣчающiяся мнѣ подробности, примѣчанiя, ссылки и нѣсколько Китайскихъ словъ, не оставлю подчеркивать и переводить. Для точнѣйшей же исправности буду писать выноски мои изъ подлинниковъ Китайскими буквами, къ коимъ обремененный я тяжкимъ трудомъ, отсылаю желающихъ то повѣрять. Что же надлежитъ до красоты слога, вѣжливости изреченiй, то безъ зазрѣнiя совѣсти возпользуюсь правами жителя Азiи.

Ученый Воссiусъ даже до восхищенiя былъ пристрастенъ къ древностямъ Китайцевъ; начитавшiйся Ренодо опровергалъ оныя со всевозможною упорностiю. Вотъ каковы человѣки! Я же, не вступая въ розыскъ исторической и лѣточисленной, полагаю не легкими обращать въ ничто, и что Китайцы существовали уже образовавшимся народомъ во времена повсемѣстныхъ оныхъ разсѣянiй, послѣдовавшихъ за смѣшенiемъ языковъ. Древности Египетскiя взимаются отъ той же самой замѣты во временахъ. Не естественно ли же вѣрить, что оба сiи великiе народа почти вдругъ вышли изъ страны Сенаарской,

 одинъ

одинЪ во внутренность Азіи Восточной (А), другой на обширныя поля Африки, орошаемыя рѣкою НиломЪ. Естьли бы просвѣтившіеся науками мужи уста-

ПРИМѢЧАНІЯ.

ВЪ письмѣ моемЪ много мѣстЪ, для коихЪ нужны доводы и обЪясненія. МогЪ бы я ожидать, когда отЪ меня потребуютЪ оныхЪ; но лучше разсудилЪ пріобщить то порядкомЪ примѣчаній, для засвидѣтельствованія искренности моей и доброй воли. Явятся ли не полны, со удовольствіемЪ стану отвѣчать, кто удостоитЪ меня о чемЪ либо вопросить. Единой прошу милости, чтобЪ извинять меня во всемЪ надлежащемЪ до учености Европейской. ВЪ ссылкахЪ могЪ я обмануться, за недостаткомЪ книгЪ, сЪ коими надлежало бы мнѣ справляться.

(А) *ГосподинЪ ФреретЪ для такого странствованія находитЪ многія столѣтія потребными, по причинѣ слѣдовЪ потопа, далекости и трудности проходовЪ. Записки Академіи надписей и словесныхЪ наукЪ, томЪ пятыйнадесять. ВЪ разсужденіи статьи о слѣдахЪ потопа, сверьхЪ того, что стоитЪ вЪ СвященномЪ Писаніи* умножилася земля, *послѣ выхода изЪ Ноева ковчега довольно прошло времени до разсѣянія языковЪ, достаточно довольно кЪ заглажденію мнимыхЪ сихЪ слѣдовЪ. Поля Сенаарскія были обитаемы; подобно же и ЕгипетЪ могЪ имѣть жителей. Для чего же бы и не восточная*

установили рѣшительно, когда начались письмена, прежде, или послѣ разсѣянія Ноевыхъ дѣтей: многія бы трудности изчезли. Въ самомъ дѣлѣ, полагая, что

ная Азія? Вѣрю, что выходцы въ Китай не достигли туда въ нѣсколько мѣсяцовъ; но походы великихъ войскъ Бахуса, Александра, Тамерлана, Чингисхана и иныхъ, даже дикихъ жителей обѣихъ Америкъ, доказываютъ, что потребно къ тому меньше, нежели столѣтія. Что я говорю? Нынѣ владѣющій въ Китаѣ Императоръ населилъ переведенцами побѣжденныя имъ мѣста Иркенъ; на пути не задолжилися они болѣе шести мѣсяцовъ, хотя проходили горы, рѣки и степи. По чему невѣроятно употребленіе кораблей? Самое Священное Писаніе вѣщаетъ о дѣтяхъ Іафета: Отъ сихъ отдѣлены острова языковъ. *Кто сказывалъ ученымъ, что первые поселенцы странствовали на удачу, не зная сами куда? Умалчиваю о познаніяхъ географическихъ, кои могъ имѣть Ной прежде и послѣ потопа. Отецъ сей народовъ всеконечно былъ столько прозорливъ, что предвидѣлъ необходимое разсѣяніе по лицу земному потомковъ своихъ; всеконечно предуготовилъ ихъ къ тому или отрядами развѣдывать о мѣстахъ, или собственно самъ справляяся о томъ, снабдѣвалъ ихъ наставленіями. Есть ли не отметать, что дожилъ онъ до разсѣянія языковъ: дѣти его могли предводительствовать каждой семейству своему, инако не отдѣляя изъ онаго для составленія новыхъ селеній, какъ разведавъ прежде о качествахъ страны,*

что прежде разлученія большихъ семействъ, населившихъ вновь земную поверьхность, естьли каждый народъ вымыслилъ собственныя свои письмена, то Китайцы не имѣли ничего общаго съ Египтянами, и было бы уже не нужно изыскивать толкованія, сличая однихъ съ другими, особливо же въ толико отдаленныхъ климатахъ, а притомъ и не находя ни малѣйшихъ признаковъ, чтобъ бывало какое либо между двумя сими

ны, куда посылаетъ. Первая Моисеева книга гласитъ, что вся земная поверьхность раздѣлена между тремя братьями: одинъ съ потомками своими пошелъ въ сію, другой въ другую, третій въ третью часть, не смѣшиваясь взаимно. Читалъ я въ Китайской исторіи, что Гоанг-Ти, бывъ возпрепятствованъ густымъ туманомъ преслѣдовать врага своего, возшелъ на колесницу, къ коей придѣлано было орудіе, показующее югъ: сіе походитъ на компасъ. Имѣлъ оное Гоанг-Ти: правдоподобно, что взялось такое орудіе отъ окрестностей Вавилона; что имѣли же его и другіе народы, также оттуда вышедшіе, какъ и Китайцы, для направленія путей своихъ. Не могу увѣрять себя, чтобъ Ноевы дѣти странствовали на удачу, не вѣдая сами куда. Пусть были они невѣжды о подобныхъ пособіяхъ, но провидѣніе Божіе, заставившее ихъ проявленіемъ чудеси разсѣяться, всеконечно же облегчило имъ къ тому и способы. Сколько намъ извѣстно изъ Священнаго Писанія, промыслъ Божій явно ихъ сопровождалъ. Читай Бошарда и иныхъ толкователей первой Моисеевой книги.

сими народами сообщеніе, въ древнія тѣ времена обелисковъ Ѳивійскихъ и Еліопольскихъ. Напротивъ, полагая же письмена изобрѣтенными до потопа, извѣстными Ною и его дѣтямъ, а чрезъ нихъ преподанными всему ихъ потомству: то вѣроятно, что и Китайцы и Египтяне почерпнули письмена свои въ одномъ источникѣ, и на весьма долгое время соблюли взаимное оныхъ сходство.

Второе сіе подразумѣваніе во многомъ превосходствуетъ надъ первымъ, какъ въ правдоподобіи, такъ и въ возможности (Б). Заключеніе выходитъ

(Б) *Кирхеръ кажется несомнѣвающимся въ своемъ Обелискѣ -- Памфилѣ. У Евсевія, Іосифа Аміена, Маркелина находимъ достаточные доводы изобрѣтенія письменъ до потопа. Всегда тягостно мнѣ было поставлять изобрѣтеніе сіе столь поздающимъ, какъ пишется во многихъ книгахъ. Священная исторія вѣщаетъ о созижденномъ уже городѣ, вымышленной уже музыкѣ и искусствѣ ковачей до потопа; а сіе даетъ подразумѣвать и другія многія ремесла. Но и для чего же бы не прежде обнаружиться способностямъ человѣка, какъ послѣ онаго? Первобытные люди развѣ были всѣ дикіе и грубые? Люди, жившіе въ самыя наилучшія времена міростоянія, пользовавшіеся первенцами плодовъ разума, наслѣдовавшіе всякое вѣжество отъ первозданнаго. Не довольно ли протекло дней между сотвореніемъ міра и потопа, для изобрѣтенія и усовершенствованія художествъ, наукъ и*

дитъ не безосновательное, что сличая нынѣ Іероглифы Египетскіе съ буквами Китайцевъ, льзя чаять объясненія однихъ другими. Опасаюсь я только, чтобъ не стали отметать такого подразумѣванія смѣ-

и письменъ? Не легко сомнѣваться, а еще того болѣе, чтобъ праотецъ Ной не преподавалъ дѣтямъ своимъ всякихъ нужныхъ для нихъ познаній: почти смѣю въ томъ увѣрять.

Какіе были народы самые древніе, извѣстные намъ?... Халдейцы, Вавилоняне, Египтяне, Китайцы; но съ самаго окорененія ихъ видимъ художества, науки, письмена. Доводъ ощутительной, что то было наслѣдство отъ предковъ, а не плодъ, медленно созрѣвшій вымысла и успѣховъ. Да обмыслятъ замѣту во временахъ сихъ великихъ дѣлъ, коимъ удивлялися громкой славѣ во всѣхъ столѣтіяхъ; но сравниться съ наслѣдствомъ симъ ни которое не можетъ. Останемся при однихъ Китайцахъ. Астрономія и музыка были уже у нихъ во дни Фу-Гіа. Гоанг-Ти построилъ Доворецъ и водоходныя суда; при немъ писалися уже книги и выдумана сфера. Кто вѣрить не хощетъ временамъ до Яоа, пусть прочтетъ только книгу Шу-Кингъ, книгу толико древнюю, толико достовѣрную, и уличится, что науки и художества въ царствованіе его уже процвѣтали отъ подданныхъ; знаменитыя устроенія Юа, до нынѣ еще существующія, не свидѣтельствуютъ ли, что и тогда уже многое знали? Естьли Китайцы, Халдеи, Ассиріане, Египтяне искони имѣ-

смѣшенiемъ языковъ у Вавилонскаго столпа. Хотя первая Моисеева книга не упоминаетъ, что повлекло оное за собою и различiя письменъ, естественно однако же мыслить, что созидатели Вавилонскаго столпа, позабывъ вдругъ всеобще имъ вѣдомые звуки голоса и слова одного и того же языка, коимъ прежде

имѣли уже у себя науки и художества: для чего же бы не имѣть и инымъ народамъ? Не поминаетсся прежнее, говоритъ *нѣкоторый любомудрый. Такое невѣжество можетъ ли служить причиною ничему не вѣрить? Нещастiе Европы, что не вѣдаетъ инако древности, какъ отъ Грековъ и Римлянъ, народовъ временъ новѣйшихъ въ соравненiи толикихъ иныхъ. Но и какъ положиться на повѣствованiя ихъ о первобытныхъ временахъ? . . . . Проявилися поздно; начали бытствовать, не имѣя никакихъ памятниковъ, относительныхъ къ другимъ народамъ. Важное сiе стяжанiе Китайцевъ, непреоборимыя доказательства древности ихъ, по молчанiю Грековъ и Римлянъ принято быть можетъ баснословнымъ; да и осталося бы такъ навсегда, когда бы пространное сiе государство омрачало грубое невѣжество, подобное Египту, странѣ Халдейской и Африкѣ. Искренно сожалѣю объ ученыхъ, поработившихся сочиненiямъ Грековъ и Римлянъ, мыслящихъ о первыхъ потомкахъ праотца Ноя, какъ о полудикихъ пастыряхъ. Таковый предразсудокъ завлечь можетъ во многiя заблужденiя. Смѣшно взирать на писателя, исповѣдывающаго бытiе Вавилонскаго столпа,*

де говорили, потеряли же вдругЪ общія свои письмена и буквы, коими до того изражались. МожетЪ быть послужитЪ сіе послѣднее поводомЪ кЪ объясненію различія письменЪ; различія, столь древняго во исторіяхЪ народовЪ.

Но возвратимся кЪ Нээдгаму. Какое бы ни было умствованіе его обЪ началѣ письменЪ, склоненЪ я вѣрить, что естьли когда либо имѣли сходство буквы КитайцевЪ со Іероглифами Египетскими, время загладило такое сходство ихЪ и учинило почти неопознаемымЪ уже нынѣ. Дабы чище оное понять, должно углубляться вЪ древность далѣе словаря Тшунг-Тсеэ-Тонга, коимЪ вспомоществовался НээдгамЪ, и немногими словами изобразить историческую картину языка и буквЪ КитайцевЪ.

ЯзыкЪ Китайскій есть изЪ самыхЪ стариныхЪ на свѣтѣ; одинЪ только такой, какЪ весьма правдоподобно, коимЪ искони безперемѣнно говоритЪ цѣлой народЪ, и есть живый древній. . . таковЪ ли всегда бывалЪ чрезЪ сорокЪ столѣтій продолженія своего? . . . Не дерзаю увѣрять; кажется однако же, что невеликость числа и краткость словЪ могли предохранить его отЪ многихЪ поврежденій. Самое примѣтнѣйшее поврежденіе словЪ его развѣ искать вЪ однѣхЪ только произношеніяхЪ.

ВЪ

па, который мучитЪ мозгЪ свой выдумываніемЪ, какЪ бы растолковать, что сходящіяся вмѣстѣ сучья двухЪ древесЪ подали первую мысль о построеніи хижины.

Въ языкѣ Китайскомъ есть различіе: 1) (B) Ку-Уэнъ, каковымъ писаны Кинги и иныя сочиненія въ томъ же вкусѣ. Рѣчи въ Шу-Кингѣ и пѣсни въ Ши-Кингѣ доказываютъ, что онымъ нѣкогда говаривали: чудесно кратокъ и отрывчивъ. 2) Уэн-Тшонгъ, языкъ сочиненій высокаго слога; кромѣ нѣсколькихъ

 посло-

(B) *Кинговъ у Китайцевъ считаютъ нынѣ пять. И-Кингъ есть толкованіе, или изъясненіе Куаэвъ, инако же чертъ Фу-Гіевыхъ. Естьли въ Китаѣ слишкомъ въ почтеніи сія книга, то и Европа не имѣетъ же права презирать ее, не довольно разумѣя. . . Шу-Кингъ, немалый отрывокъ древней исторіи, или паче выписка изъ рѣчей и важныхъ произшествій трехъ первыхъ династій. . . Ши-Кингъ, собраніе пѣсней и всякихъ иныхъ стихотвореній самой далекой древности. . . Ли-Ки, выбранныя мѣста изъ остатковъ стариннаго Ли-Кіа, нѣкоторыя мѣста изъ исторіи, разныя важныя реченія и отвѣты Конфуція, совокупленные вмѣстѣ учениками его. . . Тшун-Тсіэу состоитъ изъ лѣтописей царства Лускаго. Сочинена сія книга во вкусѣ сокращенія Французской исторіи предсѣдателемъ Геномъ, превосходствуя однако же стѣсненностію и отрывчивостію слога выразительнаго, каковый свойственъ буквамъ Китайскимъ. Нѣтъ, какъ я думаю, древнѣе пяти сихъ Кинговъ въ цѣломъ свѣтѣ. Шу-Кингъ перевелъ Іезуитъ Венедиктъ, а Ши-Кингъ и Ли-Ки Іезуитъ же де ла Шармъ. Есть также въ Европѣ Шу-Кингъ и Ши-Кингъ рукописныя.*

пословицЪ, коренныхЪ истиннЪ и образцовЪ привѣтствія, не во употребленіи. 3) Куан-Гоа, языкЪ дѣловыхЪ людей. ИмЪ однимЪ говорятЪ при ДворѣЪ, вЪ бесѣдахЪ благовоспитанныхЪ людей; на немЪ переписываются, да и есть общій во всемЪ государствѣ. 4) Гіанг-ТанЪ, простонародной.

Каждая область, каждый городЪ, каждая почти деревня, имѣетЪ собственное свое нарѣчіе. Но со всѣми такими разностьми весь Китайскій языкЪ состоитЪ почти вЪ трехЪ стахЪ тритцати словахЪ. ВЪ Европѣ по сему заключаютЪ его мало обильнымЪ, одноголоснымЪ, труднымЪ кЪ разумѣнію. Надобно однако же вѣдать, что четыре ста удареній просодическихЪ, называемыя ПингЪ, гладкія; ШангЪ, возвышенныя; Кіу, умалительныя; Ю, внутренніи, учетверяютЪ почти каждое слово изгибами голоса, столь же трудными кЪ понятію и кЪ произношенію Европейцовъ, сколько шесть произношеній Французской буквы Е для Китайца. Сіи знаки еще болѣе дѣйствуютЪ, придаютЪ пріятную соразмѣрность голосу, паденія примѣтныя, реченіемЪ самымЪ обычайнымЪ и чрезЪ то учиняютЪ ихЪ болѣе ясными. Китайцы говорятЪ не тише насЪ, но говорятЪ меньше словЪ, нежели вещей, и другЪ друга разумѣютЪ.

Но предоставимЪ исторіи повѣствовать о происхожденіи буквЪ. . . . ОнЪ [Фу-Ги] начертилЪ восемь КуаэвЪ, составилЪ буквы (Г); потомЪ слѣдуетЪ далѣе.

(Г) *ПредпочелЪ я великую исторію, сочиненную вЪ теченіи Сонговой династіи, вЪ первомнадесять столѣтіи по рождествѣ Христовѣ;*

далѣе. . . Книга Уан-Ки вѣщаетъ: „По соотвѣтствію „доблести и дарованій Фу-Гіа, высотѣ и низу, „учинилъ онъ себя сообразнымъ красотѣ птицъ „небесныхъ, дикихъ звѣрей и коню дракону, носящему на спинѣ своей разныя изображенія. Возвелъ „онъ глаза, разсматривалъ небо; опустилъ ихъ „внизъ, и разсматривалъ же со вниманіемъ всѣ земныя „вещи: искалъ естества среднихъ изъ нихъ, и началъ „чертить восемь Куаэвъ„ . . . Сице означилось высокое его проницаніе. Начавъ же книги, прервалъ обычай узловъ на верняхъ, употребляемый въ дѣлахъ правительства. Писаніе составляютъ шесть качествъ: подражаніе видамъ вещей, заимствованіе, указаніе на вещи, живопись мыслей, вымѣниваніе и промѣниваніе ихъ, наконецъ звуки голоса и удареніа на слоги въ словахъ. Причина и ученіе книгъ подпираются качествомъ буквъ, а буквы шестью сказанными своими свойствами.

Подобное же помѣщаю здѣсь изъ временъ Гоанг-Тіа: . . .„Онъ [Гоанг-Ти] учредилъ шесть „дѣловыхъ особъ и одного Мандарина для исторіи.„ . . Въ книгѣ Уаи-Ки стоитъ, что Гоанг-Ти „поручилъ „въ вѣдомство Мандарина Тсанг-Кіата исторію, „придавъ въ помощь нѣкоего Кіаи-Сонга, что „Тсонг-Кіаи примѣчая и подражая земноводнымъ „животнымъ и пернатымъ, составилъ буквы. . . .

„Я,

стовъ; зовется оная Тсеэ-Тши-Тонг-Кіэн-Конг-Му. Переведена повелѣніемъ Канг-Гіуса съ Татарскаго языка; предисловіе же въ заглавіи пера сего Государя, въ которомъ онъ ее много хвалитъ.

„Я, Нач-Суэнъ, просматривая книгу Уаи-Ки, на„хожу Ше-Гоанг-Ші Императоромъ Тсангомъ; что „имя ему Кіаи; что онъ первый вымыслилъ буквы. „Сказываютъ еще объ Императорѣ Гоанг-Тіѣ, будто „бы учинилъ историкомъ Тсанг-Кіаіа. . . . Которое „изъ обоихъ сихъ свидѣтельствъ праведно? . . . . „Сказываютъ же, что Тсанг-Кіаи жилъ прежде Фу„Гіа, а сей выдумалъ книги. И такъ когда начер„тилъ Куаи, существовали уже буквы. Но все оное „не возможно объяснять инако, какъ преданіями „столь далекихъ временъ.„

Повѣсть, или точнѣе назвать басня, о слѣдахъ птичьихъ, годится только усыплять младенцевъ. Китайцы, не вѣдая прямо объ изобрѣтеніи письменъ, обезобразили оное, пришивая, такъ сказать, ко исторіи своей. . . . О естьли бы не болѣе они заблуждали (Д)! Опре-

(Д) *Китайцы были тоже въ разсужденіи исторіи, какъ наши старинные географы въ разсужденіи Азіи Восточной и Америки, до учиненныхъ въ обѣихъ сихъ частяхъ свѣта открытій жителями послѣднихъ вѣковъ: примыкали, какъ лучше имъ разсудилось, неизвѣстные предѣлы ко извѣстнымъ, премѣняли имена, разполагали по произволу описанія оныхъ, переносили положенія мѣстъ, высоко сами за то почитая ученость свою и разборъ критической. Сколько выпустили мѣстъ, какъ баснословныхъ, но открывшихся дѣйствительно существующими по прошествіи единожды кораблей мимо мыса Доброй Надежды? Китайцы такіе же точно суть въ исторіи перво-*

Опредѣляю я значенiе буквъ Китайскихъ, какъ понимаю въ первобытномъ ихъ произхожденiи. Видами

первобытныхъ временъ всѣхъ иныхъ, кромѣ себя, народовъ. Объ одномъ только думали, какъ бы согласить все съ своею исторiею, съ своею географiею, и все запутали. . . но имъ простительно. Не имѣли понятiя о шаровидности земли; въ сосѣдствѣ ихъ жили народы мѣлкiе и полудикiе; окружали ихъ пространныя моря. Припомните читатели, какъ писалъ Горацiй объ Англiи и проливѣ Гибралтарскомъ. Чудно видѣть древнюю Китайскую географiю, сочиненную однако же людьми искусными, неупустившими ничего надлежащаго собственно до Китая чрезъ времена всѣхъ династiй. У меня есть одна старинная карта; государство Китайское изображено на ней четверобочнымъ, около же со всѣхъ сторонъ объято морями, а на нихъ столько островов, сколько прежнiе Китайцы считали на свѣтѣ царствъ и народовъ. Какъ же было и самымъ ученѣйшимъ изъ нихъ не ошибаться и не разумѣть себя отмѣнно знающими, начитавшимися и искусными критиками, прицѣпляя къ Китаю все сохраненное преданiями отъ временъ, бывшихъ до потопа, или по крайней мѣрѣ отъ разсѣянiя потомковъ Ноевыхъ по лицу всея земли? Толико-то праведно, что невѣжество о произшествiяхъ, подпираемое нѣкоторою ученостiю, есть бичь истинны, обильный источникъ заблужденiй. Насъ Европейцевъ собственно долженствуетъ сiе учи-

нять

и таинственными смыслами своими изражаются онѣ глазамъ. Виды, или образы для вещей, подпадающихъ чувствамъ нашимъ; а знаки таинственные для вещей, умомъ только понимаемыхъ. Образы и таинственные знаки не сопрягаются ни съ какими звуками голоса, слѣдовательно могутъ быть читаемы на всякомъ языкѣ. Книга Тсеэ-Голеанг-Тсинъ [E] раздѣляетъ буквы

нять паче робкими въ подобныхъ разсужденiяхъ. Китай нынѣ довольно уже извѣстенъ намъ; но коликое множество острыхъ словъ наговорено было отъ ученыхъ и критиковъ, когда начинали предки наши узнавать великое сiе государство? Доказывали, что огромная оная и предлинная каменная стѣна было зданiе безразсудное, чрезмѣрно ставшее дорого, взявшее безмѣрно же великое время на постройку себя. Сильное опроверженiе. Однако же великая сiя стѣна существовала тогда, да и нынѣ существуетъ. Я видѣлъ ее. . . . Никогда можетъ быть не бывало въ одно и тоже время вмѣстѣ и столько безвѣрiя и столько же легковѣрiя, какъ въ настоящiе дни. Вѣрятъ, дабы не вѣрить: преизящная философiя!

(E) *Йеу-Эуль-Тши* (*) *изражается точно такими словами: . . . . Не можемъ проникнуть смысла многихъ мѣстъ И-Кинга, не вѣдая смысла же иносказательнаго и многихъ буквъ нашихъ.*

(*) Сочиненiе въ четырехъ частяхъ, изданное въ царствованiе Канг-Гiуса; собрано въ немъ самое лучшее о Китайскихъ буквахъ, особливо же въ прекрасномъ предсловiи первой части. Шуэ-Уэна Тшанг-Тсiэнова.

буквы на шесть степеней: Ло Шу [*смотри рисунокъ* 10 No 1] надлежатъ до вѣщаемаго исторіею, выше сего приведенною. Первая степень Сіанг-Гингъ, видъ, образъ, есть истинная живопись вещей, подпадающихъ чувствамъ; и для того въ древнихъ буквахъ видимъ древеса, птицы, сосуды и тому подобное, грубо начертанныя.

Вторая степень Тшин-Ше, указываніе на вещи особыми совокупленіями къ видамъ и образамъ, помощію коихъ предполагаются вещи каждая порознь предъ глаза. На примѣръ, буква, значущая малость, поставленная надъ буквою, значущею величость, обѣ вмѣстѣ разумѣются острооконечнымъ вверьхъ чѣмъ либо.

Третія степень Гоэи-И, союзъ умоначертательный, состоитъ въ соединеніи двухъ буквъ, выражая чрезъ то вещи, которыя порознь не изражаютъ оной. На примѣръ устнѣ, или ротъ подлѣ пса, значитъ лаяніе.

Четвертая степень Кіан-Инъ, толкованіе звука голоса, произошла отъ трудности изображать явственно всякіе роды рыбъ, звѣрей и скотовъ, сосуды, древеса и тому подобное. Примышлено ставить простыя буквы звуковъ голоса подлѣ образа и вида вещей. На примѣръ, буква гласная Я подлѣ изображенія птицы знаменуетъ утку, Нго гуся, и такъ далѣе.

Пятая степень Кіа-Сіэ, умоначертаніе взаимственное. Родъ украшенію витійства послужилъ поводомъ ко изобрѣтенію безчисленнаго множества

 буквъ,

буквЪ, или паче образовЪ употребленія оныхЪ. Одна буква пріемлется иногда вЪ разумѣ другой, когда изражаютЪ нѣкакое собственное имя иносказательно и двоесмысленно, иногда же и вЪ противномЪ разумѣ. Должно признаться, что пятая сія степень буквЪ КитайцевЪ придаетЪ языку ихЪ силу и живость, до коихЪ не можетЪ достигнуть никакой иной языкЪ, да и наводитЪ болѣе всего инаго темности вЪ пониманіи слышимаго и читаемаго (Ж). Иносказательный смыслЪ буквы не всегда соотвѣтствуетЪ точности смысла ея.

Шестая

(Ж) *Извинительно полагать вЪ Европѣ такія похвалы Китайскому языку нѣсколько излишними, или и чрезмѣрными, но смѣю увѣрять, что писанное лучшимЪ слогомЪ выше всякой похвалы. Всѣ наши Европейскіе языки совокупно безсильны изразить живописную, такЪ сказать, краткость нѣкоторыхЪ мѣстЪ КитайскихЪ сочиненій. Одна буква представляетЪ уже цѣлую картину. Искусные сочинители оное вѣдаютЪ, и пользуются сЪ лучшимЪ успѣхомЪ надЪ всѣми витійственными красотами ГрековЪ и РимлянЪ. Свойство сего языка и буквЪ его придаютЪ ему новую силу. ВЪ стихахЪ выходитЪ вдругЪ и мѣра и риѳма, родЪ краткихЪ гласныхЪ и родЪ долгихЪ, несравненно пріятнѣе уху ЛатинскихЪ и ГреческихЪ. Славится подражательный строй стиховЪ Омиру, но оный извѣстенЪ всякому Китайскому стихотворцу. На примѣрЪ, вмѣсто, чтобЪ сказать раздается звукЪ бубновЪ, вЪ Шу-Кингѣ стоитЪ: слышны Тонг-ТонгЪ буб-*

Шестая степень Тшуэн - Тшу, развертка объясненій, состоитъ въ разпространеніи кореннаго знаменованія смысла буквы, или присвоеніе онаго въ подробностяхъ. И такъ одна и та же буква есть иногда глаголъ, иногда нарѣчіе, иногда прилагательное, иногда существительное имя. Буква Нго, значущая зло, или худо, изражаетъ ненависть, ненавидѣть, безобразно и прочее.

Ло - Шу [*смотри рисунокъ* 10 № 2] по вышеписанному суть источники всѣхъ прочихъ буквъ, кои проистекаютъ изъ нихъ просто, ясно и естественно. Для пущаго свѣта въ сказаніи семъ, конечно весьма темномъ для Европы, привожу здѣсь нѣсколько примѣчаній, или развертокъ, соотвѣтственно грамматикѣ Китайцевъ. Простыя умоначертанія, предметы подпадающіе чувствамъ, суть самые легкіе ко изображенію. На примѣръ, конь значитъ коня, глазъ значитъ глазъ, и такъ далѣе. Но совсѣмъ инако

бубновъ. Книга третія, ода шестая. Сія ссылка не изъ превосходнѣйшихъ, но она мнѣ только пришла на мысль. Помощію Уэна Китайское стихотворство изражаетъ, не снижая слога высокаго, самыя простонародныя слова, чего конечно не льзя на языкахъ Европейскихъ. Нѣкоторые сомнѣваются, какъ можно быть стройности въ стихахъ изъ словъ односложныхъ. На оное скажу: кто не вѣдаетъ, что Кино стихотворческой словарь свой стѣснилъ даже до немногихъ только сотенъ словъ, да и весьма краткихъ: небо, аэръ [воздухъ], вода, огонь, смерть, рука, глазъ, нога, тѣло, сердце,

изражаютЪ умоначертанія углубляющагося ума, духовныя и преестественныя. Изображенія тѣлесЪ, существующихЪ вЪ природѣ, ниже сколько нибудь не служатЪ кЪ тому. Надобны знаки таинственные, изображенія нарочно вымышленныя и утвержденныя обычаемЪ. Составилися ли единожды знаки зримые и таинственные, то кажется, что все уже сдѣлано; однако напротивЪ того нѣтЪ возможности премѣнять смыслы и умножать ихЪ по мѣрѣ предметовЪ, чувствамЪ подпадающихЪ и умственныхЪ только. КакЪ же поступать? Китайцы предуспѣли вЪ томЪ весьма остроумно и сЪ великимЪ вкусомЪ (естьли честь сію отдавать имЪ можно) установленіемЪ числа видовЪ и таинственныхЪ знаковЪ, употребленіемЪ оныхЪ различными припряганіями однихЪ кЪ другимЪ. 1) Дважды, трижды, четырежды поставляя одинЪ знакЪ, составляютЪ одну букву, на примѣрЪ, два дерева значутЪ рощу, три дерева лѣсЪ. 2) ПоставивЪ одно изображеніе подлѣ другаго, одинЪ таинственный знакЪ подлѣ другаго таковаго же, на примѣрЪ, таинственные знаки мало и сила значитЪ слабый. 3) СоединивЪ таинственный знакЪ со изображеніемЪ, на примѣрЪ радость со устнами, значитЪ смѣхЪ. 4) СоединивЪ таинственный знакЪ сЪ двумя изображеніями, или многія изЪ первыхЪ ко многимЪ же вторымЪ четками, или не-

це, спина, хлѣбЪ, плодЪ, лѣсЪ, зрѣть, и такЪ далѣе. Не отчаяваюсь вЪ силахЪ моихЪ объяснить правилами Китайскаго языка, какЪ мы краткія сіи слова разтягиваемЪ длиннѣе; но не здѣсь тому мѣсто.

нечетками. Предоставляю паче меня свѣдущимъ измѣрить число сіе буквъ, изъ которыхъ однако же коренныя простираться могутъ до двухъ сотъ, и суть первыя основанія и законы всѣхъ буквъ вообще. Извѣстныя буквы взяты числомъ и расположены, сколько надобно къ составленію разговора, или сочиненія, остается только помѣщать ихъ по порядку раждающихся въ мысляхъ умовоображеній. Кто увидитъ такія сочиненія, тотъ пойметъ слова мои, какъ понимаю я картину произшествія въ исторіи, съ тою удивительною разностію, что картину въ исторіи волшебная сила красокъ учиняетъ паче печатлѣющеюся въ душѣ моей, даетъ жизнь чувствованіямъ, страстямъ, и такъ далѣе. Вещи, не подпадающія глазу, вмѣсто того помощію буквъ впечатлѣются въ мысляхъ и бываютъ изражаемы. Призракъ не имѣетъ въ томъ участія, но сего не довольно: въ картинѣ вижу на одно только мгновеніе какое либо произшествіе рѣдкое, вмѣсто того страница, буквами наполненная, представляетъ зрѣнію моему прошедшее, настоящее и будущее; кажетъ многія вдругъ произшествія, сближаетъ далеко разсѣянныя вещи одна отъ другой, не ослабляя однако же правдоподобія; того еще болѣе, возбуждаетъ мысли мои, родитъ новыя, и по пути, ясно освѣщаемомъ, вводитъ меня въ умственные предѣлы; но то паче можно чувствовать, нежели изражать. Да прочтутъ преизящныя мѣста въ Книгахъ, и постигнутъ, колико буквы Китайцевъ, искусно собранныя и связанныя, имѣютъ силы, пріятности, рѣзкости, согласія, величія и простоты. Охотно скажу я о буквахъ сего народа: суть живописная алгебра наукъ и художествъ. Въ самой вещи цѣлое реченіе въ лучшемъ слогѣ не запутывается никакими посторонни-

мия

ми внесеніями, какЪ алгебраическое доказательство самое вѣрное (3).

РазвѢ изобличить КитайцевЪ какЪ бы вЪ неправдѢ, вЪ разсужденіи малаго количества буквЪ, уцѢлѢвшихЪ у нихЪ отЪ древнихЪ временЪ; инако же не льзя противорѢчить, что вЪ самую глубокую древность употреблялись виды, или образы вещей, подпадающихЪ чувствамЪ, и таинственные знаки, изЪ коихЪ составлено было нѣчто похожее на Египет-

(3) *ФреретЪ, какЪ достойный ученый человѢкЪ, повѢствовалЪ о лѢточисленіи КитайскомЪ, смиренномудренно ссылаяся на неизвѢстныя рукописи. ФреретЪ опровергаетЪ мнѢніе мое: чту его ученость, чту безпристрастіе, кроткій нравЪ; вѢдаю, что плоды глубокаго разума его услаждать будутЪ потомство; но долгомЪ ставлю предпочитать ему КитайскихЪ сочинителей, относительно до собственной ихЪ исторіи. Теперь у меня подЪ глазами книга, вЪ ней собраніе многихЪ буквЪ, принадлежащихЪ кЪ степени Ку-Уэна и уцѢлѢвшихЪ отЪ ѢдкостИ временЪ; являютЪ мнѢ видомЪ и сосложеніемЪ своимЪ, что древнія буквы суть истыя изображенія вещей и знаки таинственные, а не просто знаки только выговоровЪ, произвольно установленныхЪ безЪ всякаго взаимно соотвѢтствія сЪ вещьми. Углубляющіеся Китайцы вЪ такомЪ родѢ розысковЪ различаютЪ старинныя буквы именами СіангЪ образЪ, ГингЪ видЪ; не могутЪ впрочемЪ утѢшиться, что большая часть ихЪ утрачены.*

петскіе Іероглифы (И). Взглянуть только на нѣкоторыя изъ сихъ буквъ, пріобщенныхъ мною списками, и стать въ томъ уличенну [смотри въ таблицѣ третьей, четвертой, пятой, шестой и прочихъ]. Но тогда не знали Китайцы уменьшать сіи изображенія, и давать имъ смыслы раздробительные и сократительные. Разсуждая по нѣкоторымъ древнимъ буквамъ, представляются извѣстными почерками, худо соединяющимися, что сіе было для лучшей удобности писать ихъ (I). Но такія сокращенія были нужны: 1) безъ того бы писать было крайнѣ трудно; 2) должно бы было въ превеликихъ книгахъ помѣщать малыя сказанія.

Въ самомъ дѣлѣ не умѣя, по крайней мѣрѣ живописи, какъ было льзя изображать вещи и таинственные знаки не отвратительно зрѣнію? Умножается трудность. Многія буквы составлены были изъ разныхъ таинственныхъ знаковъ и изображеній, кои уменьшать, пріятно зрѣнію, потребно не малое искусство, особливо же ставя ихъ подлѣ буквъ же меньше сложныхъ. Весьма вѣроятно, что цѣлыя изображенія и таинственные знаки въ полной своей

(И) *Дознавался по сходству буквъ Ку-Уэна, и находилъ ихъ нарочито изображенными, послѣ же со временемъ стали безобразны, а наконецъ и одними только почерками пера.*

(I) *Нѣкоторые считаютъ до семи, но большая часть шесть только, пишутся такъ.* (*) Смотри рисунокъ 10 No 11.

(*) Здѣсь осьмый образъ второй буквы.

величинѣ ставилися только на знаменитыхъ памятникахъ, на коихъ не было недостатка въ пространствѣ мѣста подъ оныя; но и въ такомъ случаѣ употреблялися же буквы раздробительныя, для описыванія вещей, меньше угазительныхъ. Дѣяніе, кажущееся очевиднымъ, свидѣтельствуемое памятникомъ, означается изображеніями и таинственными знаками, поставляя ихъ дикообразно одни подлѣ другихъ въ шести строкахъ. [*Смотри рисунокъ* 10 No 3.] (К) Суть знаки, изъ коихъ нынѣ состоятъ всѣ буквы. Самая простѣйшая составляется изъ одного, или двухъ почерковъ; но есть изъ двадцати, тритцати и болѣе (*). Во избѣжаніе запутанности и мрака, причиняемыхъ толикимъ сокращеніемъ, установлено число почерковъ буквъ на двѣсти изображеній и таинственныхъ знаковъ, служащихъ первыми основаніями Китайской грамоты, о чемъ уже упомянуто выше. Такъ установленныя сокращенія зовутся Пу, сирѣчь степени, или присуды, какъ пере-

(К) *Нарочно выбралъ я для примѣровъ, 1) буквы первоначальныя, сирѣчь изъ числа двухъ сотъ, о коихъ писано выше, дабы читатели могли судить, до чего различныя премѣненія оныхъ могутъ переиначить другія буквы, коихъ числомъ семь сотъ восемь. До сорока и до пятидесяти имѣетъ каждая изъ положенныхъ въ послѣднихъ предъ сею статьею почерковъ. 2) Буквы, нѣкогда бывавшія сущими изображеніями, чтобъ воззрѣвъ только опознавали ихъ знаменованіе, какъ же со временемъ раздробились и получили иные виды?*

(*) Я видѣлъ буквы изъ пятидесяти шести почерковъ

перевелъ Г. Фурмонъ. На примѣръ Пуи, человѣка, женщины, древесъ, болѣзней, всего великаго, всего малаго, сосудовъ и прочее. Для большей ясности и удобности порядка при внесеніи въ словари, каждая буква имѣетъ свой особенной Пу, которой ею управляетъ и подъ которымъ ставятъ въ словаряхъ. Такій Пу есть свойство буквы, производящее знаменованіе ея, кромѣ нѣкоторыхъ изъятій и дикостей, не меньше вкравшихся въ языкъ Китайской, какъ и во всякой иной. Одного удара очесъ на словарь Тшинг-Тсеэ-Тонгъ довольно къ понятію сихъ подробностей.

Превеликое нещастіе для Китайскихъ буквъ, что сокращенія оныхъ дѣлалися мало по малу въ разныя времена и безъ правилъ. Отъ того вышло, что одна и та же буква стала сокращенною, или лучше изувѣчною и обезображенною многоразлично. Большая часть стали со временемъ не походить сами на себя (Л). Смотри таблицу пятую и шестую. Разныя буквы, совокупляяся для составленія единой, изэги-

(Л) Множество есть причинъ темноты Кинговъ. Выводить оное требуетъ безмѣрно длиннаго разпространенія. Весьма вѣроятно, что поврежденія буквъ премѣнили и смыслы на многихъ мѣстахъ содержанія оныхъ. Такое поврежденіе столь ощутительно, что сами толкователи буквъ изъясняются только сомнѣніями, вѣщая: . . . такая-то и такая-то буквы писывались нѣкогда инако; о многихъ утверждаютъ смѣло, что суть подложныя, или возникшія отъ заблужденій.

изгибаются, ложатся, такъ сказать, растягиваются, укорачиваются, сжимаются, чтобъ для каждой такой буквы было гдѣ умѣститься, всѣмъ же бы совокупно не расшириться во всѣ стороны болѣе стоящей подлѣ простой буквы. Скажемъ мимоходомъ: изданіе Китайцевъ во времена Ганскаго поколѣнія имѣло главное таковое затрудненіе, причину главную же темности смысла (М). Когда первобытныя изображенія и знаки таинственные такъ повреждены, какъ же находить въ нихъ смыслъ? По правиламъ Ло-Шу [*смотри рисунокъ* 10 No 4] не раздѣляются уже буквы на шесть родовъ сличеній, или сопринадлежностей. Первыя основанія, изъ коихъ составлены, не производятъ уже истиннаго ихъ раздробленія. Чѣмъ болѣе ищешь смысла въ составѣ многихъ буквъ, тѣмъ паче удаляешься; потому что составъ сей не вѣренъ. Подобно какъ бы произносилъ кто, либо читая делиръ (*) вмѣсто делисъ (**).

Буква

(М) *Трудъ издателей тѣмъ паче тягостенъ, что древнія рукописи на бамбуевыхъ дщицахъ не избѣжали инако огня, какъ бывъ или зарыты въ землю, или закладены въ стѣнахъ; слѣдовательно проточены червями; загнившія уже и до половины слиняли на нихъ буквы. Къ тому же и образы письменъ толикократно послѣ премѣнялись; къ тому же, бывъ отысканы по разнымъ областямъ, изъ коихъ каждая имѣла свои письмена. Словомъ, находимое на бамбуевыхъ дщицахъ должно стало не читать, а отгадывать.*

(*) Слово Французское, значитъ бредъ.

(**) Французское же слово, значитъ услажденіе.

Буква С превращается въ букву же Y, слѣдовательно смыслъ втораго слова относится къ первому. Естьли соравненія обѣихъ сихъ знаменованій словъ столь между собою далеки, по тому да судятъ, сколь же удалѣли Китайскія буквы отъ истиннаго своего значенія чрезъ поврежденіе нѣсколькихъ почерковъ, изъ коихъ составляются. Извѣстное сожженіе книгъ учинило зло сіе неисправимымъ. Возстановилось спокойствіе ученыхъ людей, не щадили трудовъ въ отысканіи Кинговъ и иныхъ древнихъ книгъ, но весьма мало ихъ укрыто отъ пламени, да и сохранены не съ довольнымъ тщаніемъ, слѣдовательно не собралось ихъ столько, чтобъ можно было, сличая одну съ другою, получить свѣденіе о первобытныхъ буквахъ. Письмена премѣнились, преданія почти изчезли, то и предосталося только однимъ ученымъ людямъ разбирать рукописи. Какъ же возможно было имъ проникать даже до различія знаменованій буквъ, и посреди сокращеній, едва ли уже не совсѣмъ незнаемыхъ; находить смыслы во изображеніяхъ и знакахъ таинственныхъ, изъ коихъ состояла каждая буква (Н)? Издатели не жалѣли себя,

(Н) *Говорю, словарь Канг-Гіа установилъ правопись; но сіе принимать надлежитъ въ томъ разумѣ, что всякія общественныя дѣла и чѣмъ либо относящіяся ко Двору Императора, сображаются съ правилами правописи сей; но то не мѣшаетъ многимъ сочинителямъ держаться иныхъ правилъ, въ разсужденіи ли древняго письмоводства, сокращенія ли употребительнаго, или простонароднаго. Столь трудно писать правильно, что самые искуснѣйшіе писцы ошибаются. Минувшаго предъ*

себя, но всякой изъ нихъ имѣлъ свою систему, свои догадки. Кто посмѣетъ отвѣчать, что письмена, употребляемыя нынѣ, не наполняются множествомъ заблужденій, и что не онѣ-то сами по себѣ причиняютъ нещастіе сіе? Ученые, трудившіеся потомъ въ раздробленіяхъ буквъ, несогласны между собою. Каждой выводитъ свои доказательства, каждой останавливаетъ рѣшенія критики. Толикая разность мнѣній внесла также не меньше разности и въ правописи Китайцевъ, естьли можно назвать правописью поставленіе буквъ съ сими, или иными Пуэми; да и учинились навсегда колеблющимися и не точными многія буквы, даже въ великомъ ономъ словарѣ Канг-Ги-Тсеэ-Тіэнъ (О).

Окончимъ статью сію нужнымъ примѣчаніемъ. Все пишемое мною о различіяхъ и сокращеніяхъ буквъ не

предъ симъ года обвинены многіе Мандарины и ученые люди за то, что самъ Императоръ нашелъ три, или четыре буквы, не такъ, какъ должно поставленныя въ цѣлой исторической книгѣ, ему поднесенной. Вышло изъ того важное слѣдствіе, и многіе пострадали. Строгость несносная, но нужная. Одна буква премѣненная, или поврежденная, оставляетъ по себѣ важные слѣды для челобитенъ, подаемыхъ Императору, и для списковъ съ его указовъ.

(О) *Образъ письмоводства раздѣляется болѣе, нежели на пять родовъ. Буду держаться только главныхъ. Свѣдущіе исторію нашу отъ временъ Августа Кесаря до шестагонадесять столѣтія такому различію не удивятся. Ученые, кото-*

не зависитъ отъ пяти родовъ письмоводства, на которыя раздѣляется оное учеными. 1) Ку-Уэнъ, самое древнее: нынѣ не остается почти слѣдовъ. 2) Тшо-Анг-Тсеэ заступило мѣсто перваго и продолжалось до послѣднихъ лѣтъ Тшеуской династіи. Оно было употребительно во времена Конфуція; да и его-то сокращенія и различія онаго паче всѣхъ иныхъ учинилися бѣдственны Китайскому языку. Третій образъ письмоводства Ли-Тсеэ началъ въ царствованіе Шу-Гоанг-Тіа, основателя династіи Тсинской, заклявшагося врага наукъ и упражняющихся въ нихъ. 4) Гинг-Шу присвоено печатанію книгъ, какъ у насъ буквы круглыя и такъ называемыя Италическія. 5) Тсао-Тсеэ вымышлено при Ганскомъ поколѣніи Императоровъ: погубило бы всю Китайскую ученость, естьли бы одержало верьхъ надъ прочими письмоводствами. Есть родъ живописи кистью, которою владѣть только могла проворная и навычная рука; но переиначиваетъ буквы даже до крайности. Нынѣ употребляется врачами въ прописываніяхъ лѣкарствъ, въ предсловіяхъ книгъ, надписяхъ по прихотямъ, и тому подобномъ. Смотри пять сихъ родовъ письмоводства въ трехъ первыхъ таблицахъ. Различія и сокращенія двухъ первыхъ произвели несравненно болѣе поврежденія, нежели трехъ послѣднихъ, по причинѣ той, что послѣднія приведены въ порядокъ людьми учеными, утверждены общественною вла-

торые потѣли, разбирая старинныя рукописи, легко поймутъ, чего стоило ученымъ же Китайцамъ и розыскивателямъ древности, сражавшимся между тѣмъ безпрестанно не съ малымъ числомъ ученыхъ же людей, но съ безчисленнымъ множествомъ разновидныхъ буквъ.

властію и болѣе ударяютъ на валовый образъ всѣхъ буквъ, нежели на правопись, да и не ронщутъ ученые на то инако, какъ только что чрезъ нихъ утратились старинныя буквы, полезныя для справокъ. Въ разсужденіи раздробленія многихъ буквъ нынѣшнихъ, неявственно и безобразно пишемыхъ, я бы охотно сравнивалъ разныя сіи письмоводства Китайцевъ съ разными же рукописьми одного столѣтія съ другимъ; различія же и сокращенія сихъ же самыхъ буквъ съ грубыми оными и перепорченными словами невѣжественныхъ вѣковъ, кои безъ помощи толкователей не понятны. Къ тому же толкователи Китайскіе не столь надежны, какъ наши, за недостаткомъ памятниковъ для розысковъ толико тонкихъ.

Довольно простерся я о части исторической Китайскихъ буквъ, и не раскаяваюсь. Никто еще прежде меня, сколько мнѣ извѣстно, не доставлялъ Европѣ таковыхъ подробностей; за незнаніемъ же оныхъ самые искуснѣйшіе люди ошибались. Существенная польза ихъ есть та, что могутъ обратиться въ правила къ изслѣдованію догадокъ Г. Неэдгама. Ибо естьли таинственнымъ знакамъ, изсѣченнымъ на истуканѣ лжебогини Изисы, сберегающемся въ книгохранилищѣ Туринскомъ, дѣйствительно бы походить на буквы Китайскія: то должно, 1) чтобъ составлены были во вкусѣ Китайцевъ; 2) сопринадлежали къ которому либо одному изъ вышесказанныхъ пяти родовъ письмоводства. Посмотримъ же далѣе. . . .

Выговорилъ уже я, буквы Китайцевъ суть двоякія: учебныя, числомъ не болѣе двухъ сотъ; и слож-

сложныя, до осьмидесяти тысячь; простыя состоятъ въ знакахъ таинственныхъ и изображеніяхъ вещей, слѣдовательно изражаютъ только простыя реченія, разговоры, сплетенные изъ многихъ умоначертаній, сложныхъ и производныхъ.

Буквы на истуканѣ Изисы состоятъ весьма въ маломъ числѣ почерковъ, а потому и не могутъ разумѣться истинными Китайскими буквами; не могутъ изражать умоначертаній сложныхъ и производныхъ, ниже означать связь и совозпослѣдованіе смысла. Вѣдаю, что слогъ каменосѣчный, слогъ надписей, имѣетъ особыя права; но вѣдаю же, что сіе право не преступаетъ предѣловъ простаго словаря; по малой мѣрѣ не помню, чтобъ видалъ гдѣ нибудь противной тому примѣръ въ древнихъ надписяхъ. Смѣю утверждать, что не терпитъ свойство Китайскаго языка подразумѣнія нѣкоторыхъ особыхъ буквъ въ извѣстномъ числѣ. И такъ, взирая на надпись истукана Изисы, съ какой угодно стороны, не имѣетъ оная истиннаго отношенія къ буквамъ Китайскимъ. Напрасный трудъ ломать голову.

Въ разсужденіи же сходства и единообразія таинственныхъ знаковъ на Изисѣ съ буквами Китайскими, приводимаго Недгамомъ, признаюсь, что онсе примѣтно, особливо подъ числами 2, 3, 8, 9 и 13. Ниже сего скажу мое о томъ мнѣніе, а теперь замѣчу только, что многіе изъ сихъ таинственные знаки во всей своей цѣлости и почеркахъ разнствуютъ съ таковыми же знаками Китайскими. Вотъ что еще рѣшительнѣе: всѣ совокупно въ знакахъ, о коихъ слово, отличаются отъ Китайскихъ. Довольно посмотрѣть на какую либо книгу, и увѣ-

риться. Пусть сличатъ ихъ съ пятью вышеупомянутыми родами письменъ: не найдутъ ничего сходнаго. [Смотри таблицы 1, 2 и 3]. Дабы нечѣмъ уже было укорять мнѣ самаго себя, списываются уже у меня древнія надписи, пріемлемыя знатоками временъ Шанговой династіи (П), сирѣчь за тысячу пять сотъ лѣтъ до рождества Христова. Сличая оныя съ надписью же на истуканѣ Изисы, находилъ я разность какъ между Аравитскимъ языкомъ и Татарскимъ. Послѣднюю казали въ Пекинѣ Ган-Линамъ, или ученымъ первой степени, кои по званію своему долженствуютъ вѣдать старинныя свои буквы; они не могли разобрать и не признали Китайскими. Мандарины и учители школъ сказали, что ниже видывали въ государственной палатѣ переводовъ, похожихъ на нихъ. Я самъ сводилъ ихъ съ осьмью родами буквъ чужестранныхъ въ Китаѣ, и увѣрился въ совершенной съ сими разности.

Заключеніе.

Крайнѣ сомнительно, чтобъ Изисовою надписью льзя было объяснять Китайскія буквы; не вижу надежды находить совозпослѣдованіе смысла, и всячески натягивая сходства знаковъ въ ней къ буквамъ Тшинг-Тсеэ-Тонгъ. Но прежде нежели отступимъ рѣшительно отъ догадыванія Неэдгама, могущаго путеводительствовать ко многимъ находкамъ,

(П) *Снимая нарочитое число списковъ съ надписей сихъ, цѣль моя была та, что могутъ пригодиться для толкованія Іероглифовъ. Нѣсколько уподобляющихся древнимъ Китайскимъ буквамъ не льзя ли будетъ объяснять одни другими?*

камъ, думаю не безполезно простирать далѣе розыски о томъ, обозрѣвая вещи точно съ надлежащей стороны, слѣдовательно не попуская прокрасться истиннѣ и стать непримѣченною: не подобіями, не едва ли не такими, въ новѣйшихъ словаряхъ (Р), полныхъ погрѣшностей, словаряхъ безъ правилъ, какъ проходить, можно сказать, по излучинамъ лабиринта Египетскихъ Іероглифовъ; а надобно вникнуть весьма далѣе въ глубину древности: проложить дорогу кратчае, надежнѣе и простѣе.

По омѣрѣ слабаго моего понятія объ Египетскихъ Іероглифахъ и буквахъ Китайцевъ, вотъ какъ мнѣ кажется сіе сбыточно: 1) посредствомъ только самой далекой древности сближать ихъ взаимно, разсматривая сочиненія, какихъ нѣтъ ветшѣе во обоихъ народахъ; долженъ бы я былъ тѣмъ, что разумѣется вообще подъ именемъ древности; пріурочивалъ бы къ извѣстнымъ замѣтамъ временъ появленія обелисковъ, мумій (*) и всякихъ иныхъ памятниковъ,

Е 2

(Р) Сего не можно знать въ Европѣ, а только пользоваться такимъ словаремъ для Іероглифовъ Египта, подобно какъ сочиненіемъ Роберта Этіэна способствуются, разбирая Четьи Минеи, медали, древнія надписи и прочее. Причина тому самая простая. Тшинг-Тсеэ-Тонг писалъ буквами, принадлежащими къ степени Гинг-Шу. Случайно только нападаютъ на нѣсколько буквъ же Ку-Уэна въ старинныхъ печатныхъ изданіяхъ; но надобно все обрѣтаемое въ Китаѣ для Іероглифическихъ буквъ; и самыя новѣйшія изъ нихъ весьма уже древнія.

(*) Муміями зовутся умащенные благовонными пряностьми трупы старинныхъ Египтянъ.

ковъ, на коихъ Іероглифы растолковать желательно; справляться съ частію Китайской исторіи о буквахъ и искать въ томъ помощи. 2) Не для всѣхъ бы безъ изключенія Іероглифовъ равно изтощалъ я труды мои, а предпочитая чаще прочихъ одумыванные и толкованные, лучше сбереженные до днесь, важнѣйшіе, и о которыхъ предки оставили намъ преданія и догадки. Естьли Китай поспособствуетъ моему въ томъ просвѣщенію, то будетъ уже у меня средоточіе опоры, отверзутся врата къ тысячамъ новыхъ обрѣтеній; не стану я по напрасну тратить шаговъ, бродя на удачи во тьмѣ. 3) Достовѣрно, что кумирослуженіе было уже въ Египтѣ въ древнія времена, а въ Китаѣ возникло недавно. Найду ли я признаки онаго въ Іероглифахъ, брошу все, и не пойду искать тамъ сумозбродствъ, гдѣ посчастливилось ими не заразиться. 4) Вѣра въ Господа Бога, Избавителя, Воздавателя за добрыя и злыя дѣла человѣческія, преданія о состояніи первобытной невинности, праотеческій грѣхъ, всемірный потопъ, чинъ молитвословія, жертвоприношенія, суть общи всѣмъ народамъ древнимъ, яко познанія, наслѣдственныя отъ Н я чрезъ дѣтей его, внучатъ, правнучатъ, и такъ далѣе. Къ сему-то бы преважному предмету я прилѣпился. Не только во утѣшеніе исповѣдуемой мною вѣры, но чтобъ имѣть на чемъ основываться, производя вышесказанныя сличенія и належное правило доказывать и опровергать. 5) Не поступая на составленіе системы, какъ обрѣтать сходство Іероглифовъ съ буквами Китайцевъ, воспользовался бы языкомъ послѣднихъ и началъ разгонять густую мглу, покрывающую первыя, пріобщая, гдѣ будетъ надобно, примѣчанія историческія и грамматическія. Опишемъ всѣ такіе способы каждый порознь.

Велико

Велико уже во изысканіяхъ имѣть начертанные рубежи, изъ коихъ изшествіе навѣрное можно поставлять тщетнымъ. Китай при всемъ уваживаніи вземлющагося отъ древности не избѣгнулъ жребія иныхъ краевъ свѣта: громкія приключенія, премѣны Государей, упадокъ наукъ, мало по малу загладили признаки ветхихъ временъ, переиначилися законы, чиноположенія и обряды; повреждены преданія, письмена обезображены, и прочее. Не знаю ли хотя сколько нибудь, котораго столѣтія суть Іероглифы, мнѣ показуемые? Какъ могу съ розысками моими скитаться изъ одной династіи въ другую, третію и такъ далѣе, и держаться всѣхъ подробностей, удобныхъ подать мнѣ свѣтъ? Паче же послѣ сожженія книгъ ... много должно околесить странъ, чтобъ напасть гдѣ либо на слѣды древности, обрѣтаемые разсѣянно тамъ и сямъ по дремучему лѣсу книгъ столь же скучнаго содержанія, какъ и претрудныхъ къ выразумѣнію (С). У Китайцевъ не безъ выписокъ

 изъ

(С) *Во времена громкихъ произшествій, дававшихъ Китаю новыхъ Государей, почти всѣ мѣдныя утвари древности разплавлены; книгохранилищи Императоровъ свергенныхъ съ престола, сожжены вмѣстѣ съ ихъ Дворцами; и такъ почти не осталося сего рода памятниковъ. Въ имперіи Римской медали, торжественныя врата, выпуклыя надписи, общенародныя зданія, гробницы и тому подобное, сохранили весьма многое до нашихъ временъ, относительно къ Римской исторіи. Въ Китаѣ же нѣтъ таковаго ничего. Прежде сего находилися еще нѣсколько Пеіовъ, или большихъ столовъ марморовыхъ бѣлыхъ съ надпися-*

изъ оныхъ, не безъ сокращеній, да и весьма пространнѣйшихъ и порядочно разположенныхъ; но Іероглифы сочинителямъ ихъ были невѣдомы: слѣдовательно и не льзя добираться, гдѣ они помѣстили надлежащее до того (Т). Іероглифы не то, что наши буквы по азбукѣ. Послѣднихъ зная нѣсколько, находимъ ключь къ прочимъ. Надобно вѣрить, что подобно же бы зная значеніе нѣкоторыхъ Іероглифовъ, далеко бы уже подалися впередъ по пути
ко

писями; но едва ли уцѣлѣло до нынѣ нѣсколько ихъ отломковъ. Китайцы никогда не бывали охотники къ знакамъ сего рода для позднаго потомства. При перемѣнѣ династіи изтреблялося все могущее приводить на память семейство, лишенное престола. Не щадили и гробницъ, особливо въ такой землѣ, гдѣ мертвыя тѣла занимаютъ большую часть мѣстъ, нужныхъ для живыхъ. У нынѣшняго Императора есть не много Ку-Танговъ, чашъ и иныхъ мѣлочей, весьма старинныхъ, но безъ надписей, а притомъ и видѣть ихъ не удастся. Сказываютъ, что есть повелѣніе вырѣзать на мѣди всѣ древніе памятники въ государствѣ. Пусть оное исполнится, но никто также видѣть не будетъ.

(Т) Худо вѣрятъ въ Европѣ, однако же сіе такъ въ самомъ дѣлѣ. У Китайцевъ невѣроятное множество книгъ всякаго рода; смѣю сказать, что имѣютъ собранныя сочиненія и выписки отмѣнно хорошія. Сколько есть между ими могущихъ научать Европу, паче же относительно къ законамъ правительства, ремесламъ, нужнымъ въ жизни, натуральной исторіи и прочему!

ко узнанію и всѣхъ. На такой конецъ списаны принятыя мною ближе прочихъ похожими на Катайскія буквы. Въ первомъ столпцѣ суть Іероглифы, собранные Кирхеромъ; во второмъ древнія буквы Китайцевъ, на нихъ похожія; въ третьемъ тѣ же буквы, какъ пишутся нынѣ. (Смотри таблицу 6, 7, и 8). Могъ бы я справиться съ сочиненіемъ Кирхера для сближенія смысла у однихъ съ другими; но довольно размысливъ, заключилъ, что лучше держаться письменнаго смысла всякой Китайской буквы, въ какомъ поставлена въ словаряхъ. Сіе не столь пахнетъ системою и паче подгибается подъ догадки и открытія. Не спорю, болѣе бы сысковъ умножили примѣчанія (У); сомнѣваюсь однако же въ возможности простирать ихъ далеко, а развѣ помощію изображеній животныхъ четвероногихъ и пер-

(У) *Чтобъ доводить далѣе такой розыскъ, надлежало бы имѣть точной списокъ съ извѣстныхъ Іероглифовъ, а я принужденъ былъ способствоваться только нѣкоторыми толками сочиненія Кирхера. Но не въ томъ состояло главное затрудненіе. Древнія буквы давно уже въ небреженіи у Китайцевъ. Долженствовалъ я нарочно ходить во многіе домы, вопрошать многихъ любителей древности для узнанія непозабытыхъ еще совсѣмъ буквъ степени Ку-Уэна. Дѣло тяжкое всякому иностранцу, особливо же проповѣднику вѣры, который не имѣетъ ни одного свободнаго дня. Буквъ степени Ку-Уэна весьма уже остается мало; да и сомнѣваюсь, чтобъ большая часть были самыя древнія. Не ручаюсь, есть ли хотя одна временъ Рамезеса и Сезостриса.*

пернатыхъ, растѣній и иныхъ таинственныхъ знаковъ на обелискахъ. Самое малое сходство между ими и буквами Китайскими есть уже богатая жила искомой руды. Песъ, крокодилъ, волъ, змѣя и подобное тому, указали бы обширное поле розысковъ. Нужно, чтобъ тоже самое дѣлалось въ Европѣ и въ разсужденіи таковыхъ же Китайскихъ таинственнаго знаменованія животныхъ, а именно дракона, Сонг-Гоанга, Ки-Лина и черепахи. Упомянемъ вкратцѣ, что стоитъ о томъ въ книгахъ.

О драконѣ упомянуто въ И-Кингѣ и *Ли*-Кіѣ. По толкованію книги Шу-Энъ, на драконѣ семъ длинная чешуя, желтая, имѣетъ онъ разумъ и проницаніе, можетъ дѣлаться, когда захочетъ, навидимкою, становиться тѣломъ долѣе и короче, по веснамъ держится выше облаковъ, по осенямъ на днѣ водъ.... Коснуся я вскользь только и многихъ другихъ басенъ ради того, что произхожденіе ихъ посредственной древности. . . . Изображаютъ дракона съ толстою головою, на которой рога, широкой зѣвъ, а въ немъ зубья какъ пилы; у каждой челюсти клыкъ змѣйкою; имѣетъ широкія крылья, перья на нихъ въ тонкой кожицѣ, какъ у летучихъ мышей; четыре лапы съ когтями крюкомъ, такъ острыми, какъ у ястребовъ. Чешуи, коими покрывается тѣло его, начиная отъ головы, чѣмъ ближе къ хвосту, тѣмъ мѣльче, хвостъ же безмѣрно долгой. Часто видятъ его раззинувшимъ зѣвъ свой противу солнца. На одеждахъ Императора и вельможей его всякой разъ множество изображено драконовъ, но первый только имѣетъ право, чтобъ были о пяти когтяхъ и зрѣлись головы ихъ спереди.

О

О Ки-Линѣ стоитъ въ И-Кингѣ, Ли Кiѣ, Сеэ-Шуахъ и иныхъ книгахъ: представляется имѣющимъ тѣло дикой козы, голову овечью, воловьи ноги и хвостъ, бедры конскiя, также подъ чешуею; на срединѣ лба рогъ, у коего на концѣ мясо; ходя не мнетъ травы и не можетъ раздавить и самой мѣлкой букашки. Голосъ подобенъ звуку колокола, цвѣтомъ желтъ, но чешуи отливаютъ разные цвѣты, какъ на радугѣ; живетъ тысячу лѣтъ. . . . У Фонг-Гоанга голова пѣтушья, носъ ластовицынъ, шея змѣиная, туловище какъ у гуся, хвостъ рыбiй разноцвѣтной, краски на немъ яркiя, родится въ пещерѣ красновиднаго каменнаго материка. Не пьетъ ничего, кромѣ ключевой воды; не ѣстъ, кромѣ плодовъ бамбуевыхъ. На головѣ его изображено слово въ буквахъ добродѣтель, на крыльяхъ послушанiе, на спинѣ справедливость, на брюхѣ вѣрность, на груди любовь къ ближнему. Являлося сiе животное только при Императорахъ, при которыхъ государство было въ порядкѣ и дѣйствовали законы. О Фонг-Гоангѣ пишется въ Шу-Кингѣ и Ши-Кингѣ. . . . По разуму Эульг-Я, десять родовъ черепахъ: перваго зовутся Шин Куэи, втораго Линг-Куэи, третьяго Ми-Куэи, четвертаго Пао-Куэи, пятаго Уэн-Куэи, шестаго Тши-Куэи, седьмаго Шен-Куэи, осьмаго Тсе-Куэи, девятаго Шуи-Куэи, десятаго Го-Куэи. Каждое такое названiе не столько означаетъ разность въ сложенiяхъ тѣла черепахъ, какъ особенныя каждаго ихъ рода свойства, мѣсто, гдѣ держатся, и тому подобное. На чешуѣ буквы читать можно, какъ долго проживетъ всякая такая черепаха, какъ съ помощiю ея прорицать будущее, и прочее. Но объ нихъ не упоминаютъ древнiя книги, кромѣ какъ въ И Шу и Ли-Ки.

И такъ четыре только сіи животныя суть таинственники Китайцевъ (Ф). Нужно бы было поискать тѣхъ же самыхъ изображеній между Іероглифами; а можетъ быть не меньше того и сличать всякое старинное оружіе, жертвенные сосуды, одежды, домашнія утвари, словомъ, всякіе древніе памятники обеихъ народовъ. Открытія сего рода послужили бы поводомъ къ новымъ, да и важнѣйшимъ открытіямъ

(Ф) Въ Ши-Кингѣ упоминается о нѣкоторыхъ растѣніяхъ и птицахъ, подразумѣвательно, что присвоялися онымъ особливыя таинственныя свойства; но нынѣ весьма не легко дознаваться, какія то были птицы и растѣнія. Толкователи Ши-Кинга въ томъ не согласны. Выдаютъ догадками только все внесенное въ Китай суевѣріями и идолопоклонствомъ. Слѣдовательно и ни къ чему оное не служитъ. Однако же иное надлежитъ разумѣть о журавлѣ, оленѣ, каменномъ мохѣ и агарикѣ. Куаи Фу-Гіэвы, на примѣръ, были въ Китаѣ при всякихъ расколахъ; находятъ ихъ въ книгахъ оныхъ, правилахъ и нравоученіи. Тѣмъ хуже для прочихъ Китайскихъ книгъ. Какъ не льзя было оспоривать древность Куаэвъ, то каждое суемудріе толковало ихъ по своему, перемѣшало съ баснями, подобно Талмудистамъ и нѣкоторымъ древнимъ еретикамъ, развратно излагавшимъ Священное Писаніе. Ученые люди не читаютъ такія книги, но имѣютъ къ нимъ почтеніе глупцы и невѣжды, каковыхъ не меньше другихъ странъ и въ Китаѣ. Замѣчу мимоходомъ, что Императоръ Ву-Ти, подъ коимъ вышло первое изданіе Кинговъ,

тіямъ же. Нѣкогда прислано было въ Римъ и Парижъ прекрасное собраніе Китайскихъ древностей, помощію коихъ и не трудно производить такое сличеніе.

Въ разсужденіи Іероглифовъ на истуканахъ Озириса, Анубиса, Оруса, Сераписа, Изисы и другихъ, безполезно всякое стараніе объяснять ихъ буквами Китайскими. И-Кингъ, Шу-Кингъ, Ши Кингъ, Ли-Ки, Тшун-Тсіэу, Сеэ-Шу, Тао-Те-Кингъ и всѣ вообще древнія книги, не упоминаютъ ниже одного такого слова, къ которому бы прицѣпиться можно было; да и доказано исторически, что идолопоклонство вникло въ Китай не прежде династіи Гановъ. Во времена Конфуція и еще за долго прежде, было суевѣрное служеніе духамъ; но совсѣмъ инакое, нежели какъ повѣствуетъ исторія о суевѣріяхъ же Египетскихъ. Со тщаніемъ разсматривалъ я рѣзьбы на древнихъ сосудахъ, колоколахъ, щитахъ, знаменахъ, шлемахъ и иныхъ памятникахъ, не видѣлъ подобія идоламъ, ниже изображеній человѣческихъ. И нынѣ длится еще старинный обычай, не дѣлаютъ истукановъ и лѣпной работы; находить оныхъ не льзя индѣ, какъ только въ идольскихъ капищахъ. Въ Китайской строевой наукѣ нѣтъ нашихъ женообразныхъ

говъ, омрачался всякаго рода суевѣріями; а мать его, женщина ученая, держалася Фоэва раскола. Станется, что то и другое дѣйствовало въ критикахъ и издателяхъ Кинговъ. Не могли однако же, какъ можно думать, повредить ихъ въ самомъ существѣ: ученые бы люди не умолчали. Изданіе самое новѣйшее превозмогло, прежнихъ же нѣтъ совсѣмъ.

ныхъ и порубежныхъ столповъ, грудныхъ истукановъ, такъ у насъ называемыхъ Геніевъ, и тому подобнаго. Нѣтъ ни одной человѣческой головы во всѣхъ тѣхъ памятникахъ, коими украшаются торжественныя и городскія врата, Дворцы Императора и входы въ чертоги его.

Нигдѣ столь много не уважаются науки, какъ въ Китаѣ; нигдѣ такъ тѣсно не связуются съ правительствомъ. Но Китайцы со всемъ тѣмъ уважаютъ ихъ; поелику поспѣшествуютъ благу общему. Все постороннее, все не нужное для онаго, въ небреженіи; однако же не въ презрѣніи. Жизнь каждаго Китайца не разумѣютъ даже до того ему принадлежащею, чтобъ употреблять отрывки ея на изслѣдованіе, что имѣли въ себѣ примѣтнаго минувшія столѣтія, какія точно суть разстоянія между чужестранныхъ мѣстъ, что можно разобрать во мракахъ древности? Все такое пріемлютъ выше предѣловъ ума. . . . „На что намъ вѣдать то, говорятъ, чего не вѣдали предки наши, да и не вѣдали „безбѣдно? Начто искать того, что не принесетъ „намъ плода? Жадность къ снискиванію суетныхъ „познаній раждаетъ въ душѣ безпредѣльное желаніе, „знать пагубное во всѣ времена для добрыхъ нравовъ „и истинны.„

Но какъ бы то ни было, правила сіи не соотвѣтствуютъ розыскамъ объ Іероглифахъ, естьли приведены будутъ на такой конецъ, чтобъ объясненія оныхъ послужили орудіемъ закону Божіему противу нечестія, столь упорно въ дни наши ополчающагося и на самыя очевидности. Густая тьма, закрывающая отъ насъ прямую вѣру нѣкоторыхъ древнихъ народовъ, есть ихъ прибѣжище.

На-

Начертаніе, кое я самъ себѣ предположилъ, вотъ откуда взимается: Ной былъ праведенъ, глава Патріарховъ по потопѣ, мужъ святый, наученный закону Господню, которой исповѣдывали дѣти Божіи до потопа. Любилъ оный, исполнялъ и обрѣлъ благодать предъ лицемъ Вседержителя, даже до того, что благоизволилъ Онъ спасти единаго его съ семействомъ посреди всеобщей гибели человѣческаго рода. Ной жилъ три ста сорокъ лѣтъ по выходѣ изъ ковчега, дождался многихъ поколѣній потомковъ своихъ, которые всѣ чтили его какъ отца, какъ старѣйшину, какъ Царя: слѣдовательно имѣлъ долгомъ совѣсти научать ихъ сказанному закону, означать имъ онаго таинства, преподавать правила и удерживать внѣшній чинъ богослуженія; слѣдовательно не щадилъ истощать въ томъ всю свою возможность; не щадилъ ничего къ предохраненію отраслей своихъ отъ гибельнаго нечестія. Поверьхность земная, еще не обсохшая отъ водъ потопа, тьмы признаковъ предъ глазами опустошенія произведеннаго оными, непорочность нравовъ его, важность его примѣра, глубокія лѣта его, все сіе совокупно придавало силу его словесамъ, вѣсъ его свидѣтельству, успѣхамъ ревности его и попеченіямъ. Но и не находимъ ли даже до днесь примѣтные слѣды того, какъ Ной исповѣдывалъ Господа Бога во всѣхъ древнихъ народахъ? Чѣмъ ближе ко временамъ великаго сего Патріарха, тѣмъ такіе слѣды паче чувствительнѣе, чище и любезнѣе (X). Со вниманіемъ размыш-

(X) *Сіе очевидно. Свидѣтельствуетъ то Священное Писаніе, вѣщая объ Египтѣ, Авимелехѣ, Мельхиседекѣ, Лаванѣ, Іетурѣ, Іовѣ, Валаамѣ, Ца-*

мышлающій обрящетъ, что идолослуженію, столь долго боровшемуся противу древнихъ преданій, лучше удалось повредить ихъ, нежели истребить. Басни (Ц) всякой разъ подразумѣваютъ древнія истин-

Царицѣ Кавской, Гирамѣ, Царѣ Тирскомъ, Нинивіи и прочемъ. Находятся и иные доводы въ старинныхъ сочинителяхъ, какъ видѣть можно въ Восіусѣ, Гюэтѣ, Боріэрѣ, Томасинѣ, Муркесѣ, которые по примѣру святыхъ отцевъ собирали драгоцѣнные остатки древнихъ преданій.

(Ц) *Глубокомысленный Баконъ такъ мыслилъ и вѣрилъ: . . . Поистиннѣ охотно признаемся, что мы соглашаемся съ таковымъ мнѣніемъ, что таинство не въ мѣлкихъ басняхъ древнихъ піитовъ состояло. Не побуждаетъ насъ также и то къ презрительному объ нихъ мнѣнію, что сіи оставляются почти отрокамъ и грамматикамъ и приходятъ въ презрѣніе. . Но напротивъ того. . кажутся на подобіе тонкаго нѣкоего воздуха, преданіями народовъ, особливо же древнихъ, вшедшими въ стихотворенія Грековъ. Надлежало бы помѣстить здѣсь все, писанное о томъ великимъ симъ человѣкомъ; но сочиненіе его у всякаго подъ руками. Съ помощію весьма умѣреннаго прилѣжанія можно очистить историческія истинны отъ басней, коими обезобразили ихъ писатели послѣдовавшихъ временъ. На примѣръ, кто не опознаетъ земнаго рая и первобытнаго состоянія невинности человѣковъ въ словахъ книги Кэ-Кіа? . . Начиная съ великаго времени, когда естество было еще всесовершенно. . . Въ Тшанг-Тсеѣ: . . . вѣкъ чистѣйшей добродѣтели. . . въ Шан-Га Кингѣ:*

истинны; суевѣріе, обряды вѣры; подобно какъ воровскія деньги, деньги же истинныя. Не здѣсь мѣ-

тѣ: . . страна радостей и утѣхъ, именуемая Куэн-Люн-Шанъ. Кто усомнится? . . Ніу-Уа задѣлала сводъ небесный камнемъ пяти цвѣтовъ, чтобы то не прознаменовало Ноя: небесная радуга, обезображенная баснею. Станется, что древніе Китайцы разумѣли какое либо помѣстное наводненіе всемірнымъ потопомъ, по оставшимся у нихъ преданіямъ объ ономъ. Но великое есть сходство между потопами въ Египтѣ, Девкаліоновымъ, Огигесовымъ, при Инкахъ Американскихъ, у Индѣйцовъ, древнихъ Галловъ и тому подобныхъ. Конечно былъ одинъ, различно повѣствуемый. Самое время, къ которому его пріурочиваютъ, есть доказательство. Говоря же только о Китайцахъ, Іезуитъ де ла Шармъ весьма изрядно замѣчаетъ въ переводѣ своемъ Кіа-Тсе-Гоэи-Ки [лѣтописи имѣютъ ихъ въ Европѣ], что Шу-Кингъ не упоминаетъ въ главѣ Яо-Тіэнъ, чтобъ всемірный потопъ случился во времена Яоэвы. Вотъ сіе слово въ слово: . . . Императоръ изрекъ: увы вселенная! неизмѣримыя воды разлились! О какъ онѣ возвысились! объемлютъ холмы, превышаютъ горы, досязаютъ до небесъ.

Не поступая далѣе, замѣтимъ: 1) мѣсто сіе Шу-Кинга не вяжется съ предъидущимъ. 2) Шу-Кингъ, равно какъ и всѣ иныя старинныя книги, писаны слогомъ не пышнымъ и не стихотворческимъ, слѣдовательно упоминаютъ о потопѣ таковомъ, какой былъ при Ноѣ. Даже толкователь Конг-Ин-Тая и другіе изражаются: волы, кони, ко-

мѣсто подпирать таковыя примѣчанія. Ной научилъ потомковъ Божіему закону. Египетъ соблюдалъ сей за-

колесницы, все погрязло въ водахъ. Воды казалися наполнившими весь промежутокъ отъ земли до небесъ. . . . Гдѣ же можно было укрываться Яоу съ ближними своими? Куда дѣвался народъ его? Вопросы неудоборѣшимые до крайности. Сами Китайцы понимали то, но рѣшить не могли...... Вѣщаютъ только..... Ю возстановилъ опустошенное потопомъ. Такъ перевожу я двѣ буквы: Гонг-Шуи: неизмѣримыя воды. Но въ главѣ Ю-Конгѣ, гдѣ описываются работы Юэвы, читаемъ только, что валили лѣса, прокладывали дороги чрезъ горы, прокапывали новые бѣги рѣкамъ, устрояли насыпи отъ подъемлющихся водъ, рвы для сообщенія областей между ими. Нѣ что изъ онаго существуетъ и до нынѣ, не проявляя однако же признаковъ, чтобъ могли служить для спуска водъ по потопѣ, какъ описывается въ главѣ Яо-Тіэнъ. Ло-Пи, единый изъ наипрославившихся ученыхъ мужей, неутомленный розыскиватель древностей Китайскихъ, позналъ сію трудность и старался разрѣшить оную. Всѣ историки, всѣ толкователи, съ которыми, ни одного не оставляя, онъ справлялся, но во всѣхъ же находилъ только глупости; паче же въ разсужденіи работъ Юа, будто бы начатыхъ на мѣстахъ низменныхъ и ближайшихъ къ морю... Естьли воды, говоритъ онъ, покрыли горы, естественно, чтобъ были глубже на низкихъ мѣстахъ; возможно ли было начинать тамъ такую работу?.... Невозможность очевидная. Всякой конечно согласится съ Ло-Піэмъ.

законъ по крайней мѣрѣ нѣсколько столѣтій. Первая Бытейская книга Моисеева на нѣкоторыхъ мѣстахъ даетъ оное заключать, а исторія свѣтская подаетъ доказательства неопровергаемыя. Тоже самое и Китай: разкрой Кинги, и увѣришься. Не трудно, думаю, доводить, что единобожіе было общимъ закономъ Китая до Тсин-Ши-Гоанга, основателя четвертой династіи, за двѣсти тритцать лѣтъ до рождества Христова. Естьли потомъ стало меньше чисто, меньше общественно, меньше торжествующе; однако же сраженія его, побѣды,

 едино-

Піэмъ. Надобно разумѣть Шу-Кингъ иносказательно, инако же удалишься отъ преданія, станешь насиловать сей книги смыслъ: Богъ въ свѣтѣ.

Мнѣ собственно представляется простѣе полагать, что выписыватели и издатели Шу-Кинга не къ мѣсту присвояютъ какое либо частное наводненіе во времена Яоа потопу всемірному. Сами Китайскіе критики признаются, что многія мѣста Шу-Кинга, Тшанг-Юнга и иныхъ старинныхъ сочиненій, перемѣшаны и положены не на своихъ мѣстахъ. Преданіе ученыхъ утверждаетъ, что Конфуцій три тысячи двѣсти сорокъ главъ первобытнаго Шу-Кинга сократилъ во сто главъ; да и сіи не всѣ дошли до временъ нашихъ. Конг-Нгаи-Куэ только половину ихъ могъ разтолковать, когда отыскалась древняя сія книга въ теченіи Гановой династіи чрезъ множество лѣтъ послѣ извѣстнаго сожженія книгъ. Обстоятельство, равно какъ и многія другія, требующее особыхъ розысковъ, и могли бы быть не безполезны.

единогласное свидѣтельство лѣтописей и иныхъ книгъ, ощутительно утверждают всегдашнее его существованіе, что существуетъ и нынѣ, не взирая на всѣ усилія злочестивыхъ, идолослужителей и толикихъ сонмищъ раскольническихъ. Такъ полагая, Священное Писаніе у Египтянъ и Китайцевъ влечется отъ самой глубочайшей древности. Естьли оное есть одно и тоже самое, то изражаетъ и тѣ же самыя правила, дѣянія и внѣшній обрядъ служенія Богу. И такъ, на примѣръ, сличая Египетскіе Іероглифы, вѣщающіе о Божествѣ, съ таковыми же древними Китайскими, то откроется точность сходства между тѣхъ и другихъ, или заставлены будемъ признаться, что тѣ и другіе, хотя различно, но проявляютъ одно. Такое сличеніе тѣмъ паче основательно, что имѣя уже мы ясное понятіе о предметѣ сходства, можемъ возспособствоваться имъ подобно циркулю, коимъ мѣряютъ двѣ величины, ища равенства между ими; или, когда угодно, какъ подлинники двухъ живописцевъ, сличаемыхъ взаимно. . . . Испытаемъ же силъ нашихъ въ томъ.

Между древними Китайскими буквами есть (*смотри рисунокъ* 10 No 5) пишемая нынѣ (*тамъ же* No 6) въ словарѣ Канг-Гіусовъ, значитъ соединеніе, союзъ. Послушаемъ раздробленія Китайцевъ буквы сей (Ч). Книга Шуэ-Уэнъ толкуетъ Δ троица во единицѣ.

(Ч) *Ліэу-Эульг-Тши говоритъ:.. Ища кореннаго смысла, смысла существеннаго какой либо буквы, должно проникать смыслъ же частей, изъ коихъ она составлена. Тахъ на примѣръ выводится смыслъ буквы Шунъ: изъяснять слово все-*

ницѣ. Составляется изъ (*тамъ же* No 7) Жу, сирѣчь входить, проницать; и Ve (*тамъ же* No 8), сирѣчь единъ; изъ чего слѣдуетъ: „Три соединенно входятъ „и сливаются во едино.„ Въ толкованіи самыхъ древнихъ буквъ, или знаковъ, подъ названіемъ *Ліэу*-Шу-Тсинг-Гоэнъ, Δ значитъ пѣсное соединеніе, согласіе, первое благо человѣка, неба и земли, единство тріехъ Тсаівъ. (Тсаи толкуется первоначальное основаніе, могущество, искусство въ Таоѣ). Бывъ соединены, совокупно управляютъ, созидаютъ. Буква, или знакъ (*тамъ же* No 9.) [три соединенно во одномъ изображеніи], не столь теменъ самъ по себѣ, но трудно разсуждать объ немъ.

Извѣстна мнѣ нѣжность вкуса вѣка нашего, строгость критиковъ и самыхъ благоразумнѣйшихъ, когда идетъ слово о законѣ Божіемъ. Но дерзаю дознаваться, что буква Δ была у древнихъ Китайцевъ таинственнымъ знакомъ животворящія и безначальныя Троицы. Сверьхъ приводимаго мною здѣсь находимъ въ самыхъ старинныхъ книгахъ ихъ великое множество мѣстъ, свидѣтельствующихъ, что извѣстна уже тогда была великая сія наша Христіанская тайна. Въ книгѣ Сеэ-Ки стоитъ: ...„Императоръ прино„силъ жертву чрезъ всякіе три года Духу Троицы и Един„ства [*смотри рисунокъ* 10 No 10]. Шин-Сан-Ѣ. Въ Европѣ знаютъ славное мѣсто изъ Лао-Тсея: ... „Тао (Ш) есть

 „единъ

всемогущій, должно прежде проразумѣть порознь все и могущій.

(Ш) *Тао въ обычайномъ разговорѣ значитъ правило, законъ, мудрость, истинну, путь, слово; въ приводимомъ же здѣсь смыслѣ Божество. Не я такъ перевожу, а основывалсь на изреченномъ самимъ Лао-Тсеемъ:* ... *Тао*

„единъ по естеству, первый породи втораго; обоя „произвели третіяго; тріе сотворили всѣ вещи.„ Сомнѣваюсь, чтобъ извѣстно же было и сіе, весьма, какъ мнѣ представляется, чудное: . . . „Тотъ, который яко видимый, но не можетъ быть видимъ, „зовется Кги; тотъ, который можетъ слышать, „но не слышимъ ушами, Ги; тотъ, который яко „чувствуемый, но не можетъ быть осязаемъ, зовется „Уэи. Тщетно совопрошаешься съ чувствами о всѣхъ „тріехъ, однимъ умомъ постигнешь; умъ только „твой скажетъ тебѣ, что тріе сіи единъ; что „превыше ихъ нѣтъ свѣта, подъ ними нѣтъ тьмы. „Вѣченъ. Нѣтъ имени, кое бы наложить Ему; не „походитъ ни на что существующее. Видъ безъ „образа, образъ невещественный, свѣтлость Его „окружается тьмами. Взирая на высоту, не узришь „Его начала; совозпослѣдуя за Нимъ, не найдешь Ему „конца, потому что былъ Тао во всѣ времена. „По-

. . . Тао есть бездна совершенствъ, содержащая въ себѣ всѣ существа . . . Тао, изражаемый словами, не есть вѣчный Тао. . . . Тао самъ себѣ правило и образецъ. Гоан-Нан-Тсеэ такъ пишетъ: . . . Тао сохраняетъ небеса, держитъ землю; такъ высоко пребываетъ, что не можно досязать до него; такъ глубоко, что не измѣряется; такъ повсемѣстно, что занимаетъ весь міръ; однако же весь онъ всецѣлый и въ самыхъ малѣйшихъ вещахъ, и прочее. Въ Шу-Кингѣ стоитъ: . . . Сердце Таоа до безконечности нѣжно и чувствительно.

Могъ бы я еще многія внести здѣсь ссылки мои, но преступилъ бы предѣлы примѣчаній. Да вѣрятъ подпираемому мною достойными уваженія доводами.

„Познавай, что Онъ есть, сиръчь Въчный, начало „премудрости.„ Толкователь выражаетъ вещи столь сильныя и столь ясныя, что не смъю переводить, дабы не отвращать читателей. Но какъ писатель есть средней древности, то не имъетъ онъ ничего надлежащаго до Iероглифовъ. Приведенныя же здъсь мною мъста изъ книгъ суть самыя древнія. Читатели! пріимите ихъ хотя подобно иносказаніямъ Орфеевымъ, или извъстному оному письму Греческаго философа Платона ко Ермiасу: не льзя инако будетъ разумъть, что древніе Китайцы имъли нъкоторое понятіе о Святой Троицъ. Буква Δ есть правдоподобно таинственный знакъ оныя. Въ семъ смыслъ надобно искать, имъли ли и Египтяне между Iероглифами своими такую же Δ, и объясненіе сего Iероглифа (Щ) согласно ли моему объясненію, соотвътственному Китайской учености. Когда сколько нибудь явится подобная, то возъимъемъ право къ заключенію, что и Китайцы и Египтяне почерпнули знакъ сей въ одномъ источникъ. Преобратилось бы то въ очевидность, естьли бы такое же точно сходство ударять могло на нъкоторое число Китайскихъ буквъ и Iероглифовъ Египетскихъ. Какую бы пользу снискали мы тъмъ во объясненіи прочихъ? Догадки стали бы правдоподобіями, а правдоподобія очевидностьми. Но гдъ человъкъ толикаго духа, которой бы ръшился посвятить вре-

(Щ) *Въ показаніи буквъ, кои принялъ я сходствующими со Iероглифами Египетскими, есть Δ. Ради несовершенной точности съ таковою же Китайскою буквою, не имъя потребныхъ книгъ для справокъ, не простираюсь далъе.*

время свое розыскамъ, столь долговременнымъ, отвратительнымъ и претруднымъ? Къ тому же не избѣжалъ бы отъ насмѣшекъ и язвительныхъ острыхъ словъ извѣстнаго рода ученыхъ. Кто порукою, что не обвѣшаютъ его надписями, въ коикъ будетъ стоять: . . . „Тѣсной умъ, душа слабая, голова „напичканная мѣлочьми исповѣданія вѣры, будто бы „истинная ученость не инако снискивалась, какъ „чрезъ привержение къ системамъ, уничижающимъ „здравый разумъ; или вѣщая только глубокомысленно „о бреднях метафизическихъ? „

Знаніе буквъ Китайцевъ послужило бы свѣтильникомъ во истолкованіи Іероглифовъ Египетскихъ. Можетъ быть разные образы начертанія произвели безмѣрно великое число ихъ. Китайцы вымыслили же различія смысловъ въ своихъ буквахъ, или паче раздробили ихъ на многія единосмысленныя; можетъ быть, что снизходя отъ самыхъ древнихъ Іероглифовъ до самыхъ новѣйшихъ, откроется способъ разпознавать тѣ, которые суть между собою одинакаго смысла. Неизвѣстно, не уменьшены ли первоначальные знаки таинственные Китайскихъ буквъ и въ старину для удобнѣйшаго вмѣщенія въ строки? Станется, что подобно же случилось въ Египтѣ со Іероглифами, составленными и изъ изображеній и видовъ, и были только во употребленіи для великихъ памятниковъ, обелисковъ и того рода; а на мѣлкихъ вещахъ, на примѣръ муміяхъ, выпуклостяхъ на зданіяхъ, въ надписяхъ, Іероглифы же, но сокращенные и умаленные въ величинѣ, подобно буквамъ Китайцевъ. Много уже будетъ слѣлано, когда узнаемъ, которые суть Іероглифы крупные, которые мѣлкіе. До нынѣ всегда давали каждому Іероглифу смыслъ

смыслъ полный, знаменованіе ему свойственное. Не льзя ли попытаться соединить многіе съ примѣра Китайскихъ буквъ, примѣняяся, не легче ли толковать ихъ?

Всѣ такія предлагаемыя мною посредства показаться могутъ смѣшными въ Европѣ, но да не забываютъ читатели: основываюсь я на *когда бы то было такъ*; что есть не малое сходство, или по крайней мѣрѣ отношеніе между Іероглифовъ и буквъ Китайскихъ. Сице полагая, конечно достигли бы мы до открытій существенныхъ.

Вѣрю впрочемъ, что должно пользоваться всемъ возможнымъ ко объясненію послѣднихъ. Есть не сложныя, то есть принадлежащія къ степени буквъ Лэ-Шу, какъ сказано выше, значущія нѣкакія особыя произшествія, обычаи, преданія и такъ далѣе: ихъ возхотѣли предки сохранить потомству изображеніями и знаками таинственными. Приведемъ примѣры: мѣсяцъ високосный Юн-Юэ, наступающій седмь кратъ въ теченіи девятнатцати лѣтъ, установленной для соглашенія годовъ солнечныхъ съ лунными, изображается вратами, посреди коихъ буква же, значущая Царя. Причина тому сія: Императоры нѣкогда въ томъ мѣсяцѣ приносили жертву у вратъ, а въ прочіе мѣсяцы внутрь храма. Буква Тша, значущая написанное что либо, состоитъ изъ трехъ буквъ: ножикъ, соединеніе, дщицу бамбуеву; ибо вырѣзывали буквы ножемъ на бамбуевыхъ дщицахъ и связывали вмѣстѣ. Буква Тингъ, сосудъ, значитъ же возобновить; ибо при всякой перемѣнѣ династіи переплавливалися старые сосуды, употребляемые при обрядѣ поминовенія предковъ, въ новые. Число таковыхъ буквъ историче-

рическихЪ, иносказательныхЪ, таинственныхЪ и иныхЪ, весьма велико (Ъ). Не могло ли быть вЪ ЕгиптѢ подобнаго же рода ІероглифовЪ? Но какЪ ихЪ различать взаимно? ПоложимЪ, чтобЪ оное удалось, то какЪ находить прямой смыслЪ каждой? Ежели бы нашлися такіе, чрезЪ которые бы доходить было можно до закона Божіяго, пророчествЪ, обѢщанныхЪ грядущихЪ благЪ, преданій, догматовЪ вѢры и тому подобнаго, весьма бы легче предоставалось толковать ихЪ. НѢкоторые примѢры КитайскихЪ буквЪ учинятЪ вразумительною мою мысль. Но прежде приступленія кЪ тому сказываю предЪ всѢми, что выдавать оное буду за простыя мои догадки, коимЪ бы вѢрили, какЪ совсѢмЪ несопримѢшивающимся кЪ Божіему закону. ВпрочемЪ не некуся предостерегать себя отЪ критики, всегда имѢющей наморщенный лобЪ и наполненну голову мѢлочными предразсудками нечестія; критики, которая отвѢчаетЪ только громкимЪ смѢхомЪ на все мрачащее умовоображенія ея; на все, усыпляющее безвѢріе и безумство.

Буква ладья, корабль, составляется изображеніемЪ корабля, устЪ и числа восемь: можетЪ сіе относиться кЪ осьми лицамЪ, находившимся вЪ НоевомЪ ковчегѢ. Восемь и уста сЪ водою изражаютЪ благополучное судохожденіе. . . Буква Кіэу значитЪ развращенный, вну-

(Ъ) *Прочитай книгу Шуэ УэнЪ, и увѢришься. Многія изЪ буквЪ сихЪ послужили ко обЪясненію многихЪ древнихЪ обычаевЪ, употребленій, дѣятельностей и прочаго, да и суть медали КитайцевЪ.*

внутренно злый, или худый. Состоитъ изъ буквъ мой, поднятый выше, и девять. Не походитъ ли на правду отношеніе сіе на Князя тьмы Луцифера, особливо потому, что въ книгѣ И-Кингѣ употреблена сія буква въ ознаменованіе дракона, о коемъ пишетъ... „Стонетъ подъ бременемъ гордыни своея.„ А нѣсколько пониже: . . .„ Гордыня его ослѣпила; возхотѣлъ „взойти на небо, и низверженъ во утробу земли.„ Пришло мнѣ теперь на мысль примѣченное мною въ Шан-Гаи-Тингѣ, книгѣ самой древней. Видѣлъ я въ ней девятиглаваго змія; тамъ же еще одного тигра и павлина девятиглавыхъ же; у послѣдняго средняя больше прочихъ. Конечно не можетъ оное значить особливаго чего либо; но странно, для чего не по четыре, не по шести и не по осьми головъ?... Буква Ши, по разуму Шуэ-Уэнъ, толкуется: поощрять ко благу, отвращать отъ зла. Состоитъ изъ Ши, указывать, показывать; и еще изъ двухъ буквъ: рыхло, древо; древо, не проразумѣваемое ли жизненнымъ, или древомъ знанія добра и зла? . . . Буква Ланъ, жадничать, имѣть сильное пожеланіе; состоитъ же изъ рыхлаго и древа; а по срединѣ буква же Ніу, сирѣчь жена; буква Уангъ, сирѣчь потерять, лишиться; составлена изъ буквы скрыть, или утаить и умереть, и буквы Ніу, жена; сіе весьма походитъ на грѣхъ праматери Еввы. . . .

За симъ слѣдуютъ инаго рода буквы, какъ бы прорицательныя. Знаменитый критикъ Тшанг-Сіэнъ выводитъ, что древніе Китайцы, сходяся между собою, такъ привѣтствовали одинъ другаго: . . . Ву-Янгъ, сирѣчь безъ агнца. Кажется мнѣ, что было то предвозвѣстіемъ непорочнаго Агнца, пожертаго за спасеніе міра. Янгъ, агнецъ, съ пріобщеніемъ къ

буквѣ сей Синъ, сердце, значитъ печаль, безпокойство (въ нихъ изображается агнецъ посрединѣ сердца); и еще буква Ти, сирѣчь красота, невинныя пріятности; и еще буква Іенъ, слово. Еще пріобщая къ томуКонгъ, сдѣліе, посланное; Кіунъ, начальникъ, Царь; Нго, я, меня, правосудіе, святость; Іенъ, домъ, училище; Пао, взять во объятія, почитать внутренно, обожать, покланяться. . . . Можно изъ такихъ буквъ составить предлинный рядъ. Славный оный *Ли-Коанг-Ти* въ челобитной своей къ Императору Канг-Гіусу пишетъ: . . . Древнія книги полны словъ, сами по себѣ темныхъ. И для того должно толковать ихъ (Ы) духовно, а не язычно и просто-

(Ы) *Не довольно размыслили насмѣхающіеся намъ, проповѣдникамъ вѣры, за отношеніе наше нѣкоторыхъ буквъ къ нѣкоторымъ же мѣстамъ православнаго исповѣданія. Цицеронъ подобно же насмѣхался нѣкогда Хрисипу, выводившему Стоическихъ Философовъ Орфеями, Эзіодами, Омирами и иными. Онъ имѣлъ причину, но мы не въ томъ положеніи. Мы находимъ слѣды православной вѣры въ первобытныхъ временахъ по буквамъ Китайцевъ. Естьли примѣшивается какое либо системолюбіе, надобно конечно смѣяться простотѣ проповѣдниковъ; но не лучше ли простить имъ за открытія существенныя? Отметать все вѣщаемое ими ради того только, что нѣгдѣ ошибаются, было бы точно тоже, что рубить дерево подъ корень, нашедъ на немъ плоды не всѣ созрѣвшими, или попорченными отъ червей. Лао-Тсе говоритъ: . . . Умы самые превосходные не небрегутъ и мѣлкими обрѣтеніями, но пользуя-*

простонародно. Весьма я отъ того далекъ, чтобъ толкованіе сихъ буквъ разумѣть заключительными доводами древней вѣры Китайцевъ. Думаю однако же, что совсѣмъ отметать того не надобно. Бывъ утверждаемы точными свидѣтельствами Кинговъ и иныхъ старинныхъ книгъ, возъимѣютъ степень достовѣрности, достаточно преклонительной для самыхъ разборчивыхъ критиковъ (Ь).

И 2 Воз-

яся ими, достигаютъ до обрѣтеній же важныхъ. Умы, мѣльче тѣхъ, того или не примѣчаютъ, или презираютъ. Умы последней степени смѣются и обнаруживаютъ невѣжество свое.

Китай есть Перувія Потози учености. Вмѣсто прицѣпокъ къ проповѣдникамъ вѣры надлежало бы поощрять ихъ въ разработываніи руды столь на жесткомъ матерткѣ. Всего чудеснѣе: упражняющіеся въ наукахъ, коимъ паче другихъ извѣстно положеніе насъ проповѣдниковъ, бывъ самыми разборчивыми критиками, присылаютъ къ бѣднымъ симъ людямъ по пяти и по шести вдругъ ученыхъ вопросовъ о разныхъ вещахъ.... Иногда для самаго легчайшаго потребны многіе годы трудовъ человѣку, сидящему надъ книгами, имѣющему во власти своей всѣ часы жизни своей. Есть пословица у Китайцевъ: .... Хочешь ли, чтобъ капуста вилася: не вырывай стержня изъ кочня.

(Ь) Съ горестію слышу велегласно обвиняющихъ безбожіемъ древнихъ и новѣйшихъ Китайцевъ. Легко доказать исторически, что праотцы ихъ весьма чрезъ долгое время покланялися истинному Богу, имѣли свѣденіе о прише-

Возвратимся ко Іероглифамъ, и посмотримъ, нѣтъ ли такаго же точно качества таинственныхъ и между оными. Снисканный свѣтъ въ однихъ послужитъ къ толкованію другихъ. Словомъ, когда пропускать безъ вниманія многія вещи, могущія имѣть вліяніе на смыслъ Іегроглифовъ, то никогда не будутъ объяснены. Къ чему ухищренія, когда есть истинное сходство между Іероглифами и между буквами Китайцевъ? Когда желательно вспомоществоваться тѣмъ при объясненіяхъ, то конечно не другимъ какимъ либо образомъ, а только безчисленными розысками; критикою, болѣе робкою, нежели какова кри-

шествіи Мессіи. Между послѣдними же конечно могутъ найтися безбожники и вещественники сердцемъ и поведеніемъ. Ю-Кіаои, или прямые ученые Китайцы, суть богочтецы, или единобожники, но только умственно, мало оказывающіе то на дѣлѣ. Черный народъ безъ сомнѣнія не безбожники. Сочинителей многихъ таковыхъ книгъ, какія читывалъ я въ Европѣ, и каковыхъ къ нещастію несмѣтное тамъ число, здѣсь бы разрубили на части, по крайней мѣрѣ обезглавили. Терпимость Китайская не простирается до оскорбленія существа законовъ и коренныхъ союзовъ общежитія. Мнимое безбожіе Китайцевъ, скажу не обинуясь, есть клевета на Римскую церковь, будто бы ею названы были Китайцы безбожниками. Бѣшеные только люди, враги общаго блага, могутъ сплетать подобную небылицу. Римская церковь предписала только, чтобъ проповѣдники ея въ Китаѣ не именовали Господа Бога Тіэномъ и Шанг-Тіэмъ, не находя до-

критика вѣка нашего, и долговременнымъ прилѣжаніемъ въ разборъ Іероглифовъ, въ раздѣленіи ихъ на степени до нѣкоторой извѣстной мѣры. Самымъ глубокимъ умамъ можетъ быть нужна помощь отъ Китая; но отъ кого чаять таковой помощи? Проповѣдники вѣры.... Они заняты важнѣйшимъ и убѣдительнѣйшимъ... Кто изъ нихъ найдется съ толикимъ духомъ, чтобъ посвятить претруднымъ симъ розыскамъ малые свои досуги отъ ежедневныхъ упражненій? Не будетъ конечно имѣть ни откуда способствованія ко облегченію труда такого рода.. Отъ разработыванія только запасовъ, до онаго надлежащихъ, облегченія труда, снабдѣванія выгодъ, можетъ онъ возъимѣть успѣхъ?... Проповѣдниковъ Христіанской вѣры вообще мало уважаютъ. Справедливость бы требовала взыскивать отъ нихъ не того, что хотятъ, а того, что могутъ они въ земли чуждей, недостаточествуя въ пособіяхъ и самыхъ необходимыхъ, развѣ одними препяжкими

довольной силы, ясности и точности въ словахъ сихъ, хотя и непричастныхъ ни подозрѣнію, ни двоемыслію, ниже суевѣрію; дабы святое имя Всевышняго произносилося во всей своей чистотѣ, святости и важности между идолопоклонниками; дабы сопринадлежало токмо Ему, Его токмо изображало, Его токмо представляло всегда полнымъ величія, святыни, всемогущества, милосердія и правосудія. Вотъ что было его предписано и введено чиноположеніемъ, а не надлежащимъ до грамматики и исторіи Китайцевъ. Да погибнутъ ищущіе учинять опредѣленія сей церкви ненавистными, ненавистными же и разсылаемыхъ ею благовѣстниковъ Евангелія!

только стараніями и займами; единое неимѣніе кому бы списывать сочиняемое ими усугубляетъ неудобство большихъ рукописей. Не упуская пристойность случая, скажу безъ закрытія: многіе изъ проповѣдниковъ обезхотились уже трудиться для Европы. Говорятъ: . . „ Силяся елико можемъ явиться „ полезными православной вѣрѣ и наукамъ, какую получаемъ награду? . . Толкуется въ худую сторону, „ что бы мы ни сказали; совершенному безпристрастію „ нашему присвояютъ преступническіе виды; толкуютъ оное развратно, клевещутъ, повреждаютъ „ увѣдомленія наши, основывающіяся на самой невинности; имена наши вставливаютъ въ книги неистовыя, „ коими безчестится законъ Божій, проповѣдуемой нами „ цѣною жизни нашей, и которому пожертвовали уже „ мы всѣми пріятностьми жизни человѣческой. Какъ „ же удержаться перу въ рукѣ? . . . „ Смертные да погребаютъ смертныхъ (Ѣ). Но признаюся, дорого мнѣ стоило вознести себя превыше всякихъ страховъ; со трепетомъ дерзнулъ составить сей отвѣтъ на вопросъ о догадкахъ ученаго Господина Нэдгама. Ни на что иное не полагаюсь, какъ на то, что намѣренія мои притомъ были чисты; что пишу къ мужамъ мудрымъ, которые не пріимутъ отъ меня лѣвою, что подношу имъ правою моею рукою; нелицепріятіе ихъ да будетъ моимъ защитникомъ.

И

(Ѣ) *Знаю, что одобренія истинныхъ ученыхъ и добродѣтельныхъ мужей подаютъ имъ утѣшеніе; но всякой проповѣдникъ вѣры не долженъ ли безпрестанно сокрушаться, что имя его вставляютъ въ сочиненія мрака и лжей?* (Смотри рисунокъ 10 No 12.)

И такъ оканчиваю, Государи мои! прося, читайте строки мои очами снизхожденія и милости. Писатель, трудящійся самопроизвольно для общества, долженъ предохранять себя отъ критики; не имѣетъ онъ права извиняемъ быть за погрѣшности, коихъ избѣжать не могъ. Не въ таковомъ положеніи я принялся за перо, чтобъ имѣть честь отвѣтствовать на письмо ваше, но чтобъ засвидѣтельствовать ревность мою въ повиновеніи вамъ. Не судите же меня, какъ человѣка ученаго, но какъ бѣднаго проповѣдника вѣры, учащагося только размышлять о распятомъ Христѣ Іисусѣ, провозвѣщать Его, любить всемъ сердцемъ, сердцемъ простымъ, невѣжественнымъ во всякомъ родѣ наукъ и учености.

Есмь въ глубокомъ высокопочитаніи,

Государи мои!

Вашъ всепокорнѣйшій и всепослушнѣйшій слуга

**** *Iезуитъ.*

ПРИПИСКА.

Читано было сіе съ примѣчаніями и рисунками двумя старѣйшими изъ проповѣдниковъ нашихъ, весьма искусными въ учености Китайцевъ. Естьли же что либо требуетъ дальнѣйшаго объясненія, съ радостію то исполню, елико могу. Письма ко мнѣ да благоволятъ отпускать на имя Венедикта, настоятеля Французскихъ Iезуитовъ въ Пекинѣ.

ОБЪ-

ОБЪЯСНЕНІЕ

Памятчика съ надписью, изсѣченною на камнѣ въ Китайскихъ стихахъ, сочиненныхъ самимъ Императоромъ Кіэн-Лонгомъ 1757 лѣта державствованія его, въ провозвѣстіе потомству о завоеваніи царства Элеутскаго Матшускими Татарами.

ВЕЛИКОМУ ГОСПОДИНУ БЕРТЕНУ,

Государственному

МИНИСТРУ и СЕКРЕТАРЮ.

Милостивый Государь!

Въ письмѣ вашемъ, два, или три года предъ симъ отпущенномъ къ Іезуитамъ, находящимся въ Китаѣ, повелѣваете вы доставить къ себѣ нѣкоторыя извѣстія о той части Татаріи, которая зовется Элеутскою, или Зюнгорскою. Исполненіемъ изволенія вашего медлилъ я, освѣдомляясь и самъ обстоятельно, дабы не донести чего либо недостовѣрно совершеннаго; ожидалъ также, какъ издастся карта, вырѣзыванная по указу Императора для употребленія общенароднаго.

Минувшаго года досталъ я памятникъ въ Китайскихъ стихахъ, описывающихъ главныя явленія плачевнаго дѣйствія, коего, можно сказать, былъ я самовидѣцъ; и послалъ оный уже въ книгохранительницу Его Величества, обѣщаваясь обра-

обратить на переводъ сего Памятника первые мои досуги. Произшествіе, обращающее въ ничто цѣлый народъ, безъ сомнѣнія достойно мѣста въ исторіи вселенской.

Приступилъ я выполнять обѣщаніе мое, но встрѣтилися трудности непреодолимыя изражать слово въ слово стихи, непосредственно свойственные учености Китайцевъ, которыхъ лучшіе ихъ знатоки языка своего не разумѣютъ инако, какъ только съ помощію лѣтописей тогдашняго времени. И такъ принужденъ былъ не переводить, а только толковать.

Наставителями служили мнѣ образцы витійства, самаго наилучшаго на языкѣ семъ, какъ-то большая часть писаннаго самимъ Императоромъ во время произшествія: во оправданія ли то предпріятыхъ имъ мѣръ, опасаясь, дабы не были хулимы; или провозглашая объ успѣхахъ по толикихъ уронахъ, дабы не казались сомнительны. Многажды перечитывалъ, вставливалъ цѣлыми строками въ сочиненіе мое и въ примѣчанія всякій разъ, когда находилъ, что нужно то было для ясности понятія. Всегда у меня говоритъ самъ Императоръ, всегда же почти и объясняетъ онъ же: слѣдовательно заслуживаю имовѣрность.

Могъ бы я пріобщить здѣсь карту Элеутской страны, какова есть въ Китаѣ; но разсудилъ отложить до будущаго лѣта, какъ издастся исправнѣе и полнѣе.

Новыя Орды Татаръ, Тургутскія и иныя, минувшаго лѣта, да еще и настоящаго, вошли въ

Китай и подвергнулись владычеству Императора числомъ болѣе ста тысячь семействъ; а сіе подало ему мысль примкнуть карту странъ ихъ къ картѣ же Элеутскихъ улусовъ. Пять уже мѣсяцовъ, взятъ одинъ изъ нашего сотоварищества къ сочиненію оной. Какъ возвратится, не оставлю приложить трудовъ его плодъ ко обьясненію памятника недавно, воздвигнутаго Императоромъ въ Татаріи, для незабвенія потомственнаго о столь рѣдкихъ выходцахъ въ его области. Произшествіе, лестное для него, коимъ хвалится паче нежели всѣми иными, несравненно славнѣйшими въ царствованіе свое. Естьли вѣришь ему, что еще многіе народы готовятся уже послѣдовать примѣрамъ Элеутовъ и Тургутовъ. Увидимъ ли оное на самомъ дѣлѣ, не премину васъ увѣдомить. Между тѣмъ же прошу, да будетъ снисходительно принято, что имѣю честь препровождать къ вамъ нынѣ, и не сомнѣваться о глубочайшемъ моемъ высокопочитаніи, съ коимъ есмь,

Милостивый Государь!

Вашъ всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга

Іезуитъ Аміотъ.

4 Октября, 1772 года,
изъ Пекина.

ПА-

ПАМЯТНИКЪ.

Завоеванія Орды Элеутовъ.

Четвертый идетъ годъ послѣ того, какъ войска мои начали войну внѣ западныхъ рубежей имперіи. Коликое множество подвиговъ, достойныхъ незабвенія, проявили полководцы, подчиненные имъ властители и ратники! Рядовые, находяся столь долго отлучными изъ отечества, естественно было имъ желать возвращенія своего. Посреди кровопролитія и убіеній сердца ихъ не ожесточилися даже до того, чтобъ не направлять мысленно вздохи къ своимъ семьянамъ. Простительно, по преодолѣніи толикихъ опасностей и препятствъ, напослѣдокъ желать успокоенія; справедливо помышлять и мнѣ собственно о доставленіи ихъ онымъ.

Не предпріемлется ничто безъ предварительнаго поставленія на мѣрѣ цѣли. Избираются средства, разумѣемыя дѣйствительными, дабы возъимѣть въ предпріятіи успѣхъ. Обнажается ли мечь, то на пораженіе непріятелей; исполнивъ, для чего обнаженъ, вкладываютъ его въ ножны.

Далекое разстояніе мѣстъ, на которыя внесъ я войну, не позволило мнѣ производить ее самолично; могу однако же сказать, что сражался я, дѣйствовалъ, подобно какъ играютъ въ шахматы; разставляя

влялъ ихъ по надлежащимъ мѣстамъ, подвигалъ впередъ и на задъ, какъ было надобно.

Съ крайнимъ отвращеніемъ рѣшился вооружить воиновъ моихъ, когда уже стало необходимо. Послалъ ихъ на мятежниковъ наказать какъ воровъ, которые сбросили съ себя всякое обузданіе; привелъ въ движеніе толикое множество рукъ. Опишу въ подробности убѣдительныя причины сего предпріятія моего. Поведу отъ самаго источника; сокращенно изображу продолженіе оныхъ до самаго конца войны, преславно увѣнчавшагося.

Императоръ, предокъ мой, принуждаемъ нѣкогда былъ наказать же Элеутовъ, укротить наглости ихъ силою оружія. Дерзкая сія Орда троекратно дерзала подвизать его на гнѣвъ; троекратно онъ предводительствовалъ собственною своею Особою шести Шеямъ своимъ, и самолично же присутствовалъ въ сраженіяхъ (А).

Подобно кучѣ волковъ, разсѣявающихся врознь, только что увидя приближеніе ловцевъ издали, поспѣш-

(А) *Шесть Шеевъ суть шесть участковъ войска, безъ коихъ Китайскіе Императоры не ходятъ на войну. Каждой Ше составляется изъ двѣнатцати тысячь пяти сотъ ратниковъ. Всѣ оные должны быть въ собраніи, когда прибудетъ къ войску Императоръ, какою бы ни шли дорогою; шествуетъ же по разнымъ мѣстамъ, дабы инако не оголодить жителей. Императоръ Канг-Гіусъ воевалъ на Элеутовъ такимъ образомъ.*

спѣшно убѣгая каждый къ своему логовищу, укрыться въ немъ отъ угрожающей смерти. Таковы были Элеуты: усмотрѣвъ войски мои, единый звукъ оружія моего разторгнулъ ихъ; устремилися во всѣ стороны, и разными же стезями достигли въ самыя отдаленнѣйшія мѣста своихъ улусовъ. Притворно оказали себя приведенными на путь должности, отъ коего какъ бы никогда не хотѣли удалиться. Пребыли тихи до отбытія воинства моего. Сіе преставало ли когда либо назирать ихъ со тщаніемъ, принималися паки за набѣги, начинали разбои по прежнему, какъ волки возвращаются съ бѣшенствомъ къ добычѣ, которую противъ воли оставили.

Такъ вѣроломный Тсе-Уанг-Рептанъ поступалъ прежде. Видѣли его попеременно то появляющимся, то скрывающимся. Напослѣдокъ же видѣли его въ бѣгствѣ безъ памяти даже до пустыни владѣнія своего, дабы, хотя въ нихъ обрѣсть убѣжище и умалить трепетъ и устрашеніе свое (Б).

(Б) *Тсе-Уанг-Рептанъ былъ сначала старѣйшина небольшой Орды, подвластной Царю Элеутовъ.*

Элеутское царство, говоритъ Канг-Гіусъ, повѣствуя о завоеваніи семъ, есть обширная страна, отъ Китая къ Сѣверо-Западу; не всегда такъ называлась. Элеуты, составя особое царство, признали себя данниками Китайскихъ Императоровъ. Первому ихъ Царю, прибывшему въ Пекинъ для засвидѣтельствованія подданства, было имя Куси-Ганъ (Царь Куси). Сіе случилось при Императорѣ

Калданъ, ставъ побѣжденъ, разбитъ, прогнанъ, оставленъ отъ своихъ, увидѣлъ себя отъ всю-

ръ Шун-Тшеэ. Онъ принялъ его какъ Самовладѣтеля, далъ ему особенную печать и почтилъ названіемъ Сувъ (сирѣчь просвѣщеннаго); снабдилъ его всѣми преимуществами иныхъ данниковъ своихъ; имя его внесъ въ государственный списокъ, поставивъ оное такъ: Сув-Куси-Ганъ [Царь просвѣщенный Куси].

Потомки его, Оширту-Ганъ и Абатай-Наіенъ, избрали подъ кочеванія свои мѣста на западъ отъ Хоанг-Го; прозванъ народъ ихъ Монжускими Элеутами. Потомъ Тчеренгъ-Омбу, одержавъ преславную побѣду надъ народомъ въ Бѣлыхъ Колпакахъ, снискалъ себѣ всевозможныя почести по достоинству своему. Императоръ подтвердилъ ему знаменитое титло: ... Патуръ Ту-Сіэту, Патуръ Танг-Сингъ. Слова Монжускія, значатъ превосходныя качества воина, очистившаго страну свою отъ разбойниковъ.

Нѣкто изъ произшедшихъ отъ крови Тутсіэту Патуръ-Таг-Тсинга, прозвалъ себя Тандій, съ соизволенія Императора. У Монжусцевъ извѣстенъ онъ подъ именемъ Тилай-Патур-Тандій. Онъ-то со Ордою вышелъ жить въ страну Гу-Гу-Норъ, и тамъ окоренился. Орда сія получила названіе Элеутовъ Монжускихъ и Гу-Гу-Норскихъ.

Отогоршинъ, отецъ Колдановъ, принялъ на себя имя Патур-Тандій. Поселясь же къ сѣверу отъ горы Алтая, произвелъ еще новую Орду сѣверныхъ Монжускихъ Элеутовъ. По смерти Отогоршина наслѣдовалъ сынъ его Сенгъ, былъ онъ мень-

всюду безпомощнымъ; принялъ ядъ, и такъ издохъ. Септен Пальтшуръ, взявъ трупъ отца своего, послѣдуемъ немногими изъ своихъ, удалися къ Рептану. Вос-

меньшій братъ Калдановъ, которой въ молодыхъ лѣтахъ сталъ служить великому Ламѣ и самъ учиненъ Ламою же, уступивъ права свои Сенгу. Послѣ отца ихъ отъ другой жены остались два сына Тшершенъ и Патуръ. Находя они себя одѣленными Сенгомъ, при всякомъ удобномъ случаѣ грабили его имѣніе, а наконецъ его умертвили, и раздѣлили по себѣ имущество, ему принадлежавшее.

Калданъ, услышавъ о томъ во уединеніи своемъ, испросилъ у великаго Ламы разрѣшеніе вступить въ наслѣдіе послѣ отца и помощное войско. Калданъ хотя жилъ въ духовномъ состояніи съ младенчества, былъ однако же отъ природы безчеловѣченъ и кровожажденъ. Единожды принявъ оружіе въ руки, смерть одна разлучила его съ онымъ.

Учинилъ нападеніе на Тшершеня и Патура, побѣдилъ, умертвилъ, овладѣлъ Ордою и велѣлъ именовать себя Тандіемъ. Первые воинскіе его поиски весьма были удачны; почему и приступилъ къ новымъ. Прицѣпками, съ самымъ малѣйшимъ поводомъ, устремлялся на сосѣдственныхъ Тандіевъ. Бывъ же навычнымъ воиномъ, и нападая всякой разъ незапно, побѣждалъ ихъ, учинялъ своими данниками однихъ за другими. Такимъ образомъ покоривъ себѣ три главныя Орды Элеутовъ, составилъ великое царство подъ названіемъ Элеутскаго.

Такое есть происхожденіе Монжускихъ Татаръ въ Китаѣ, зовомыхъ

Восхотѣли мы наказать Калдана, какъ мятежника и по смерти, во устрашеніе подражателей ему впередъ. Рептанъ, угождая намъ, извлекъ трупъ изъ могилы, отрубилъ голову и прислалъ ко Двору моему. Восхотѣлъ же я имѣть въ рукахъ Септена-Пальтшура, сына измѣнника сего. Рептанъ выдалъ и того. Но Рептанъ самъ измѣнникъ. Старался прикрывать скрытые виды, и тѣмъ благонадежнѣе произвести намѣреніе свое (В). Кто же бы не обманулся таковыми внѣшними оказаніями послушности? Повелѣнія мои съ поспѣшностію исполняетъ. Не могъ я взять на него ниже малѣйшаго подозрѣнія. Оставили

мыхъ Элеутами. Императоръ Канг-Гіусъ, вѣдая все то, сице изъясняется: Элеутовъ именуютъ въ Европѣ Элутами, не знаю точно по чему. Прямое ихъ прозвище Олоты. Китайцы пишутъ тремя буквами: Нго-То-Те. Я буду писать Элеуты, сближался сколько можно со здѣшнимъ произношеніемъ.

(В) *Рептанъ, ставъ избыточно облагодѣтельствованъ Императоромъ, свидѣтельствуетъ ему благодарность безпредѣльную, повинуется ему слѣпо во всемъ; но сіе есть только притворство, дабы тѣмъ удобнѣе обмануть его и склонить ко отозванію войскъ. Вышли оныя, Рептанъ наполняетъ окрестности грабежами и опустошеніями. Должно было опять послать ихъ на него; но какъ уже успѣлъ укрѣпиться, извѣстны были ему всѣ трудные проходы страны; всѣ усилія къ наказанію его оставались тщетны. Доколѣ Канг-Гіусъ царствовалъ, всякой разъ или храбрый оказывалъ отпоръ, или спасался хитростію.*

вили его наслаждаться въ покоѣ свободою и всѣми преимуществами его сана.

Во зло онъ употребляя искренность мою, не бывъ болѣе примѣчаемъ воинствомъ, которое бы непремѣнно наказало его, какъ скоро обнаружился бы виновнымъ, началъ мало по малу усиливаться, разпространилъ владѣнія свои, умножилъ подданныхъ; наконецъ, увидѣвъ себя въ силахъ ненаказанно приступить къ великимъ своимъ замысламъ, пошелъ далеко съ оружіемъ въ рукахъ, разорилъ, и не единожды, Си-Тсангъ, не щадя посреди Монжусцевъ и тѣхъ, кои состояли непосредственно подъ моимъ покровительствомъ (Г). Съ того времени не покидалъ никогда мятежничествовать, доколѣ здравствовалъ великій предокъ мой. Надлежало безпрерывно отряжать на него военныхъ людей, безпрерывно сражаться съ нимъ, побѣждать и преслѣдовать его. Побѣдоносному войску моему не удавалось низложить его совершенно. Претерпѣвая уроны съ одной стороны, появлялся съ другой, и всякой разъ бѣгствомъ спасался.

Іонг-Тшенгъ (Д), отецъ мой, разсудилъ поступить съ нимъ инако. Даровалъ глубокій миръ всѣмъ

(Г) *Хотя общимъ именемъ зовутся Си-Тсангъ всѣ Орды Татаръ отъ Китайскихъ границъ до границъ же Россійскихъ, но въ особенности Тибетскіе подвластны великому Ламѣ.*

(Д) *Іонг-Тшенгъ, при самомъ возшествіи на престолъ имѣлъ чего опасаться отъ братій своихъ; особливо одинъ изъ нихъ предвождалъ немалое воинство, и былъ весьма любимъ. Причина сильная*

всѣмъ Державцамъ, коихъ области прилегали къ рубежамъ нашимъ. Блюстительные только стражи на оныхъ были размѣщены, а прочему всему воинству повелѣлъ итти внутрь отечества. Низко для него было вести порядочную войну съ разбойниками; не посылалъ имянемъ своимъ противу ихъ вооруженныхъ людей. Свѣдавъ скоро послѣ того о раззореніяхъ Монжусцевъ, подданныхъ своихъ, причиняемыхъ Рептановою Ордою, не колебался, что ему дѣлать должно, и не уничижая славы достоинства Императора, помогъ своимъ.

Отправилъ къ нимъ великое множество хлѣбныхъ запасовъ, знатное количество денегъ, мно-

ная тревожить Государя недовѣрчиваго отъ природы. Подъ предлогомъ дарованія безмятежной жизни всѣмъ подданнымъ, отозвалъ войски изъ Татаріи; представилъ на волю самимъ жителямъ сихъ предѣловъ разбирать права свои на земли и пустыя степи, яко ненужныя для государства. Но не замедлилъ узнать, что на границахъ надлежало ему имѣть не малочисленные только отряды ратниковъ, и естьли бы не поспѣшилъ къ своимъ на помощь, Тсе-Уанг-Рептанъ не замедлилъ же бы ими овладѣть и учинить подверженцами своими Монжусцевъ. Отправленія толикихъ помощныхъ войскъ, денегъ и запасовъ, не попрепятствовали Рептану покорять себѣ цѣлыя Орды. Со всемъ тѣмъ не то наносило Іонг Тшенгу главное безпокойство: дома, внутри чертоговъ его, происходили неустройства, коихъ прекращеніе отвращало на себя всѣ его заботы.

многіе участники свѣжаго и навычнаго воинства. Послѣдніе раздѣлены были на двѣ части: одна пошла къ западнымъ, а другая къ сѣвернымъ границамъ. Надежные и испытанные чиновники ими начальствовали. Дано имъ предписаніе вступаться за утѣсняемыхъ Тсе-Уанг-Рептаномъ Монжусцевъ, а прочимъ подавать помощь. Слабые сіи способы успѣли, но только въ томъ, что мятежники заставилися скрывать вѣроломные виды свои (E).

К 2 Отецъ

(E) *Тсе-Уанг-Рептанъ примѣтивъ, что Императоровы войски всегда готовы суть на помощь Монжусцевъ, имъ воюемыхъ, казался въ должномъ уваженіи данническаго своего званія, утаевая и предъ самыми Монжусцами злоумышленія свои на нихъ. Малое то время, которое проводилъ онъ, оставляя ихъ въ покоѣ, употребилъ на усиливаніе себя и на заключеніе союза съ Ла-Тсанг-Ханомъ.*

Сей Ханъ, или Царь, имѣлъ сына, именемъ Тан-Тшонга; у Рептана же была дочь равнолѣтная ему: супружество обоихъ сихъ молодыхъ людей запечатлѣло ихъ дружество.

Рептанъ скоро послѣ того поссорился съ отцемъ зятя своего, заманилъ въ разставленныя ему сѣти, умертвилъ и овладѣлъ обоими принадлежащими ему улусами, къ предосужденію законныхъ наслѣдниковъ.

Столь гнусная поступка озлобила почти всѣхъ старѣйшинъ разныхъ Ордъ. Соединенными силами ополчилися на Рептана; однако же онъ ихъ разбилъ, выгналъ изъ мѣстъ, гдѣ жили, и опустошилъ оныя. Видя они, что не могутъ одни сопротивляться столь сильному врагу, прибѣгли къ

Отецъ мой, избирая меня наслѣдникомъ престола, не забылъ такъ наставлять меня царствовать: . . . „ Не принимайся за оружіе, развѣ по не„обходимости. Внѣ граничные жители будутъ время „отъ времяни раздражать тебя, какъ то бывало „при моемъ родителѣ и собственно при мнѣ. Нужно „тебѣ вѣдать на меньшій конецъ вообще, какія „суть ихъ требованія и умыслы; я тебѣ о томъ „ска-

къ Императору съ прошеніемъ, чтобъ избавилъ ихъ отъ человѣка лютѣе всякаго дикаго звѣря, избавилъ отъ возмутителя общаго покоя Ордъ, коего раззоренія конечно прострутся и дообластей его самаго.

Ю-Тшенгъ рѣшился помочь имъ. Си-Тсангъ была округа, гдѣ наипаче свирѣпствовала злоба Рептана: туда то точно и послано многолюдное ополченіе. Си-Тсангская Орда имѣла тогда начальникомъ своимъ Та-Тчеренга.

Та-Тчеренгъ, присоединясь къ Имперскимъ войскамъ, погналъ разбойниковъ и заставилъ сосѣдственныя Орды уважать себя, даже и самаго Рептана. Отъ сего то Та-Тчеренга произшелъ Та-Уа-Тси, о коемъ скоро упоминать будемъ, яко о главнѣйшемъ орудіи войны навсегда, или по крайней мѣрѣ на долгое время. Истребившій Элеутское царство извѣстный Г. Шап-Дотрошъ, называетъ его Ной-Юнде-Батчи. Станется, что такъ произносятъ имя его Россіяне; по Татарски же точно зовется Та-Уатси.

Та-Тчеренгъ скоро взбунтовался и самъ; положивъ на мѣстѣ большую часть Императорскихъ войскъ, ушелъ въ дикую степь.

„скажу. Раздражая насъ безпрестанно, дабы стали „мы воевать, Элеуты имѣютъ двѣ главныя цѣли „намѣреній своихъ: 1) чтобъ прославиться между „Монжусцами, своими сосѣдьми, дерзнувъ ратоборствовать съ войсками имперіи; одерживать „надъ ними верьхъ, нападая на отдѣленные участки, „когда еще не довольно успокоятся отъ далекаго „пути и когда еще не соединены всѣ вмѣстѣ. Правда, „что учиняютъ себя симъ образомъ страшными и „находятъ себя въ силахъ давать намъ законы.

„Вторая цѣль ихъ есть, чтобъ часть границъ „нашихъ обнажилась отъ войскъ чрезъ нападеніе ихъ „на другую. Тогда-то на первую производятъ „набѣги и грабежи ненаказанно. Возгордясь мнимыми „таковымиуспѣхами, возносящуя нами, одержавъ малыя „таковыя выгоды, пріемля за совершенныя побѣды, наводятъ ужасъ на сосѣдей, непримѣтно множатъ число „доброжелателей и союзниковъ, выходятъ изъ должнаго „къ намъ повиновенія, и мечтается уже тогда имъ, что „могутъ выдерживать порядочную съ нами войну.

„Не попускай себя обмануть таковыми ихъ „ухищреніями; усмиряй ихъ оружіемъ, но только „имѣя вѣрные къ тому способы (Ж).„

Такъ говорилъ отецъ мой; слова его впечатлѣлися на моемъ сердцѣ.

К 3 Воз-

(Ж) Юнг-Тшенгъ *даетъ такія наставленія сыну своему, предостерегая отъ козней Элеутовъ, коихъ онъ самъ со всею своею политикою избѣжать не могъ. Вразумляетъ его о своихъ ошибкахъ по одному тому, что иногда удалялся отъ предписаній Канг-Гіуса; что все учиненное имъ въ разсужденіи Элеутовъ соотвѣтствовало заѣщанію*

Возшелъ я на престолъ. Ни на одно мгновенiе не выходитъ у меня изъ мыслей, какъ бы мнѣ царство-

нiю *отца его. Юнг-Тшенгъ посылалъ прежде небольшiе только отряды войскъ противу сихъ Татаръ, недопущенныхъ никогда до соединенiя побиваемыхъ и прогоняемыхъ порознь. Въ крайности уже отправилъ Императоръ великое войско и множество денегъ къ Царю, или Хану Ла-Тсангу. Послѣ бѣгства вѣроломнаго Та-Тчеренга старѣйшины Ордъ Ла-Тсанскихъ приступили ко избранiю новаго Хана; отпустили Посла къ Императору, именемъ Лопт-Санг-Танкина, увѣрить его отъ лица всѣхъ, что пребудутъ ему вѣчно вѣрными подданными. Лопт-Санг-Танкинъ принятъ былъ милостивно; за нимъ послѣдовало и другое посольство отъ имени уже новоизбраннаго Хана.*

Императоръ разсудилъ за ненужное уже содержать многочисленную рать въ Ордахъ вѣрноподданныхъ; большую часть оной отозвалъ внутрь Китая. Не успѣли войски Императорскiя пуститься въ возвратной свой путь, какъ Элеуты, устремясь на стоявшiя прежде по западнымъ рубежамъ, погнали ихъ какъ непрiятелей. Множество перерубили, разграбили почти всѣ ихъ обозы. Далѣе разсѣялись по разнымъ тѣмъ урочищамъ, гдѣ были Императорскiе конскiе заводы, и увели всѣхъ лошадей его. Возсѣвъ на нихъ, опрокинулися къ сѣвернымъ границамъ, вездѣ покидая слѣды насильствъ и грабежей. Брали въ полонъ, нападая внезапу, и многихъ умерщвляли; словомъ, вездѣ грабили, вездѣ опустошали.

Дол-

ствовать со славою; никогда не забываю данныхъ мнѣ наставленій. Да царствую мирно, говорю я самъ въ себѣ, чтобъ тишина и спокойствіе подданныхъ моихъ были плодомъ моего ими правительства. Татары, сосѣди мои, являются непомнящими уже старинныя свои вражды, чужды прежняго своего бѣшенства; да сохранимъ взаимное согласіе между ими. Си-Тсингъ безмолвно повинуется воли моей, и симъ только средствомъ хощетъ благоденствовать. Постараемся же увѣрить его, что не подозрѣваемъ его ни въ чемъ; подадимъ ему доказательство въ совершенной того благонадежности. Пограничныя мои войски правда что содержатъ окрестныхъ Монжусцевъ въ почтеніи ко

Должно было не отлагать унятіемъ сихъ злодѣевъ. За нѣсколько предъ тѣмъ выдалъ Императоръ одну изъ дочерей своихъ въ замужство за Князя Монжускаго, именемъ Тчеренга, который имѣлъ своихъ собственныхъ военныхъ людей. Ему-то поручено предводительство надъ войскомъ и искоренять разбойниковъ, въ чемъ ему и удалося. Одинъ только изъ мятежническихъ старшинъ не погибъ или отъ его оружія, или отъ позорной казни; назывался онъ Эртени. Ушелъ подъ покровъ нѣкоторой сильной державы, слѣдовательно и оставленъ въ покоѣ.

До-здѣ писалъ я объ Элеутахъ, что съ ними случилося въ два царствованія, Канг-Гіусова и Юнг-Тшенгова. Далѣе повѣствовать буду о произшествіяхъ, къ нимъ относительныхъ, при Кіэнъ-Лонгѣ. Читатели да простятъ меня, что примѣчанія мои столь пространны; ибо вразумляютъ объ народѣ почти неизвѣстномъ Европѣ.

ко мнѣ, но сіе влагаетъ мысль о войнѣ, не допускаетъ ихъ обезоружиться. Отзовемъ же наши войски.

Исполнилъ я то самою вещію и безъ замедленія. Войски оставили страну, гдѣ уже почиталъ я ихъ ненужными впредь. Возвратились къ своимъ. Не укоснилъ я освѣдомить Элеутовъ, да и въ немногихъ таковыхъ словахъ: . . . „Не сомнѣваясь, „что вы мнѣ вѣрны, охотно даю вамъ свободу „жительствовать по законамъ вашимъ, какъ сами „вы хотите. Пребудете ли непрекновенны въ „повиновеніи вашемъ ко мнѣ, продолжу мое покрови„тельство, находить васъ буду моими благодѣяні„ями. Естьли же толикократно извѣданное уже ваше „непостоянство удалитъ въ чемъ либо васъ отъ „должности, вѣрьте мнѣ, самымъ наистрожайшимъ „наказаніемъ заплатите мнѣ оное.„

Устрашеніе паче всего инаго подѣйствовало надъ Элеутами. Стали таковыми, какъ я ожидалъ, вошли въ себя, свидѣтельствовали раскаяніе о минувшемъ своемъ поведеніи, обязали себя новыми клятвами, что отъ того времени явятся наивѣрнѣйшими подданными моими не только внѣшностію, но и въ сердцахъ.

Отъ Калдана, Царя ихъ, предстали ко мнѣ Послы съ прошеніемъ, дабы благоугодно мнѣ было пріобщить его къ числу моихъ подданныхъ, принять засвидѣтельствованія зависимости его отъ меня и дань.

Снисходительно допустилъ я Пословъ видѣть очи мои. Сказалъ имъ, что охотно исполняю желаніе

ніе пославшаго ихъ, и беру дань отъ имени его; поручилъ имъ увѣрить его о моемъ покровительствѣ и доброжеланіи; одарилъ ихъ и отпустилъ съ дарами же къ Калдану.

Калданъ, обрадованный милостьми моими, пребылъ вѣренъ и провождалъ дни въ покоѣ. Но Атшанъ, его сынъ, вѣроломецъ Атшанъ, не слѣдовалъ по стопамъ его: (З) устремился шагами исполина по пути злодѣйствъ; нѣтъ рода оныхъ, коего бы не причастился. Не нужно здѣсь то изчислять. Довольно, когда выговорю: старѣйшины всѣхъ Ордъ разумѣютъ его чудовищемъ, отъ коего должно очистить земную поверьхность. Всѣ, и каждый порознь, умышляютъ на его жизнь.

Паче хитръ, паче злокозненъ, паче щастливъ, нежели всѣ они. Лама - Торги учинился предводителемъ толпы отважныхъ людей (И). Скоро за тѣмъ родственники и друзья его, присоединися къ недо-

(З) *Атшанъ было во младенчествѣ имя Тсе-Уанг-Торги-Намутшару, Хану Элеутовъ, наслѣдовавшему послѣ отца своего Калдана. Императоръ такъ называетъ его изъ презрѣнія; въ Китаѣ робячьимъ именемъ зовутъ только* самаго *подлаго человѣка.*

(И) *Торги сынъ также Царскій, но рожденъ отъ наложницы, или, какъ нарицаютъ Элеуты, отъ жены второй степени. Законы Монжускіе изключаютъ таковыхъ отъ наслѣдства при живыхъ законныхъ дѣтяхъ Ханскихъ. Да и Торги самъ отрекся отъ всякаго къ тому права, учинивъ себя Ламою. Ламы, какъ извѣстно, въ великомъ почтеніи у Монжуцовъ.*

вольнымъ изъ собственнаго семейства Атшанова, пошли на него, побѣдили и отняли у него жизнь. Торги, пользуяся удачею и нѣкоторымъ правомъ породы, объявилъ себя Царемъ къ предосужденію законныхъ наслѣдниковъ, коихъ нашелъ удобность переморить одного за другимъ.

Та-Уа-Тси, одинъ изъ требователей престола, похищеннаго Ламою Торги, началъ оспоривать ему оный. Происходитъ онъ отъ крови Царской, потомокъ въ прямой чертѣ Тшалос-Гана (Царя Тшалоса). Послѣ Атшана не осталось ни сыновей, ни братьевъ; слѣдовательно ему и принадлежало владычество надъ Элеутами. По внушеніямъ Амурзаны (1) вооружился, сыскалъ Торгіа и отнялъ у него царство, ласкаяся одинъ, нераздѣльно ни съ кѣмъ, стать его преемникомъ.

Амур-

(1) *Послѣ какъ овладѣлъ Лама-Торги улусами Атшана, два Элеутскіе Князя, Та-Уа-Тси и Амурзана, находя права свои къ Ханству основательнѣйшими, тайной заключили союзъ. Отправились къ Госакамъ, вопросили ратниковъ, и съ помощію ихъ лишили Торгіа Ханскаго достоинства.*

Амурзана, говоритъ Императоръ, былъ пружиною дѣла сего, хотя и казался только помощникомъ. Коварные его виды клонилися къ подобному же низверженію Та-Уа-Тсіа и Торгіа одного за другимъ, чтобъ одному ему остаться властителемъ. Скоро увидимъ ставшаго его жертвою ложной своей политики, что прибѣгнулъ съ прошеніемъ помощи къ Императору.

Амурзана, также отрасль крови Царей, хотя не прямою чертою, не меньше питалъ любочестія въ груди. Не тотъ часъ выдалъ себя требователемъ престола; скрытно и подъ рукою разсѣялъ искры развратовъ и войны. Преклонилъ Та-Уа-Тсіа воевать на Торгіа, дабы одного искоренить другимъ, или по крайней мѣрѣ даже до того привести во изнеможеніе, чтобъ легко уже ему было ихъ погубить (К).

Умеръ Лама-Торги. Та-Уа-Тсія готовилися уже Элеуты признать Царемъ. Времена замѣшательствъ и ужаса! гласъ истинны не внимался, законная власть была безсильна приводить въ повиновеніе народъ!

Амурзана, предвождая малому числу предавшихся ему, провозгласилъ себя главою Элеутовъ, и велѣлъ поставить на шатрѣ своемъ царственное знамя; велѣлъ носить его всякой разъ предъ собою и за собою (Л).

(К) Ханъ Тшалосовъ былъ первый изъ тѣхъ трехъ Татарскихъ старшинъ, которые раздѣлили по себѣ страну Элеутскую. Та-Уа-Тси и Амурзана происходятъ отъ одного изъ Хановъ сей великои Орды. Обоихъ имена перепортилъ Г. Шапъ: перваго нарицаетъ Дебатчи, послѣдняго Амур-Саманъ. Лучше вѣрить въ томъ Китайскому Императору и его письмоводителямъ; лучше они Господина Шапа знаютъ языки Монжуской и Мантшуской.

(Л) Элеуты, народъ кочующій, имѣютъ нѣчто похожее на деревни и

Легковѣрные Элеуты, ослѣпяся таковою наружностїю величїя, не мысля о томъ, законно ли прїобрѣтенное, или похищенное, стекаются отвсюду на брега рѣки Или, гдѣ Амурзана хощетъ уже давать законы всей тамошней странѣ (М). Окружили, яко Царя; свидѣтельствовали ему подданство.

Та-Уа-Тси вострепеталъ, услыша о происходящемъ отъ него вдали. Тяжкїя заботы и безпокойства не преставали тревожить его съ самаго того времени, какъ Амурзана открылся соперникомъ его ко престолу; намѣревается усмирить дерзновенїе его, ежедневно умножающееся; намѣревается прогнать отъ береговъ Илискихъ; прїемлетъ оружїе и возраждаетъ войну.

Три

и города, но только на два, или на три мѣсяца въ году. Такїя временныя селенїя составляются шатрами знатныхъ людей. Предъ каждымъ шатромъ развѣваетъ знамя семейственное; бываетъ меньше и больше, смотря по степени хозяина.

(М) *Берега рѣки Или весьма уже давно предпочитаются Элеутами всякимъ инымъ мѣстамъ для пребыванїя ихъ. Шатры свои переносятъ изъ одного урочища въ другое. Китайскїй Императоръ построилъ тамъ городъ, и становится годъ отъ году многолюднѣе. Туда препровождаютъ нынѣ въ ссылку и Китайцовъ и Татаръ.*

Императоры тамошнихъ жителей раздѣлили на части; нѣкоторые же изъ оныхъ, называя Уси-Элеуты, полагаются между толковыми, даютъ имъ первое мѣсто между четырмя главными Усїами.

Три Тчеренга, избѣгая ожидаемыхъ бѣдствій, выходятъ изъ отчизны; не удерживаютъ ихъ препятствія далекаго пути, достигаютъ границъ моихъ, и препоручася покровительству моему, окореняютъ безбѣдное пребываніе (Н).

Сіе уразило Амугзану. Размышляетъ объ истинныхъ пользахъ своихъ, и является подражателемъ трехъ Тчеренговъ. Внутренно признается, что рано, или поздно, но будетъ жертвою Та-Уа-Тсіу, которой конечно найдетъ способъ смертію его удовлетворить любочестіе свое. Прислалъ отъ себя просителей, чтобъ я попустилъ ему упасть къ моимъ нагамъ въ званіи вѣрнаго раба и данника, подобно каковыми принялъ трехъ Тчеренговъ и еще нѣкоторыхъ знатныхъ Элеутовъ. Согласился я на его прошеніе. Прибылъ онъ, увидѣлъ я его, говорилъ съ нимъ не единожды, дабы узнать изъ собственныхъ его устъ, какія суть права его но оспориванію престола. Убѣдилъ меня, и я признаю его едва ли не законнымъ онаго требователемъ. Утѣшилъ, подкрѣпилъ его надежды, взыскалъ всякаго рода милостьми

(Н) Три Тчеренга суть Тчеренгъ Тандій Турбетскій, второй Тчеренгъ Убаше, третій Тчеренг-Муко. Всѣмъ имъ, пришедшимъ на земли Китайскія, отведены мѣста для жилищъ, снабдѣны скотскими стадами и всемъ нужнымъ для довольнаго пропитанія.

Именемъ Тчеренга зовутся многіе Монжусцы. Скоро увидимъ еще Тчеренга же верховнымъ полководцомъ надъ войсками Китая. Онъ природою Монжуецъ, знатныхъ родителей сынъ.

и возвелъ на самыя блистательнѣйшія степени почестей (О).

Не было моего намѣренія вступить неукоснительно въ войну, не предвидя никакой пользы для государства, а только хотѣлъ благодѣтельствовать человѣчеству. Былъ доволенъ, укрывъ тѣхъ Элеутовъ отъ лютости враговъ, которые прибѣгли ко мнѣ. Отвелъ имъ земли въ области Калкаской, способныя къ пропитанію ихъ со стадами скота своего, доставляя чрезъ то самую безмятежную имъ жизнь.

Однако же непостоянство, природный порокъ народа сего, наводило мнѣ нѣкоторое безпокойство (П). Зналъ, сколь мало полагаться можно на вѣрность

(О) *Амурзана, провѣдавъ, что три Тчеренга привели людей своихъ въ безопасное состояніе на земляхъ Императорскихъ; что дано имъ позволеніе явиться ко Двору для засвидѣтельствованія подданства своего, пожелалъ того же, въ чемъ и не было отказано. Прибылъ въ Ге-Го, гдѣ тогда находился Дворъ, и обычайнымъ обрядомъ сопричтенъ къ данникамъ государственнымъ. Императоръ богато одарилъ его, назвалъ Шоанг-Тсин-Уангъ, сирѣчь сугубый Князь первой степени; пожаловалъ его землями въ области Калкаской.*

(П) *Императора начали безпокоить Элеуты послѣ оказанія ему нѣкотораго рода обиды отъ Та-Уа-Тсіа, который прислалъ къ нему пословъ совѣщаться какъ равный съ равнымъ: вотъ источникъ погибели сего Та-Уа-Тсіа!*

Им-

ность сихъ людей. Опасался, чтобъ посылая ихъ въ толикомъ многочисліи въ близость къ жителямъ, которые столь долгое время были ихъ непріятелями, не вошли бы къ нимъ какъ волки въ овчарню. Премѣнилъ мысль, разсудилъ за лучшее для славы государства, для спокойствія Калкасцевъ, и относительно къ

Императоръ принялъ его врагомъ своимъ. Издано провозвѣщеніе народу слѣдующаго содержанія: . . . Та-Уа-Тси открылся вѣроломцемъ и хищникомъ. Прошлаго лѣта прислалъ ко мнѣ пословъ, гордостно требуя помощныхъ войскъ, а притомъ выдавалъ себя законнымъ наслѣдникомъ Тшонг-Кара. Въ дерзкомъ своемъ письмѣ изражается какъ равный со мною. По сему ясно, что онъ человѣкъ дикой и невѣжествующій о первыхъ законахъ, низпосланныхъ Небесами, то есть о справедливой зависимости многихъ отъ одного.

Нѣсколько Элеутскихъ Ордъ, угрожаемыя мучительствомъ его, просили, чтобъ я ихъ защитилъ. Я, единый истинный сынъ Небесъ, могъ ли не вступиться за бѣдныхъ сихъ людей? Позволилъ имъ жить на земляхъ моихъ. Стеклось ихъ великое множество, и до нынѣ безпрестанно прибавляется число ихъ. Не должно ли было остерегаться, что таковый народъ рано, или поздно не обратился бы ко вреду государства? Упреждая сіе, думаю выслать ихъ за рубежи мои, и имѣть въ близости къ нимъ довольное воинство ко удержанію ихъ въ порядкѣ.

Произвело то напослѣдокъ войну. Императоръ, не внемля представленіямъ вельможей своихъ, Китайцовъ и Татаръ, рѣшился ее вести.

къ частнымъ видамъ Элеутовъ самихъ, снабдить безъ замедленія послѣднихъ помѣстнымъ войскомъ, запасами, и отправить для завсеванія собственной ихъ отчизны. Инако же бѣдныхъ бы я Калкасцевъ подвергнулъ претерпѣть отъ нихъ за страннопріимство самую гнусную неблагодарность.

Амурзана, провѣдавъ о томъ, не могъ сокрыть радости, коею наполнялася душа его. Истощевалъ всѣ возможныя оказанія, сколь онъ чувствуетъ безмѣрную сію для него милость мою. Пожаловалъ я его полководцемъ; самъ вложилъ въ руки его печать, утверждающую таковое достоинство; назначилъ число и качество войскъ, надъ коимъ ему начальствовать; а чтобъ быть ему увѣрену въ послушаніи людей моихъ, опредѣлилъ первымъ по немъ чиновникомъ и совѣтникомъ изъ самыхъ ближайшихъ ко мнѣ, человѣка всѣмъ извѣстнаго и всѣми почитаемаго, храбраго Пантіа (Р).

Рѣ-

(Р) *Панти есть прилагательное титло главнаго военачальника подъ Амурзаною; однако же въ самой вещи имѣлъ онъ верховную власть. Амурзана безъ совѣта его не могъ ни на что поступать. Сей-то Панти во стѣ пятидесяти тысячахъ человѣкъ незапно ударилъ на непріятелей, обратилъ въ бѣгство, и не потерявъ ниже одного человѣка, полонилъ тысячу семей. Императоръ наградилъ его за то достоинствомъ Тсея, пожаловалъ первымъ старшиною надъ охраннымъ войскомъ, обогатилъ великими деньгами, превознесъ похвалами и почестьми. Увидимъ, каковъ былъ конецъ жизни храбраго сего воина.*

Рѣшася такимъ образомъ воевать, не имѣлъ я видовъ разпространенія областей моихъ, не искалъ прицѣпки къ набору новыхъ подашей (С). Государство мое есть самое обширнѣйшее во вселенной, паче всѣхъ иныхъ населенное и несравненно богатѣе. Сун-

(С) Такъ говоря Императоръ, намѣкаетъ на представленіе вельможей, чтобъ не начинать войны. Всѣ Князи, всѣ члены совѣта, кромѣ перваго его дѣловца Фу Генга, совѣтовали ему не вмѣшиваться въ раздоры Элеутовъ. Уважали безполезность того для государства, и несмѣтные убытки войны столь на отдаленныхъ мѣстахъ.

Императоръ же не щадилъ убытковъ, кои и были безмѣрно велики. Не только находящимся на службѣ ратникамъ, но и внутри государства не единожды удвоялъ жалованье, всякій разъ, когда первые одерживали побѣду. Оказывалъ различныя щедроты народу, облегчая нищету многихъ чрезъ всю тогдашнюю зиму, которая была самая лютая. Исправлены проѣзжія дороги, построены новыя общественныя зданія, обсушены болоты и превращены въ плодоносныя нивы..... Толикія издержки, сказалъ сей Государь нѣкоему хулителю расточенія его, дѣлаю я для того, что мнѣ такъ угодно, мнѣ надобно и меня то утѣшаетъ. Цѣль моя есть общая польза. Хочу, чтобъ упражнены были десять тысячь человѣкъ, не имѣющихъ способа чѣмъ жить. Хочу облегчить нѣсколько житницы мои, ломящіяся отъ полности своей; хочу привести въ нѣкоторое движеніе деньги, залежавшіяся въ сундукахъ, и такъ далѣе.

дуки мои не вмѣщаютъ денегъ; кладовыя полны всякаго рода запасовъ. Въ состояніи я вести самую протяжную войну; въ состояніи пропитать народъ мой въ случаѣ общественныхъ бѣдствій внезапу; въ состояніи содержать иждивеніемъ моимъ тьму ремесленниковъ, употребляя на общенародныя, или только единыя выгоды приносящія работы.

Подобно небу и землѣ, долженствую я все и вдругъ покрывать и носить на себѣ. Вооружился, но для помощи нещастныхъ и утѣсняемыхъ, для наказанія утѣснителей, для возстановленія добраго порядка и спокойствія данниковъ моихъ и союзниковъ. Ратники мои осьми знаменъ, Солоны (Т), суть люди, коихъ храбрость никогда не измѣняется. Побѣда всякій разъ слѣдуетъ по стопамъ ихъ. Совсѣмъ не походятъ на тѣхъ удальцовъ, о которыхъ поетъ Ту-Фу (У) въ своихъ стихахъ. Мои Манщуи, мои

(Т) *Ратники, подъ названіемъ Солоновъ, есть лучшее Китайское воинство. . . Одинъ Солонъ, говоритъ нѣгдѣ Императоръ, стоитъ десяти другихъ. Страна, обитаемая Солонами, не далеко отъ Монжусцевъ: народъ свободный. Самопроизвольно предался Императорамъ настоящей династіи до завоеванія ими Китая, съ тѣмъ, чтобъ уравненъ былъ съ Монжусцами, на что и соглашенось.*

(У) *Ту-Фу, знатный стихотворецъ, жилъ въ осьмомъ вѣкѣ по рождествѣ Христовѣ, въ царствованіе Гивен-Теунга, шестаго Императора династіи Танговой. Между прочимъ сочинялъ похвалы, которыя его прославили. Поетъ въ стихахъ своихъ*

мои Солоны, не блѣднѣютъ никогда, исторгаяся изъ объятій своихъ семьянъ; никогда не колеблются въ мысляхъ, разлучиться имъ, или нѣтъ, съ юными своими супругами. Разлучаются, но безъ слезъ. При первомъ провозглашеніи справедливой войны взыграютъ сердца ихъ, радость изобразится на глазахъ; хотятъ, чтобъ тогда же настало мгновеніе сражаться . . . Обстоятельство соотвѣтствуетъ днесь воинскому ихъ жару; обстоятельство, достойное меня: чего же ради не обращать то въ пользу (Ф)?

Лѣта И-Гаіа (Х) посылалъ я мои Шеи, (Ц) бывъ надеженъ, что посылаю одерживать побѣду. Радостно преодолѣли тьму препятствій, достигли повелѣннаго мѣста; но устрашеніе уже ихъ предварило. Не успѣли натянуть луки, не успѣли пустить стрѣлъ, все покорилось. Даютъ законы Та-Уа-Тсіа,

ихъ воиновъ, но учиняетъ ихъ слишкомъ нѣжными при разставаніи съ семействами своими; ибо такъ угодно было Императору. Мантжуи и Солоны не столь мягкосердечны и болѣе отважны.

(Ф) *Видимъ, какъ Императоръ предуготовляетъ вѣрить сказываемому имъ о необходимости начинать войну. Умалчиваетъ однако же главныя произшествія оной: дополнимъ же то мы.*

(Х) *Лѣто И-Гоаи, второенадесять круголѣтія шестидесяти годовъ, двадесятое царствованія Кіэн-Лонга, то есть въ 1755 Христіанскаго счисленія.*

(Ц) *Смотри въ первомъ примѣчаніи о Шеяхъ.*

емлютъ его въ плѣнъ и ко мнѣ приводятъ. Уничиженные Элеуты, но въ полной надеждѣ на благосердіе мое, ожидаютъ, чтобъ я избралъ имъ Царя. Наименовалъ онымъ Амурзану. Признаютъ его, свидѣтельствуютъ подданство: миръ и тишина возникаютъ въ предѣлахъ ихъ.

Для проявленія таковыхъ чудесъ довольно было минуть только пяти мѣсяцамъ. Предки мои, егда услышатъ, что Ман-Шуи настоящаго времени суть таковы же точно, каковы были искони, каковы были во времена ихъ, возрадуются и возхвалятъ меня.

О скоропротечность произшествій! О непостоянство, оплакиванія достойное, сердца человѣческаго! Элеуты начинали уже наслаждаться пріятными плодами безмятежной жизни. Царь ихъ, коего гордыня находила себя слишкомъ стѣсненною, завися отъ моихъ повелѣній, составилъ сумозбродный умыслъ возбудить въ нихъ дерзновеніе, вновь возбудить ихъ бѣшенство (Ч)!

Хищ-

(Ч) *Амурзана льстился, что Императоръ казнитъ смертію плѣнника своего Та-Уа-Тсіа, о чемъ однако же не внималъ онъ его прозьбѣ. Напротивъ Та-Уа-Тси принятъ у Двора какъ чужестранный владѣлецъ, безъ принужденія явившійся признать себя данникомъ Китая. Не темница, а Дворецъ въ Пекинѣ отведенъ былъ ему жилищемъ. Указано было называть его Тсин-Уангъ, сирѣчь Князь первыя степени; опредѣлено на услуги его множество чинозниковъ. Ежедневно поз-*

Хищный звѣрь, утоля голодъ, пожирающій его утробу, ищетъ далѣе мѣстъ, на коихъ насытился, гдѣ бы вновь терзать ему какое либо невинное животное. Такъ измѣнникъ Амурзана, не довольный законнымъ царствованіемъ, подъ моимъ покровомъ, страною мною ему пожалованною, стремится инуды искать прочнѣйшихъ по суесмыслію жертвъ гордынѣ его.

Сначала разсѣваетъ глухіе и ложные слухи, самые язвительные (Ш); возмущаетъ Монжусцевъ, гнѣз-

позволялось ему видѣть очи Государя, коего политика заставляла имѣть всегда у себя соперника Амурзанѣ, когда послѣдній взбунтуется, что и сбылось скоро. Но смерть Та-Уа-Тсіа не допустила его исполнить таковый замыслъ: умеръ отъ печали, не возмогши привыкнуть къ новому состоянію; оставилъ единороднаго сына во младенчествѣ, но и тотъ положенъ же былъ подлѣ его гроба.

(Ш) *Амурзана ни о чемъ иномъ такъ не думалъ, какъ стать Царемъ Элеутовъ, хотя и слылъ уже, однако зависѣся отъ Императора. Видѣлъ, что пользуется пустымъ только именемъ сана. Власть его подчинилась порутчикамъ, даннымъ ему отъ Императора, которые были же и соглядатаи его поступокъ: мѣшали ему во всѣхъ его намѣреніяхъ, не давали простора во всѣхъ дѣлахъ его. Принужденъ былъ ограждать и личную вольность свою отъ насилія. Можетъ быть не вдался бы еще въ отчаянную крайность, не бывъ столь скоро позванъ ко Двору. Амурзани*

гнѣздитъ недовѣрчивость, мать раздоровъ, въ сердцахъ Элеутовъ; учиняетъ имъ людей моихъ ненавистными. И такъ, предуспѣвъ въ злоумышленіи своемъ, вдается въ самыя безчеловѣчнѣйшія крайности неистовства.

Подъемлетъ знамя мятежа; предвождаетъ такимъ образомъ развращенныхъ имъ, мчится по окрестностямъ рѣки Или, грабитъ, разворяетъ, обезоруживаетъ все срѣтаемое, умерщвляетъ двухъ моихъ полководцевъ, напавъ на нихъ внезапу (Щ). Раздѣливъ на участки малое число Монжусцевъ своихъ, опровергаетъ укрѣпленія, устроенныя мною въ надлежащемъ одно отъ другаго разстояніи для обезпеченія страны; опрокидывается на кладовыя съ запасами для войскъ и гонцевъ моихъ; напослѣдокъ въ наглости своей подступаетъ къ Паликуну, разбиваетъ станъ (Ъ).

Столь

зана совсѣмъ иное имѣлъ на мысли; прикрывая то, разпустилъ слухъ, что Императоръ хочетъ отнять у Монжусцевъ и всѣхъ Элеутовъ вольность, и дать имъ помѣстныхъ отъ себя правителей.

Всѣ возмутились, принялися за оружіе. Амурзану избрали вождемъ.

(Щ) *Храбрый Панти прежде всѣхъ былъ изрубленъ. Никакъ не чая толикаго предательства, разослалъ онъ предъ тѣмъ большую часть войскъ стеречь важные проходы. Іонганъ умерщвленъ вовторыхъ и столь же внезапно.*

(Ъ) *Паликунъ, изъ знатныхъ городовъ Элеутскихъ, или завоеванный народомъ симъ, по сію сторону рѣки Или, имѣлъ тогда многочисленное охранное войско.*

Столь неожиданное явленіе распространило страхъ и скорбь вездѣ. Каждый разсказываетъ о томъ, какъ кто слышалъ, а нѣчто и прибавляя. Казалось, все погибло невозвратно. Вблизи и вдали равный шепотъ, произведенный равнымъ и повсемѣстнымъ устрашеніемъ.

Какъ журчащіе шмели (Ы) досаждаютъ слуху путниковъ одноголосицею своею безъ всякихъ перемѣнъ. Чиновники мои, вышніе и нижніе, Мантшусцы и Монжусцы, вельможи всѣхъ степеней, едиными устами твердили: . . . „Должно оставить „Паликунъ съ окрестностьми; должно окончать бѣд„ственную и безполезную войну.„

Удержуся именовать посмѣвшихъ такъ говорить мнѣ, слѣдуя пустому страху, объявшему ихъ; но я весьма далекъ отъ того, чтобъ внимать совѣту столь низкихъ душъ. Пребуду еще непреклоннѣе въ первомъ моемъ намѣреніи. Новое злодѣйство мятежниковъ подаетъ мнѣ новую же причину усугубить усиліе. Избралъ полководцевъ на мѣста убіенныхъ звѣрски (Ь). Отправилъ свѣжія войски, снабдилъ повелѣніями наиточнѣйшими, да погибнутъ, или переловятъ злодѣевъ.

Могъ

(Ы) *Поставилъ я слово журчаніе шмелей вмѣсто двухъ родовъ саранчи: Тіао и Тангъ.*

(Ь) *Мѣсто Пантіа и Іонгана заступили Тчеренгъ и Ю-Пао. При первомъ извѣстіи объ идущихъ новыхъ Императорскихъ войскахъ Элеуты разошлися по домамъ, оставя Амурзану дѣлать, что хочетъ. Принужденъ сталъ и онъ имъ подражать.*

Могъ ли я предвидѣть? Мужи, на коихъ я полагался паче иныхъ, суть самые тѣ, которые испортили дѣло (Ѣ). Достигли безъ помѣхъ мѣста, имъ назначеннаго. Находилися въ навечеріи преславной побѣды, почти уже брали въ плѣнъ Амурзану; но возникла между ими вражда: измѣннику Амурзанѣ дали время спастися бѣгствомъ.

Упустивъ изъ рукъ вѣрную добычу, предоставалось имъ поправить проступку. Надлежало гнаться за нимъ, настигнуть и поймать. Но они не такъ поступать разсудили: казалось имъ довольно побывать въ двухъ, или трехъ углахъ Та-Уанской округи (Э). Почли себя сдѣлавшими все должное, и не двигалися уже никуда. Таковые люди недостойны начальствовать моими войсками. Наименовалъ я другихъ (Ю), но явилися не лучше.

Не столь виновны, какъ смѣненные ими, но недѣятельность ихъ повлекла бѣдственные слѣды. Легко-

(Ѣ) *Тчеренгъ и Ю-Пао, по зависти одинъ къ другому, никогда и ни въ чемъ не были согласны. Отправили погоню за Амурзаною, настигли его; но каждый къ предосужденію товарища своего изыскивалъ время взять его, и такъ упустили изъ рукъ.*

(Э) *Нынѣ нѣтъ страны, которая бы называлася Та-Уанъ. Китайцы налагаютъ имя сіе Ордамъ Гасаковъ, но прежде бывало царство, слывшее Та-Уанъ.*

(Ю) *Императоръ, еще новыхъ опредѣливъ полководцевъ, велѣлъ Тчеренгу и Ю-Пау быть въ Пекинѣ*

Легковѣріе Талтанга учинило жертвою бездѣльникамъ Гасакамъ. Погибъ бы Амурзана, естьли бы друзья вѣроломца сего еще разъ его не освободили изъ

кинъ для отчетовъ. Намѣреніе его было самолично ихъ допросить и потомъ осудить къ смертной казни; но Элеуты, напавъ на нихъ, какъ они были уже на пути, упредили Императора.

Талтанга и Ярхаханъ не лучше повели себя Тчеренга и Ю-Пао, заступивъ ихъ мѣста, и подобной же постигъ ихъ жребій: приведены въ Пекинъ и обезглавлены. Талтанга, хотя упустивъ же Амурзану, былъ меньше виненъ. Вотъ какъ сіе происходило:

Гасаки притворно повиновалися Императору, вѣдая, что онъ ихъ боялся. Подъ рукою помогали Амурзанѣ запасами и всемъ, чѣмъ могли. Какъ онъ укрылся у нихъ, то не находя себя въ силахъ явно противиться Императорскому войску, примыслили хитрость: отправили нарочныхъ къ полководцу съ прошеніемъ о избавленіи улусовъ ихъ отъ грабежей; что Абулай, Ханъ ихъ, беретъ на себя скрытнымъ образомъ изловить Амурзану и прислать къ нему, только бы дано было нѣсколько дней времени, доколѣ Абулай возвратится изъ отлучки и переговоритъ съ нимъ, Талтангою.

Талтанга повѣрилъ. Абулай, казалося ему, не смѣлъ прогнѣвать Императора, коего былъ данникъ, измѣною. Не внималъ рѣчей подчиненныхъ своихъ, совѣтовавшихъ ему быть осторожнѣе... Мы должны, отвѣчалъ имъ, вести войну съ честію. Гасаки берутся выдать намъ Амурзану, къ чему же огорчать ихъ

вхо-

тѣсныхъ тѣхъ обстоятельствъ, до которыхъ по безразсудію довелъ было самъ себя....,, Чего ради ,, вхо-

входомъ войскъ нашихъ на ихъ земли? Инако же будетъ право на ихъ сторонѣ противиться и разставлять намъ всякаго рода сѣти въ странѣ незнакомой.... Они друзья наши, для чего же заставлять ихъ превратиться во враговъ? Помедливъ нѣсколько дней, получимъ желаемое и сбережемъ много человѣческой крови.

Разныя союзныя Орды противу Амурзаны, раздражася таковою поступкою Талтанга, ушли въ жилища свои.

Абулай между тѣмъ не являлся, далъ время Амурзанѣ убѣжать; снабдилъ его лошадьми, вьючными верблюдами, далъ ему довольно запасу для далекаго пути. Гораздо уже послѣ прислалъ къ полководцу со извиненіемъ таковымъ.... Отъ стыда не кажусь тебѣ, что общій нашъ злодѣй, обманувъ неусыпное мое за нимъ примѣчаніе, ушелъ къ Россіянамъ.

Императоръ во гнѣвѣ отозвалъ обоихъ полководцевъ въ Пекинъ, и велѣлъ ихъ казнить смертію. Съ указа о томъ сообщаю читателямъ списокъ.

Въ первый разъ Амурзана ушелъ съ береговъ рѣки Или. Тчеренгъ и Ю-Пао начальствовали войсками моими въ западной странѣ: вмѣсто того, чтобъ гнаться за мятежникомъ симъ, осталися спокойно въ станѣ и дали ему время укрыться, гдѣ хотѣлъ. Долго не вѣрилъ я, чтобъ то было по нераченію ихъ, или и трусости. Призвалъ ихъ къ себѣ, намѣрясь самъ ихъ допросить, но напавшими на нихъ разбойниками въ дорогѣ умерщвлены.

Пер-

„входитъ тебѣ вооруженною рукою въ народъ не
„непріязненной, не оскорбившій насъ ничѣмъ, на

Н 2 „ко-

Первый подъ ними по моему велѣнію прибылъ въ Пекинъ. Многажды я его допрашивалъ. Признался во всемъ: увидѣлъ я всю вину какъ его собственную, такъ и обоихъ моихъ полководцевъ.

Получали мы извѣстіе, доносилъ мнѣ Тшала-Фунга (имя допрашиваннаго), что Амурзана отъ насъ на двадцать только часовъ ѣзды. Естьли бы мы хотя не много поторопились, конечно бы поймали его. Ю-Пао узналъ о томъ прежде всѣхъ, но не двигнулся, сказавъ только, что поговоритъ съ Тчеренгомъ, и обще примутъ надлежащія мѣры. Тчеренгъ не двигнулся же, сказывая во оправданіе, что мало было у него лошадей. Напослѣдокъ, долго мы разсуждая, положили итти Ю-Паоу первому къ Турсуну (въ Турсунѣ тогда находился Амурзана), а Тчеренгу за нимъ послѣдовать для помощи въ случаѣ нужды.

Доколѣ мы разсуждали, протекало напрасно время; Амурзана провѣдалъ и выбрался изъ Турсуна далѣе. Запасовъ у насъ было только на четыре дни; терпѣли недостатокъ въ лошадяхъ. И такъ не погналися за измѣнникомъ, а пошли обратно къ берегамъ Илискимъ исполнять другія дѣла, возложенныя на насъ отъ тебя, Государь!...

Таковы то были допросныя рѣчи Тшала-Фунга. Открылось предо мною поведеніе моихъ полководцевъ, поведеніе безразсудное и подлое, достойное наипозорнѣйшей казни.

Не

„которой жаловаться не имѣемъ причины? сказали „измѣнники Гасаки слишкомъ легковѣрному Талтангу. „Че-

Не было у нихъ довольно лошадей, а которыя и имѣли, не годилися будто ко употребленію. . . . Такъ то дерзнули они писать ко мнѣ. Но самыя тѣ же лошади, слабыя и столь въ маломъ числѣ, нашлися въ силахъ потомъ дѣйствовать внутри Гасакскихъ улусовъ подъ предводительствомъ Талтанга. Ежели у Тчеренга не доставало лошадей, то какъ онъ хотѣлъ послѣдовать за Ю-Паоомъ и помогать ему въ случаѣ нужды? Много ли потребно было дней для набору лошадей въ такой землѣ, изъ которой ушли природные жители? . . . . Терпѣли недостатокъ въ запасахъ, оставалось только у нихъ на четыре дни. . . . Чѣмъ же питались цѣлой мѣсяцъ на походѣ къ берегамъ Илискимъ, въ землѣ совсѣмъ опустошенной? . . . Запасовъ оставалось только на четыре дни. . . . Не долженствовали ли тѣмъ паче спѣшить дѣломъ устремиться на непріятеля и отнять у него запасы? . . , Тшала-Фунга и Ульденъ не больше правы Тчеренга и Ю-Паоа. Какъ первые по нихъ имѣли подъ собою не малые участки войскъ, могли бы сами собою исполнить должное, естьли бы думали о славѣ моего оружія.

Допрашивалъ я Ульдена. Отвѣты его были таковы же. Правда, сказалъ онъ мнѣ, что Тчеренгъ далъ мнѣ нѣсколько ратниковъ итти на мятежника, но то было уже поздно. На пути узналъ уже я, что Амурзаны нѣтъ болѣе въ Турсунѣ, и такъ остановился, далъ о томъ знать Тчеренгу. Нѣсколько после

„Чего ради карать земли наши, опустошать поля,
„раззорять наши сельбищи? Врагъ твой у насъ; ра-

Н 3 „дуй-

слѣ известился, что Магометане, не далекіе жители отъ Илискихъ береговъ, разграбили обозъ Амурзаны; что Амурзана мститъ имъ за то подобными же грабежами. . . . Писалъ я опять къ Тчеренгу, просилъ помощнаго войска въ пяти стахъ человѣкахъ, дабы, присоединясь къ Магометанамъ, Амурзану преслѣдовать.

Ю-Пао посылалъ между тѣмъ за нимъ погоню, но оная, не настигнувъ его, возвращалась. Съ нею-то повстрѣчался мой гонецъ. Ю-Пао, прочтя бумагу, разсердился и бранилъ меня предъ всѣми. Ульденъ, кричалъ онъ, хочетъ казаться больше, нежели онъ есть; но меня не обманетъ! Все, что ни пишетъ, замыкаетъ въ себѣ только одни собственные его виды . . . Отдавъ обратно письмо гонцу моему, приказалъ везти къ Тчеренгу; а сей, получивъ оное, разодралъ съ презрѣніемъ, прочтя прежде въ слухъ предъ моимъ гонцемъ. Вмѣсто же всякаго отвѣта отнялъ у меня начальство надъ бывшими подо мною. Приказалъ мнѣ явиться къ Ю-Паоу и дѣлать, что онъ прикажетъ. . . . Повиновался я. Представъ къ послѣднему, паки просилъ нѣкотораго числа ратниковъ и повелѣнія гнаться съ ними за Амурзаною: въ насмѣшку далъ онъ мнѣ пятьдесятъ только человѣкъ.

Въ чаяніи, что одумается, выступилъ я въ походъ съ моими Эльтенгами. Дошли до Курметона; однако же выбившись изъ силы, и претерпѣвая голодъ, съ нуждою могли поправиться. За недостаткомъ лошадей ѣхали на верблюдахъ,

кото-

„ дуйся тому, и считай, что у тебя уже въ рукахъ.
„ Выдадимъ его тебѣ, какъ скоро дождемся прибы-
„ тія

которые одинъ за другимъ служили намъ пищею. Отъ пятидесяти одного насъ человѣка осталося только двадцать шесть живыхъ. Въ Курметонѣ узнали, что Амурзана былъ уже весьма далеко. . . . Прочее, Государь! ты вѣдаешь.

Война сія столь худо успѣвала до нынѣ. . . . Кого въ томъ винить? . . . Полководцы, посланные мною одни въ западную, другіе въ сѣверную страну, не исполняли въ точности мои велѣнія. Талтанга покоился въ станѣ своемъ, не мысля гнаться за спасающимся Амурзаною, неминуемо доставшемуся бы въ его руки. Фу-Те-Аликунъ и другіе подробно мнѣ обо всемъ донесли. Умалчиваю еще о слышанномъ мною изъ устъ допрашиваемыхъ.

Какіе же въ самой вещи имѣли виды всѣ мои полководцы, такъ худо поступая? Одни упустили Амурзану, когда бы, шагнувъ только одинъ разъ, достали его въ руки. Другимъ трудно показалось гнаться за нимъ. Одни навлекаютъ на себя ненависть Монжускихъ Князей, отъ коихъ всякой могли ожидать помощи, и какъ бы умышленно дѣлали ихъ себѣ врагами; другіе вдавалися самопроизвольно въ обманъ вѣроломнымъ Гасакамъ. Всѣ же совокупно очевидно доказывали общіе свои происки учинить предпріятіе мое безуспѣшнымъ, дабы однимъ лѣтомъ щастливо окончать мнѣ все дѣло. Хотѣли ли упустить его, не двигаясь съ мѣстъ, или помереть отъ голода и нищеты въ землѣ чуждей? . . . Конечно нѣтъ.

Прони-

„тія Абулая Князя нашего. Онъ скоро возвратится „изъ путешествія недалекаго, и самъ тебѣ его приведетъ.„

Талпанга попустилъ уловить себя таковымъ обманомъ. Прерываетъ погоню, удерживаетъ жаръ въ воинствѣ броситься на добычу и овладѣть ею. Чиновники и рядовые Ман-Шуи и Монжусцы тщетно его убѣждаютъ . . . . „Скоро, отвѣчаетъ имъ, весьма „скоро и безъ всякаго вашего труда, не подвергая „пролитію одной капли крови вашей, отъ васъ будетъ зависѣть рокъ Амурзаны. Положитеся на „ме-

Проникаю ихъ умыслы: чтобъ много примышленная война показалася цѣлому свѣту сумозбродною и нестаточною; чтобъ не слыша я отъ нихъ ничего инаго, кромѣ уроновъ и неудачей, рѣшился окончать оную, какъ начатую противу ихъ совѣтовъ, и которая не доставляла ихъ никакими личными пользами.

Къ сему объявительному указу пріобщилъ Императоръ многіе другіе письменные виды, въ коихъ съ достойною сану своему высокостію духа ополчается противу нерадѣнія и трусости военачальниковъ своихъ.

Но кромѣ Пантіа, Аюнгана, Гоніа и не многихъ иныхъ, коихъ имена хранятся въ Кунг-Шенѣ и Тсеэ-Тангѣ, сирѣчь въ такъ называемой палатѣ великихъ мужей, пребудутъ навсегда славимы потомствомъ. Почти всѣ они въ первыхъ двухъ походахъ положили жизнь или отъ непріятельскаго оружія, или измѣною союзническихъ Ордъ, или позорною казнію въ Пекинѣ, или наконецъ самоубійствомъ, упреждая послѣднюю.

„ меня, положитеся на искренность Гасаковъ: обѣщали „ выдать его руками, и выдадутъ безъ сомнѣнія. На „ семъ мѣстѣ жду спокойно исполненія даннаго мнѣ „ слова ихъ; перестаньте же совѣтовать мнѣ противное. Остаюся въ томъ, на что уже я рѣшился. „

Старѣйшины Монжускіе возражали ему, упорствовали, начали прежде насмѣхаться ему въ глаза, потомъ укорять, а далѣе и оказывать къ нему презрѣніе; но Талтанга ничего не внималъ. Раздражилися Монжусцы, раздѣлилися по толпамъ и пошли во своя.

Страждущій лютою болѣзнію, егда занимается уже у него дыханіе, видитъ себя при дверяхъ смерти; внезапу возвращается къ нему жизнь, прибываютъ мало по малу силы, а напослѣдокъ становится бодръ, егда благодѣтельствующая природа преодолѣваетъ болѣзнь его. Такъ Амурзана, объятый отвсюда воинствомъ моимъ, находился въ послѣдней крайности; но мгновенно освобождается, собирается съ душею, наполняетъ себя вновь смѣльствомъ, убѣгаетъ далеко составлять новые ковы измѣнничества.

Талтанга оставленъ Монжусцами въ странѣ, почти незнаемой ему; срѣтаетъ повсемѣстно предательства и гибельныя сѣти. Не дерзаетъ отваживать малое число Мантшусцевъ, изъ коихъ состояло все его ополченіе, померетъ съ голоду безъ надежды успѣховъ. Пошелъ обратно въ чаяніи лучшихъ обстоятельствъ, могущихъ произвести что либо для него полезное, но тщетно. Проступка его была изъ таковыхъ, кои никогда не исправляются; проступка, отрыгнувшая самыя горестныя злы.

Го-

Го-Кію, неустрашимому Го-Кію, не помогла храбрость. Обхваченъ превосходнымъ числомъ непріятелей, и хотя весьма за дорогую цѣну, но принужденъ былъ отдать имъ жизнь свою. Го-Ки былъ первая жертва лютости и бѣшенства Гасаковъ, какъ скоро могли на все поступать ненаказанно.

Нима, Паіяръ, Сила, Мангаликъ и иные начальники тамошнихъ Ордъ составили тайное, но самое ужаснѣйшее предательство. Подъ покровомъ союза и дружества, подъ обманчивою наружностію покорности и зависимости, заманили безпечіе людей моихъ во ископанный ими ровъ измѣны, и ниже одинъ не остался живъ (Я).

(Я) *Нима, Паіяръ, Сила, Мангаликъ и другіе старѣйшины Ордъ, которые присоединили войска свои къ Императорскимъ, частію были личные враги Амурзаны, другою же друзья, или союзники Та-Уа-Тси. Хотѣли, чтобъ Талтанга вошелъ въ земли Гасаковъ и поймалъ Амурзану; но Талтанга не согласовалъ съ желаніемъ ихъ; удовлетворяя ненависть и иные виды корыстей, паче полагался на искренность и обѣщанія Гасаковъ. Талтанга отвѣчалъ имъ: . . Скоро будемъ имѣть въ рукахъ нашихъ Амурзану, не подвергая жизнь подданныхъ моего Государя. Полководецъ долженствуетъ щадить воиновъ, какъ собственныхъ своихъ дѣтей; первое его попеченіе сберегать ихъ кровь. Войдемъ ли мы къ Гасакамъ противу воли ихъ, вооружатся на насъ, принудятъ къ сраженію съ собою; Амурзана же между тѣмъ угонзетъ. Для чего же чрез-*

Тшао-Гоэи, коего нѣкоторыя воинскія разпоряженія удерживали во отдаленіи, узнаетъ о толи-
кихъ

чрезмѣрною поспѣшностію навлекать на себя новыхъ непріятелей? Гасаки обѣщалися выдать намъ руками Амурзану тотчасъ по возвращеніи Абулая: подождемъ, и получимъ желаемое.

Слова, конечно не по вкусу старшинъ сихъ. Понимали, что Талтанга попускаетъ себя обманывать: возмутились и пошли каждой въ свой улусъ. Но тѣмъ не были довольны: составили злоумышленіе, и нечаянно напавъ, разбили Императорское войско, упреждая стать отъ него разбитыми.

Паiяръ, знатнѣйшій изъ начальниковъ союзныхъ Ордъ, прежде всѣхъ выступилъ въ походъ; на пути же своемъ срѣтаемыхъ Китайцевъ, на коихъ можно было устремиться внезапно, побивалъ. Талтанга позналъ ошибку, но исправить ее было поздно. Гасаки, питая его чрезъ нѣсколько дней надеждою выдачи Амурзаны, дали ему напослѣдокъ знать, что ушелъ онъ въ Россію.

Прочіе полководцы, не обстоятельно увѣдомясь о прискорбномъ таковомъ приключеніи, почли одного Паiяра измѣнникомъ, а прочихъ удалившимися по тому только, что не удалось поймать Амурзану. Соединились, пошли на Паiяра, дабы его изловя отослать къ Императору для казни. Го-Ки избранъ главнымъ начальникомъ.

Го-Ки вошелъ прежде въ Орду Манія, разумѣя его вѣрнымъ и преданнымъ Государю своему, отъ коего получилъ онъ толикія благодѣянія и достоинство Уанга, или Князя. Просилъ его итти съ вой-
скомъ

нихъ злодѣйствахъ и поспѣшаетъ къ войску. Имѣлъ подъ собою весьма не много ратниковъ: разсѣваетъ

скомъ помогать ему совѣтами въ поимкѣ злодѣя Паіяра.

Случай сей описанъ особо; разосланы о томъ указы Императоромъ ко многимъ вельможамъ: помѣстимъ здѣсь слово въ слово, нѣсколько сократив:

Ярха-Ханъ, полководецъ войскъ во окрестностяхъ Паркольскихъ, прислалъ ко мнѣ слѣдующее донесеніе:

Ярха-Ханъ, рабъ твой, находится здѣсь со всемъ оставшимся воинствомъ во ожиданіи дальнѣйшаго повелѣнія твоего, Государь!.. Сей день прибыли ко мнѣ два Солона, извѣстили о случившемся предъ ихъ глазами... Мы, говорили они, ратники Го-Кіэвы; ему велѣно итти на измѣнника Паіяра. Хотѣлъ онъ прежде увидѣться съ Княземъ Мани, посовѣтовать и снабдиться помощнымъ войскомъ. Мани отвѣчалъ ему: .. Ты идешь на Паіяра, повинуйся повелѣнію; но мнѣ не можно ни слѣдовать за тобою, ни отпустить тебѣ помощнаго войска; а дамъ тебѣ добрый совѣтъ, отъ тебя зависитъ пользоваться онымъ. Не достовѣрно еще сіе, что Паіяръ измѣнилъ; не имѣешь ты точныхъ доказательствъ. Можетъ быть разбѣжалися его люди, не спросясь съ нимъ. Подожди лучшаго освѣдомленія. Отправь нѣсколько людей твоихъ къ Паіяру звать къ себѣ для сообщенія ему нѣкоторыхъ, собственно до него надлежащихъ указовъ. Послушается ли, получишь очевидное свидѣтельство, что онъ не мятежникъ. Въ противномъ же случаѣ поступай съ нимъ

какъ

ихъ собирать разбѣжавшихся по убіеніи полководца своего Го-Кіа, дабы, усилясь такимъ образомъ, напасть на

какъ съ явнымъ злодѣемъ.

Го-Ки понялъ притворный совѣтъ Манія; понялъ, что не получитъ отъ него помощнаго войска, и рѣшился..... Ты не хочешь слѣдовать за мною, ниже помогать мнѣ, возразилъ онъ ему; такъ я одинъ и безъ тебя войду въ самую средину стана его. Польется рѣками кровь, ты и отвѣчай за то Императору. . . Не торопись, повѣрь мнѣ, отозвался Мани; но естьли уже неотмѣнно положилъ искать Паіяра, не держу, въ доброй часъ; но отнюдь не бери съ собою всего твоего войска, а пойди къ нему весьма въ маломъ числѣ; не давая подозрѣнія, разспроси и узнай обстоятельно дѣло; инако же принужденъ онъ будетъ стать прямымъ мятежникомъ, коимъ можетъ быть еще не есть. Го-Ки къ нещастію согласился. Взялъ съ собою тритцать только человѣкъ, между коими былъ и я; достигли мы мѣста, гдѣ находился Паіяръ.

Люди его, только что насъ завидѣвъ, пустили тучу стрѣлъ и принудили насъ дорогою цѣною продавать жизнь нашу. Хотѣли изъясниться, но не слышанъ былъ въ ратномъ шумѣ голосъ нашъ. Защищали мы себя съ отчаяніемъ. Оклалися вокругъ врагами, достальныхъ же заставили не возбранять намъ отступленіе наше. Но скоро паки они устремились. Отъ превосходнаго ихъ надъ нами числа почти всѣ мы пали съ оружіемъ въ рукахъ.

Полководца нашего ранили стрѣлою въ бедру: упалъ и не могъ уже

на мятежниковъ, идущихъ уже разными путями безъ осторожности по мѣстамъ, гдѣ прежде обитали;
О 3 дабы

уже встать. Мы были близь его, хотѣли его поднять, но онъ возбранилъ намъ. Сорвавъ самъ павлиное перо со шляпы своей (знакъ достоинства одного изъ чиновъ, которые имѣлъ при Императорѣ), подалъ намъ и произнесъ: .... Государь великими меня удостоилъ милостьми, пожаловалъ меня полководцемъ. Не могъ я побѣдить враговъ его, должно же мнѣ умереть отъ рукъ ихъ. Для пользы службы его надобно ему знать, какъ я умираю. Отнесите сіе перо къ Тсонг-Тую Паркольскому, и подробно о всемъ ему разскажите.... Не оставимъ тебя! всѣ мы закричали; или умремъ съ тобою, или донесемъ тебя на плечахъ въ Парколь. . . . Слова и усердіе ваши напрасны, отвѣчалъ онъ; дѣлайте, что велю: служеніе Государю нашему того требуетъ. Не возвратите уже мнѣ жизни, и сами неизбѣжно погибнете. Удаляйтеся же отсюда, доколѣ есть еще время: оно скоро пройдетъ и будетъ поздно. Скажите Тсонг-Тую Паркальскому, чтобъ былъ во всякой осторожности: непріятели не замедлятъ на него опрокинуться. Скажите, что я такъ ему совѣтую.

Отъ Ярха-Хана, продолжаетъ Императоръ, получивъ сію вѣсть, позналъ я, что дѣла мои въ сей странѣ идутъ плохо, и что все тамъ въ безпорядкѣ. Всегдашняя моя склонность къ миролюбію не могла удержать меня отъ продолженія войны. Зналъ я довольно, что Татары тамошнихъ окрестностей люди непостоянные и коварные; что неможно по-

дабы не выпускать изъ глазъ всѣхъ движенiй Монжусцевъ и имѣть о томъ свѣденiя; дабы разпустить вездѣ слухи о скоромъ прибытiи пресильнаго ополченiя, посланнаго мною въ помощь моимъ, дабы всемъ тѣмъ возвратить къ должности забывшихъ оную въ смутное сiе время. Такъ учредя, что было ему возможно, направилъ стопы свои къ востоку и достигъ рѣки Илiа.

Тамо

полагаться на нихъ; что почти не лучше самаго Амурзаны; надлежало однако же то мнѣ скрывать. Чаялъ, что страхъ оружiя моего по меньшей мѣрѣ удержитъ ихъ въ повиновенiи. Ожидалъ, что наконецъ откроютъ глаза и увидятъ истинныя свои пользы. Писанное Ярха-Ханомъ и Тсонг-Туэмъ Паркольскимъ заставило рѣшиться, на что поступаю я въ послѣднихъ только крайностяхъ..... Разсмотрѣлъ уже я, изъясняется ко мнѣ Тинг-Куи [Тсонг-Ту-Паркольской], состоянiе дѣлъ, и увѣрился, что Элеуты, стекаяся отвсюда толпами, умышляютъ внезапу на меня ударить и поплѣнить малое число остающихся у меня войскъ твоихъ, Государь! Дабы уцѣлѣлъ хотя только Парколь, усилилъ я охранное онаго воинство тысячею деумя стами человѣками, набравъ ихъ гдѣ могъ. Элеуты, узнавъ сiе, далеко отступили.. Простишь ли ты мнѣ Государь, что я, мысленно предъ тобою повергаяся и ударяя челомъ о землю, прошу тебя о присылкѣ помощи.

Можетъ быть слишкомъ вхожу я и въ самыя мѣлкiя подробности, но онѣ свидѣтельствуютъ крайнѣ слабое въ тогдашнее время состоянiе Китайскихъ войскъ.

Тамо имѣя время размышлять о причинахъ столь великихъ превратностей, входилъ въ самыя мѣлкія подробности состоянія дѣлъ, навѣдывался о частныхъ видахъ начальниковъ Ордъ, соображалъ общее начертаніе какъ производить войну, могущую доставить успѣхами, и мнѣ донесъ о всемъономъ.

Я былъ уже готовъ оставить Амурзану злому року его. Измѣна Монжусцевъ, жителей столь далекой страны, едва уже не преклоняла меня окончать войну, предпріятую для ихъ токмо пользы; но важныя таковыя донесенія Тшао-Гоэвы дали мнѣ иныя мысли.

Описаніе замысла толико ясное и вѣрное, благоразуміе мѣръ, пріемлемыхъ Тша-Гоэіемъ, заставили отомщать за столь гнусныя предательства и не оставить злодѣяніе безъ кары. Не взирая на природную мою наклонность къ миролюбію, твердо я рѣшился со всевозможнымъ усиліемъ продолжать начатую войну. Свѣжія войски посланы ко окрестностямъ Илійскимъ; предписано имъ повиноваться Тшао-Гоэіу, какъ собственно мнѣ; пожаловалъ его верьховнымъ и полномочнымъ полководцемъ.

Лѣта Тинг-Тшеу [тысяча пять сотъ пятьдесятъ седьмаго] два новыя ополченія отправляются туда же двумя противолежащими дорогами, одна на сѣверъ, другая на югъ. Элеуты, паче нежели когда либо было, междоусобствуютъ. На мѣстѣ остававшіеся ратники мои, изнуренные толикими нещастіями непосредственно одно за другимъ, безсильны уже вселять страхи и удерживать ихъ. Элеуты, повторяю, не имѣютъ уже никакого обузданія, вооружаются сами на себя и грызутся какъ псы. Мысли и сердца ихъ наполнены происками, мятежничествомъ, разбоями, убійствами и измѣнок. Ганъ Тшолоскій умерщвленъ отъ племянника

ника своего Тшена - Карну, которой похищаетъ области его; но подобною же смертію оканчиваетъ дни свои: Калдан - Торги разрубаетъ его на мѣлкія части. Танди - Тавуа появляется, послѣдуемый своими; нападаетъ на Калдан - Торгіа, низлагаетъ его, емлетъ плѣнникомъ, отсѣкаетъ ему голову и присылаетъ ко мнѣ, дабы видѣли ее народы на устрашеніе бунтовщиковъ.

Слухъ объ ономъ пронесся до Амурзаны. Стеченіе случаевъ представилось ему удобнымъ возстановить упадокъ свой. Созываетъ остатки военныхъ людей; идетъ съ ними къ берегамъ Иліа. Войско его умножается на всякомъ шагѣ; мечтаетъ уже царствовать надъ Элеутами.

Въ полной такой вѣрѣ поспѣшаетъ. Прибылъ; но къ неизреченному удивленію видитъ встрѣчающаго его Тшао - Гоэіа предъ частію новоприсланныхъ отъ меня ратниковъ. Видъ надежды на себя, смѣлая выступка, благоустройство ихъ на ходу, устрашило его. Не нажидаетъ уже ихъ въ размѣръ пустить стрѣлы, но кидается опрометью назадъ, какъ бы уже былъ преслѣдуемъ. Не примѣчаетъ, за нимъ ли всѣ его люди. Бѣжитъ и денно и ночно съ несказанною торопостію и укрывается въ области Та - Уанской.

Тшао - Гоэи (Θ) поручаетъ Фу - Тею его преслѣдовать, самъ же собираетъ разсыпавшіяся врозвь Орды,

(Θ) *Тшао - Гоэи былъ тотъ храбрый мужъ, коему относитъ Императоръ успѣхи оружія своего. Великое его знаніе воинскаго дѣла и отличное мужество во всякихъ превратностяхъ, доставили напослѣдокъ его щастливымъ окончаніемъ возложеннаго служенія противу всеобщаго чаянія,*

Орды, вспомоществуетъ покаряющимся, усмиряетъ упорствующихъ, пріемлетъ мѣры возвратить странѣ

 тиши-

нія, и паче, нежели Государь его могъ себя ласкать.

Столь рѣдкія дарованія и способности не снискали однако же похвалъ отъ современниковъ его; похвалъ, которыя столь справедливо онъ заслуживалъ. Видѣлъ я моими глазами, какъ блѣдная зависть, подлое соперничество, невѣжество грубое, называли его человѣкомъ дерзскимъ, или по крайней мѣрѣ безразсуднымъ, допустившимъ себя до самыхъ бѣдственныхъ обстоятельствъ, такъ что принужденъ былъ переправляться вплавь чрезъ рѣки, проходить необитаемыя никѣмъ мѣста и чрезъ утесныя горы безъ запасовъ съѣстныхъ и военныхъ, и почти безъ воинства; что обманывая въ самое то время Государя своего, писалъ къ нему слогомъ пріятнымъ и доказательнымъ, будто бы получаетъ наилучшіе успѣхи.

Давали ему прозвищи краснословца, хитраго придворнаго, замысловатаго, знающаго людкость; но всѣ единогласно не отказывали ему въ названіи, коего паче всѣхъ иныхъ былъ достоинъ, сирѣчь великаго полководца.

Со всемъ тѣмъ умѣлъ искусный сей вождь привести къ щастливому концу войну, начатую противу отсовѣтованія всѣхъ Князей, всѣхъ вельможей; войну, облекшую въ печальныя одежды толико знатнѣйшихъ семействъ въ государствѣ; одни оплакивали родителей, или дѣтей, другіе братьевъ и племянниковъ, казненныхъ смертію какъ преступниковъ. Государь же не щадилъ ему ни похвалъ, ни благодѣяній, слѣдо-

тишину и согласіе ея жителямъ; словомъ, даруетъ ей сладостные плоды мира.

Фу-

слѣдовательно и не можно было ему ожидать воздаванія себѣ справедливости отъ прочихъ. Возвращающагося его въ Пекинъ Императоръ со всемъ Дворомъ своимъ нарядным дѣломъ встрѣтилъ на половину дни пути отъ столицы; ввелъ какъ въ оную торжественно, такъ и въ одинъ изъ Дворцевъ своихъ, ему отъ него тогда же пожалованной; возвысилъ его на первую степень благородныхъ, сопричислилъ къ государственнымъ дѣловымъ людямъ, выдалъ за него дочь свою въ замужство.

Тшао-Гоэи посвятилъ всѣ часы жизни на государственныя дѣла, въ покоѣ наслаждался благоволеніемъ Государя; но чрезъ два, или три года потомъ здоровье его начало ослабѣвать, день отъ дня силы его оставляли; однако же не переставалъ трудиться. Принималъ нѣкоторыя крѣпительныя лѣкарства и употреблялъ коренъ Ѣн-Шенгъ. Сіе, казалось, на нѣсколько времени помогало ему; но таковая наемная, можно сказать, помощь производила только обманчивый жаръ въ крови, и не замедлила скоро истребить послѣдніе остатки жизненныхъ соковъ. Отлучася отъ Двора на четыре дни успокоиться, какъ онъ сказывалъ другимъ, въ собственномъ домѣ своемъ умеръ. Императору было угодно, чтобъ никто о томъ не вѣдалъ. Велѣлъ его одѣть, посадить въ кресла, посѣтилъ его самъ и говорилъ ему: . . . Не вставай. Я пріѣхалъ къ тебѣ нарочно убѣждать тебя, чтобъ ничего ты не оставлялъ къ возстановленію твоего здоровья. Человѣкъ, ка-

ковъ

Фу-Те гонится за Амурзаною и почти вмѣстѣ съ нимъ касается рубежамъ Та - Уанскимъ. Поймалъ бы безъ сомнѣнія злодѣя, естьли бы взялъ съ собою немногихъ, только отборныхъ воиновъ; но предвождалъ цѣлое войско, долженствуя наводить повсюду страхъ, повсюду давать законы. Жители Та - Уанскіе, не ожидая принужденія, покорились, просили сопричисленія къ прочимъ моимъ подданнымъ; просили позволенія отправить ко мнѣ нѣсколько знатнѣйшихъ старшихъ для засвидѣтельствованія отъ народа ихъ рабства своего мнѣ. Тшао - Гоэи уже овладѣлъ страною безпрекословно. Сами жители, не бывъ ни отъ кого наряжены, навезли къ нему множество запасовъ. Злодѣй Амурзана тщетно укрывался: его уже болѣе тамо нѣтъ.

Примѣтивъ, что страна Та - Уанская не можетъ ему быть убѣжищемъ, протекаетъ ее съ поспѣшеніемъ, вдается далѣе къ сѣверу, и гнѣздится навсегда въ неизмѣримыхъ предѣлахъ Лошаскихъ. Дѣло то небесъ, дабы не допустить его успокоить злодѣйствами возмущенную совѣсть его. Онъ - то есть вѣчный примѣръ покушающимся на измѣну; примѣръ ужасный, могущій каждаго обуздывать (V)! По

 первомъ

ковъ ты, нуженъ государству. Изрекши сіе, возвратился во Дворецъ. Приказалъ обнародовать о кончинѣ Тшао-Гоэіа, приказалъ списать его лице и поставить въ палатѣ великихъ мужей.

(V) Китайцы изстари зовутъ страну, подвластную Россіянамъ, Лоша и Ло - Тша. Амурзана, проминовавъ Та - Уанъ, сирѣчь страну Гасаковъ, наименованную Господиномъ Шапомъ, въ картѣ его

первомъ извѣстіи о бѣгствѣ Амурзаны столь далеко, Князи и вельможи государства моего, одинъ ускоряя другаго, подавали мнѣ скучныя свои челобитныя: .... „Не настоитъ уже нужды, изъяснялися, гнаться за „злодѣемъ, предъ коимъ безпрепятственно отверста „вся земная поверьхность. Достигъ уже онъ до самаго „края сѣверныхъ странъ: оставимъ его бѣдственно „умирать тамъ, и не станемъ болѣе думать объ немъ. „Онъ удалился къ Россіянамъ, да и останется между „ими. Не приличествуетъ достоинству тебя Госу-„даря требовать, чтобъ его выдали.„

Но большая часть подданныхъ моихъ были того мнѣнія, чтобъ окончать войну, чего бы оное ни стоило. „Царство Тшунг-Карское, вѣщали сіи усы-„пленные праздностію люди, для коихъ лѣность и „нѣга составляетъ все, безмѣрно удалено, Государь! „отъ средоточія властительства твоего. Не удобно „управлять тебѣ онымъ. Предоставь бремя сіе, кто „восхищетъ возложить на себя; но и къ чему годны „для сердца государства твоего земли неплодныя, „народъ грубой и дикой?„ (Aa)

За-

его Россійской Татаріи, Козачья Орда, удалился въ Сибирь, не съ согласія тамошнихъ жителей, а только попустили они ему скитаться по неизмѣримымъ степямъ своимъ.

(Aa) *Императоръ въ нарочно изданномъ провозвѣщеніи въ народъ въ сильныхъ выраженіяхъ порочитъ подавателей такихъ совѣтовъ, паче же тѣхъ, которые хотѣли, чтобъ войски вышли изъ посреди улусовъ Элеутскихъ.*

Зажиточный гражданинъ строитъ домъ на мѣстѣ, болѣе другихъ посѣщаемомъ. Тунеядцы, взирая на приспѣвающее зданіе день отъ дня, подаютъ совѣты, коихъ отъ нихъ не требуютъ; разсуждаютъ, совсѣмъ не вѣдая намѣренія хозяина, какъ бы каждый участвовалъ въ постройкѣ.

Со всѣми глупыми такими представленіями поступилъ я по ихъ цѣнѣ: не уважилъ и презрилъ. Послалъ новыя наставленія, новые указы къ Тшао Гоэіу, просилъ Фу-Тен (Бб) не охлаждать воинскаго жара въ войскахъ.

(Бб) *Пора упомянуть мнѣ о славномъ семъ мужѣ, коего одно имя страшно было Татарамъ. Фу-Те по Тшао-Гоэіѣ паче всѣхъ иныхъ полководцевъ ознаменовалъ достоинство свое въ продолженіе войны на Элеутовъ. Можетъ быть послѣдній и не взялъ бы у него первенства, естьли бы умѣлъ самъ собою составлять начертанія военнымъ дѣйствіямъ, соображать части оныхъ съ подобною же Тшао-Гоэіу прилѣжностію и способностію приводить въ исполненіе; естьли бы къ самымъ превосходнѣйшимъ качествамъ въ великомъ воинѣ присоединялъ людкость и пріятное обхожденіе. Но бывъ воспитанъ Мантшускими Солонами, юность его прошла и одичала на звѣриныхъ ловляхъ, которыя не оставлялъ одинъ бывая противъ непріятелей. Совсѣмъ не доставало ему вѣжливости, ласковыхъ поступокъ и гибкости, которымъ съ младенчества навыкаютъ придворные люди. Былъ откровененъ, но суровъ; ни для чего и никакъ не умѣлъ притворяться. Лучше хотѣлъ быть послѣднимъ рядовымъ воиномъ,*

Между тѣмъ прогнѣванныя небеса поспѣшаютъ временемъ отмщенія; избираютъ къ тому орудіемъ

номъ, нежели первымъ у Двора. Въ городѣ все казалося для него не ловко; подъ шатрами, въ полѣ, между воинства, вотъ гдѣ хотѣлъ и жить и умереть. Не почиталъ ничего тамъ для себя невозможнымъ. Сносить самые претяжкіе труды, самыя мучительныя безпокойства, терпѣть голодъ, жажду, денно и ночно протекать непроходимыя мѣста и болоты, сражаться на всякомъ шагѣ не только съ человѣками, но и съ стихіями: вотъ чѣмъ онъ всегда занимался чрезъ все продолженіе войны въ области, учиненной напослѣдокъ имъ областію Китайскою; въ области, которою владѣлъ Тсонг Каръ. Императоръ даже до того уважалъ его, что на угрозы нѣкоторой сильной державы, хвалившейся пушками своими, изъ которыхъ стрѣляютъ поминутно, отвѣчалъ: . . . . Я предпоставлю пушкамъ ихъ Фу-Тея.

Но столь великій воинъ, коего лице стоитъ днесь между лицами же славныхъ мужей, лучше бы окончалъ жизнь на мѣстѣ побоища съ оружіемъ въ рукахъ по окончаніи знаменитыхъ своихъ подвиговъ. Ничего незначущій мѣлкій Мандаринъ, за то, что требовалъ онъ у него лошадей для войска въ странѣ, ввѣренной сего правленію, былъ доносителемъ на него Императору, будто бы Фу-Те, набирая лошадей для войска, часть оныхъ отсылалъ на заводы свои въ Татарію. Самъ Императоръ судилъ его; всякому бы иному изрекъ смертный приговоръ, но Фу-Тея наказалъ вѣчною темницею. Чрезъ десять

діемъ прелютую болѣзнь, наказуютъ оною злодѣя, заставившаго ихъ карать себя. Мечтая уже онъ избѣжавшимъ отъ всякихъ гонителей, мучительная смерть прекращаетъ его бытіе, когда могъ льститься, ежели не пріятностьми жизни, по крайней мѣрѣ вольностію.

Тако погибъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ причинитель толикихъ раздоровъ, обагритель кровію человѣческою цѣлыхъ странъ. Ближніе его, страшася прилипчивости болѣзни, которой страждетъ, покидаютъ его и разсѣяваются. Едва остался ли одинъ сомкнуть глаза его и предать трупъ погребенію въ земли чуждей.

Между сѣверными народами и нашимъ климатомъ хотя неизмѣримо разстояніе, но они союзники наши; дружественные договоры взаимно насъ связуютъ. Согласіе имѣли мы и будемъ имѣть всегда. Не могли доставить мнѣ живаго Амурзану; священные обычаи вѣры ихъ возбраняютъ прислать его трупъ: но посланные отъ меня разрыли смердящій его трупъ, другимъ же казаны были кости его (Вв).

Фу-

сять уже лѣтъ освобожденъ по причинѣ всеобщаго отпущенія винъ, ради вступленія матери Императорской на осьмидесятый годъ отъ рожденія. Императоръ помѣстилъ его между рядовыми опричныхъ своихъ. Не хотѣлъ внимать представленію вельможей, неотступно его просившихъ, чтобъ послалъ Фу-Тея начальствовать войскомъ противу Міэнцовъ.

(Вв) *Амурзана, не находя безопасности между Гасаками, поддавши-*

Фу-Те не прерывалъ преслѣдовать остатки мятежниковъ; многіе были взяты, или изрублены защищаясь. Другіе безъ предводителей искали прибѣжищъ, гдѣ могли, и питалися милостынею. Фу-Те настигъ ихъ, вездѣ низлагалъ, вездѣ побѣждалъ (Гг). Фу-Те учинилъ болѣе: мимоходомъ подвергнулъ двадесять пять Ордъ, не знавшихъ до того никакого инаго

шимися Фу-Тею, оставилъ ихъ улусы; направилъ путь къ Россіянамъ съ тѣми изъ своихъ, которые похотѣли ему последовать. Долго скитался по степямъ Сибири, паче какъ бѣглецъ, ищущій пріюта, нежели въ образѣ владѣтельнаго Князя. Занемогъ оспою; болѣзнь заразительная и смертоносная въ Татаріи, почти тамъ не извѣстная инако, какъ самымъ лютѣйшимъ бичемъ, коимъ наказываетъ иногда Божество человѣковъ. Китайскій Императоръ, не возмогши имѣть въ рукахъ своихъ Амурзану живаго, чрезъ нарочную грамоту требовалъ отъ Россіи выдачи трупа его. Отвѣтствовано, что не знаютъ мѣста, гдѣ умеръ Амурзана. Напослѣдокъ сыскавъ разрыли и показали присланнымъ отъ Императора: не выдали однако же имъ трупа его, такъ отозвавшись: . . . Каждый народъ имѣетъ обычаи, почитаемые священными: у насъ между самыми святѣйшими есть не предавать на поруганіе хладныхъ остатковъ тѣла человѣка, который отечество наше принялъ своимъ убѣжищемъ. . . Врагъ вашъ уже мертвъ; видѣли вы трупъ его, и сего уже и довольно.

(Гг) *Народы, у коихъ укрылись убѣжавшіе Элеуты, извѣстны подъ названіями Пурутовъ, Фанцучевъ, Тургутовъ и другіе.*

инаго закона, кромѣ вольности и собственныхъ своихъ пожеланій.

Всѣ такіе народы видятъ позднѣе насъ восходящее солнце и дневный свѣтъ. Трепещутъ отъ единыхъ именъ Тшао-Гоэіа и Фу-Теа. Нѣкоторые шлютъ ко мнѣ пословъ и просятъ подданство; прочихъ же ужасъ, оружіемъ моимъ разлитый, загналъ въ самые отдаленнѣйшіе краи. Есть и дерзновенные, предалися Элеутамъ; но ожидали уже ихъ подобныя гибели, одинакіе съ ними жребіи: стали равно побѣжденны. Знатнѣйшіе между сими виновными уже привезены въ Пекинъ вкусить заслуженную кару; другіе наказаны уже на мѣстахъ со всею строгостію.

Приговоры ихъ суть изреченія самой справедливости: старался я удовлетворить оные; милосердіе ходатайствуетъ предо мною. Время проявитъ то въ полномъ сіяніи кротости моей. Земли владѣнія Тшонг-Кара не совсѣмъ пусты. Довольно обширны. Могутъ составиться на нихъ многіе небольшіе удѣлы. Довольно еще и жителей. Слѣдовательно достойны отеческаго моего вниманія (Дд). Не упущу ничего

(Дд) Тшао-Гоэи и Фу-Те преслѣдовали мятежниковъ съ сообщниками ихъ двумя разными дорогами: чрезъ малую Бухарію на югъ, и чрезъ Гасакскіе улусы къ сѣверу. Тому и другому поддавалися Орды; противившіяся же были завоеваны. Паче иныхъ виновные казнены смертію, а о старѣйшинахъ описывались съ Императоромъ. . . . Повелѣно прислать ихъ въ Пекинъ. Императоръ самъ ихъ допрашивалъ, и послѣ отдалъ

къ благоденствію ихъ; особливо же позволяю жить, какъ они привыкли, и возстановлю древній образъ правительства.

Прежде мучительства Калдан-Тшеренга, который противу наисвятѣйшихъ правъ дерзнулъ подклонить подъ власть свою всѣхъ Элеутовъ, народы сіи быть ствовали раздѣленно на небольшіе участки, имѣя въ каждомъ особаго владѣльца подъ названіемъ Ла-Те. Считалось ихъ всѣхъ двадцать одна Орда; верьховный же начальникъ надъ всѣми именовался Нган-Ки. И такъ возвратилъ я имъ ихъ Ла-Теэвъ, ихъ Нган-Кіа, подъ иными токмо названіями. Учредилъ четырехъ Царей: слыть они будутъ Ганами, или Ханами; избралъ двадесять одного старѣйшину, по одному для каждой Орды, наложивъ имъ званіе болѣе и менѣе знаменитое, смотря по числу семействъ, каждому подчиненныхъ.

Дабы отъ нынѣ впредь Ханское достоинство, доколѣ мнѣ угодно, было наслѣдственное. Себѣ я собственно же предоставляю избирать двадесять одного старѣйшину, награждая сею степенью людей по сердцу Элеутовъ, отличающихся вѣрностію ко мнѣ, мужествомъ, или чѣмъ-либо инымъ. Одного подъ осо-

далъ на казнь. Между ими были многіе облагодѣтельствованные имъ прежде и возведенные на степени почестей.

Всякой, кто бы ни былъ, пожалованный Мандариномъ, чрезъ то самое становится Китайскимъ подданнымъ. Слѣдовательно всѣ Татары, удостоеваемые степеней Уанговъ, Кунговъ и Геуэвъ, суть рабы и данники Императора.

особымъ названіемъ оставляю при себѣ: будетъ онъ во главу прочихъ, долженствуетъ доносить мнѣ о поведеніи каждаго, представлять мнѣ ихъ прошенія, докладывать о взаимныхъ ихъ жалобахъ и о всякихъ иныхъ нуждахъ ихъ. Не предписываю впрочемъ всѣмъ имъ никакихъ законовъ, кромѣ наблюдаемыхъ моими Монжусцами осьми знаменъ.

Къ толико громкимъ благодѣяніямъ моимъ пріобщаю дары всякаго рода: награждаю деньгами, снабдѣваю запасами, посылаю къ нимъ всякую земледѣльческую и иную домашнюю збрую. Не откажу ни въ какой нужной помощи, дабы со временемъ могли сами себя избыточно пропитывать и вести жизнь во изобиліи и радости.... Такъ-то тщился я сообразоваться воли небесъ, коихъ вліяніями все на землѣ произрастаетъ; человѣку же въ особенности даруется свѣтъ и жизнь.

Зналъ уже я врожденное непостоянство безпокойныхъ сихъ народовъ. Вѣдалъ изъ естества пороковъ ихъ и попользновеній, коими они паче уподобляются Сапажуямъ (Ee), нежели людямъ; нося однако же

(Ee) *Овладѣвъ онъ всею Элеутскою страною, паче всего спѣшилъ дать правителей симъ народамъ. Провозглашено было общее забвеніе винъ, не исключая и бѣглецовъ, чтобъ они безстрашно возвращалися во своя. Императоръ торжественно давалъ слово свое не избирать въ начальники ихъ, кромѣ ихъ же соотечественниковъ, для лучшей удобности въ случаѣ войны, или мятежа, предпоставлять одниxъ другимъ; раздѣлилъ властительство между многими лицами.*

Установилъ четырехъ Царей, или Хановъ, двадеде-

же на себѣ точное съ послѣдними сходство и имя, имя священное, со всемъ тѣмъ не думалъ никогда, чтобъ могли быть дичѣе медвѣдей, лютѣе и неукротимѣе Ю-Кіэвъ (Жж). Злодѣйствія, ихъ преступничества, къ нещастію, не замедлили вывести меня изъ заблужденія. Наградивъ всячески съ преизбыточествомъ, далъ имъ только крылья съ большею скоростію

десять одного Пуло, или вельможей. Въ первые Ханы произвелъ Тшолоса, во вторые Гунте-Гея въ третьи Хонота, въ четвертые Хана Турбетскаго. Позволилъ имъ выбирать по себѣ преемниковъ, кого хотятъ, однако же съ воли его, и предоставилъ себѣ подтверждать ихъ въ достоинствѣ Хановъ; въ разсужденіи же Нган-Кіэвъ, или вельможей, отозвался, что хочетъ одинъ онъ назначать ихъ, кого за благо разсудитъ.

Та-Уа-Тсіа, который тогда находился въ Пекинѣ, пожаловалъ также Ханомъ. Виды политики Императора состояли въ томъ, чтобъ удерживать всегда въ повиновеніи и Татаръ и Элеутовъ, державшихся стороны Та-Уа-Тсіа, и предпоставлять ихъ сторонѣ же Амурзановой въ нужномъ случаѣ. Смерть Та-Уа-Тсіа, скоро потомъ случившаяся по задержаніи его въ Пекинѣ, разстроила мѣры сіи, и возбудила Элеутовъ проискивать объ учиненіи себя совершенно независящими отъ Китая, каковыми были прежде.

(Жж) Родъ обезьянъ. Имъ уподобляетъ Императоръ Элеутовъ. Звѣри самые гадкіе, страннѣе на взглядъ и смѣшнѣе всѣхъ иныхъ обезьянъ; по Китайски зовутся Тсинъ; но я, умягчая грубость, оба названіа поставилъ Сапажуи.

стію удалиться отъ меня. Стараяся учинить ихъ щастливыми, только укрѣпилъ ихъ силы для сопротивленія мнѣ. Разорвали легкіе узы, коими не поработилъ ихъ, но привлекалъ къ себѣ ихъ любовь. Треппющей ихъ рукѣ наложили язвы (Зз).

Неожиданные отъ нихъ грабежи, внезапное ихъ остервененіе, возбудили гнѣвъ мой; негодованію моему на нихъ ничто уже равняться не могло:... „Недостойны жить на свѣтѣ, сказалъ я самъ въ себѣ, „истреблю ихъ, не смѣшивая однако же виновныхъ „съ невинными. Естьли собственныя ихъ земли напьются ихъ же кровію, жены и дѣти взяты въ „рабство далеко отъ мѣстъ рожденія ихъ: да отвѣчаютъ предъ Богомъ принудившіе меня къ тому.„

Калдан-Торги, коего самъ я избралъ правительствовать Тшолосами, коего самъ я возвелъ въ Ханы, далъ ему право пользоваться всѣми преимуществами сана сего, превратился въ чудовище. Долженъ я былъ очистить отъ него землю (Ии). Тѣло его разсѣчено въ куски,

 искоре-

(Зз) *Ю-Ки, толкуется въ Китайскомъ словарѣ:.. животное четвероногое, на лапахъ когти какъ у тигровъ, голова драконова, туловище лисичье, звѣрь самый лютый и самый неукротимый предъ всякими иными; держится на болотистыхъ мѣстахъ. Я почитаю его баснословнымъ. Китайскіе стихотворцы употребляютъ назвище сіе, когда хотятъ изразить какое нибудь ужасное безчеловѣчіе.*

(Ии) *Элеуты, свергая съ себя иго Китайцевъ, звѣрски умертвили чиновниковъ и воинство Императора, которые старалися удержать ихъ въ повиновеніи.*

искоренено семейство. Злощастная страна, вмѣщавшая вѣроломныхъ Тшолосовъ, стала дикою пустынею.

Паіяръ, измѣнникъ Паіяръ, милостію моею доведенъ до высокой степени Хана, не меньше Торгіа виновный, подобно же ему среди мученія замкнулъ глаза на вѣчность; глаза, недостойные видѣть дневный свѣтъ. Подданные его разбрелися врознь, или порабощены, или казнены же смертію. Гнусная только память осталася объ нихъ подъ именемъ Гунше - Геэвъ. (ii) Утомяся я взирать на ліющуюся кровь, почти уже рѣшился простить Хоноть - Шактурману, коего далъ я имъ въ Царя. Но онъ сплеталъ между тѣмъ самые мерзкіе ковы на людей моихъ. Происки его, ухищренія и коварство вышли однако же наружу.

Ярхаханъ, одинъ изъ полководцевъ моихъ, имѣя воинскій станъ близъ Паликуна, проникъ оное, и не оставляя безъ вниманія ни единаго шага сего злодѣя, увѣрился напослѣдокъ, что естьли Шоноть не столь дерзостенъ, какъ Тшолосы и Гунше Геи, то не уступаетъ имъ въ измѣнничествѣ. Не казался еще таковымъ; но потребно ему еще было время усилиться и взять мѣры. Общій умыселъ мятежа оказался несомнѣннымъ, изобличенія очевидныя. Ярхаханъ почелъ себя должнымъ не ожидать повелѣній моихъ, и поступилъ съ ними со всею строгостію.

Развѣдавъ, что Шак - Турманъ готовится внезапно на него напасть, учинилъ прежде нападеніе на

сего

(ii) *Калдан - Торги, хотя пожалованный достоинствомъ Хана, но имѣлъ только внѣшность сана сего. Восхотѣлъ стать дѣйствительнымъ Ханомъ, и взбунтовался.*

сего злодѣя, разбилъ, взялъ его въ плѣнъ, всенародно казнилъ смертію предъ вратами Паликунскими, трупъ же его повергъ на поруганіе озлобленнымъ моимъ ратникамъ. Всѣ Шонотеи, кои только могли, разбѣжались (Кк).

Двадесять одинъ Нган-Кіэвъ, или способствовавшіе подъ рукою, или участники на самомъ дѣлѣ Тшолосамъ, Гунше-Геямъ и Шонотеямъ, свержены въ ничтожество, изъ коего извлекъ я ихъ. Одни пали подъ мечами воиновъ моихъ, у другихъ вырвана жизнь руками палачей. Весьма немногіе ушли въ далекія страны (*Лл*); прочіе же розданы рабами вельможамъ моимъ Монтшускимъ и Монжускимъ.

Одинъ только Ханъ Турбетскій во все сіе замѣшательство пребылъ мнѣ неколеблемо вѣренъ. Всегда равно повиновался волѣ моей со всѣми подданными своими. Исполнялъ въ точности законы мои; не нарушалъ обычаевъ, мною же между ими введенныхъ. Не имѣю причины оскорблять его, и оставляю въ покоѣ такимъ, какъ онъ былъ. Онъ и народъ его до

(Кк) *Изъ упомянутаго мною выше о Паіярѣ и Китайскомъ полководцѣ Го-Кіѣ явствуетъ, что Паіяръ признанъ былъ Ханомъ только однимъ именемъ. Но какъ находился онъ въ Ордѣ своей, то трудно было лишить его власти надъ нею.*

(*Лл*) *Ярхахана, пролившаго толикое множество крови нещастныхъ людей, не можно было ясно доказать въ мятежничествѣ; позорную же смерть его въ Пекинѣ развѣ разумѣть наказаніемъ Божіимъ за первыя его злодѣйства.*

до нынѣ еще существуютъ, спокойно земледѣльствуя, скотоводствуя и торгуя. Да подаютъ ежедневно новые мнѣ опыты вѣрности, ежедневно же милости мои находить ихъ будутъ. Естьли небеса караютъ, рано, или поздно, противящихся изволенію своему, или которые злодѣяніями навлекаютъ на себя праведный ихъ гнѣвъ: то послушники оныхъ, безпрепятственно слѣдуя всегда по пути добродѣтелей, рано же, или поздно, но удостоеваются свыше наградъ. Всѣ народы единогласно такъ исповѣдуютъ; истинна то есть несомнѣнная для всѣхъ земнородныхъ. Шэнотеи, Гунте-Геи, Тшолосы наказаны за мятежничество; Турбеты получили мзду за свою вѣрность. Изъ полководцевъ моихъ и иныхъ чиновниковъ преступившіе мои велѣнія, большая часть казнена позорною смертію; отличившіеся заслугами ко мнѣ и отечеству возведены на вышшія степени почестей. Да всѣ и каждый блюдетъ себя отъ злаго дѣла, инако же не избѣжитъ наказанія; да каждый дѣлаетъ добро, пулучитъ возмездіе.

Много потребно и времени и трудовъ явиться достойнымъ послѣдняго. Одинъ мигъ очей, одно небреженіе все погубляетъ. Неутомленностію и постоянствомъ, готовыми на всякіе опыты, окончалъ я великое сіе дѣло; превозмогъ надъ толикимъ множествомъ препятствовавшихъ мнѣ. Теперь, думаю, замолкнутъ буйственныя разглашенія.

Заставлены уже они признаться, что война, которую въ глупости своей опорочивали, увѣнчалась успѣхами; потому что такъ угодно небесамъ, способствовавшимъ моему оружію. Да не мыслятъ, что я присвояю то моей способности, моимъ дарованi-

ваніямъ, мѣрамъ, принятымъ мною. Нѣтъ! никогда я не былъ и не буду столь тщеславенъ. Надлежало столкнуть злодѣевъ съ поверьхности земли; Небеса избрали меня орудіемъ.

Кровь подданныхъ моихъ, не скрываю, не меньше лилася крови же мятежниковъ. Сколько пало съ оружіемъ въ рукахъ! Сколько погибло отъ измѣны и вѣроломства! Сколько принужденъ я былъ осудить на смертную казнь! Необходимость оправдаетъ меня а того наипаче проступки моихъ людей.

Полководцы и прочіе чиновники, съ самаго начала посланные на войну, не держалися въ точности видовъ моихъ; а чрезъ то единожды совратившись съ предписаннаго имъ пути, подвергли себя нечаянным нападеніямъ враговъ, и принудили законы поступить съ собою во всей ихъ строгости. Наказалъ я ихъ, дабы не наказывать впредь еще большаго числа преступниковъ.

Въ обстоятельствахъ, не столь смутныхъ, не колебался бы я простить ихъ за вину, которая сама по себѣ не заслуживаетъ никакой милости; но долженствую отнять позоръ памяти ихъ предъ очами потомства. Глубокимъ миромъ наслаждалася чрезъ долгое время великая имперія моя; большая часть ратниковъ моихъ знали уже только войны единое имя. Безъ навыка, мало способные къ подъятію трудовъ, не имѣя свѣденія о землѣ, которую побѣждать должны, ниже каковы суть живущіе на ней, могли ли избѣгать сѣтей, предъ ними разставляемыхъ? Могли ли пользоваться удобностьми случаевъ, не быть внезапу тревоженными и не воздыхать объ отечествѣ?

Не храбрости имъ не доставало, а иногда добрыя только воли. Провинилися, но по единой слабости духа, по единому небреженію, за которыя не льзя мнѣ было не наказать ихъ (Мм).

Въ продолженіе сей войны можетъ быть и я ошибся во многомъ. Позволяю укорять себя въ томъ, но негласно. Станется, не довольно я остерегался въ выборѣ военачальниковъ; слишкомъ спѣшилъ доставлять войску нѣкоторыя повелѣнія, или предписывать что либо особенно. Станется, что не со всѣми надлежащими подробностьми освѣдомлялся о чемъ либо, и по любви къ покойной жизни возлагалъ произведеніе дѣлъ на другихъ, которыя бы мнѣ самому производить было надобно; или оставилъ безъ совершеннаго вниманія даванные мнѣ полезные совѣты. Славою побѣды, одержанной послѣдними моими полководцами, облекаюсь я... то и справедливо къ себѣ же собственно относить погрѣшенія первыхъ моихъ полководцовъ. Да не воспомянутся въ грядущія времена первые наши уроны; да оказаніе храбрости и вообще образъ, коимъ произходилась война, загладятъ оное на вѣчность.

Ставъ властителемъ всѣхъ Элеутскихъ предѣловъ, долженствую быть таковымъ же и для тѣхъ, кои отъ оныхъ зависятъ. Ихъ данники, ихъ рабы, учинилися днесь моими данниками, моими рабами. Спра-

(Мм) *Въ таковыхъ-то бѣдственныхъ обстоятельствахъ находились Элеуты, когда дватцать тысячь семей, о коихъ пишетъ Г. Шапъ, удалились въ Россію; однако же возвращены паки съ воли Императора.*

Страна Гоа-Менская, извѣстная же подъ общимъ именемъ Гоэи-Пу (Нн), сопринадлежитъ ко областямъ Тшонг-Кара.

Калдан-Тчеренгъ нѣкогда завоевалъ ее: отяготилъ игомъ рабства всѣхъ тамошнихъ Магометанъ; далъ имъ законы, обложилъ податьми, подчинилъ непосредственному начальству дватцати одному своимъ Нган-Кіамъ, коимъ роздалъ земли во владѣніе. Гоэи-Пускій, Князь Готшомъ, взятъ и сосланъ въ ссылку въ старинное владѣніе Калданъ-Тчеренга (Оо), откуда запрещено ему подъ смертною казнію отлучаться. Вельможи его раздѣлены яко рабы вельможами же Элеутскими. Словомъ: пересталъ бытствовать цѣлый народъ.

Покорены мнѣ берега рѣки Или. Бѣдные сіи люди ободрились, получили надежду возстановленія своего. Послѣдовало бы сіе самою вещію, естьли бы не нарушили даннаго мнѣ обѣщанія, естьли бы сердца ихъ могли вмѣщать въ себѣ благодарность.

(Нн) *Такъ вѣщаетъ Императоръ, оправдаяся предъ Монжусцами въ строгости своей противу ихъ въ продолженіе войны сей; во утѣшеніе семействъ, казненныхъ смертію, стараяся казаться паче правосуднымъ, нежели милосердымъ.*

(Оо) *Гоэи-Пу, что значитъ Орда Магометанская, такъ зовутъ Китайцы всѣхъ Татаръ за Гоа-Меномъ, или, говоря языкомъ Европейскихъ географовъ, малая Бухарія. Тчеренгъ завоевалъ страну сію, да и осталася до днесь за преемниками по немъ.*

Изъ первыхъ моихъ къ нимъ благодѣяній было освобожденіе Князя Готшома съ нещастнымъ его семействомъ; подобно же доставилъ вольность знатнѣйшимъ его подданнымъ, которые страдали въ презрѣнномъ уничиженіи Тсонг-Каровъ. Возвратилъ ихъ Готшому. Велѣлъ отыскать Гуэпузкихъ женщинъ всякаго возраста, и также къ нему отправилъ.

„Покидай мѣста сіи, сказалъ Готшому полководецъ мой, снимая съ него оковы; ты свободенъ: „можешь возвратиться на мѣсто твоего рожденія. „Царствуй тамъ по прежнему, собирай твоихъ „Магометанъ, да живутъ въ прежнихъ своихъ домахъ; „живи и ты въ покоѣ подъ покровомъ великаго „Императора Китая. Отнынѣ ты ему только „подвластенъ, не въ званіи раба, какъ былъ ты и „люди твои у Тшонг-Каровъ, но подданнымъ вѣрнымъ, почти неотличаемымъ отъ природныхъ его „подданныхъ. (Пп) Донесено уже мною о тебѣ ему, „ожидай отъ него величайшихъ благодѣяній.„

Исполнилъ я въ точности говоренное полководцемъ моимъ Готшому. Магометане его возъимѣли причину разумѣть себя, какъ бы искони мнѣ принадлежавшими, а Готшомъ какъ бы отраслію крови предковъ моихъ.

Толикія милости послужили только ко умноженію числа неблагодарныхъ. Столь снисходительная

и

(Пп) *Калданъ-Тчеренгъ, воюя на Бухарію, взялъ военоплѣннымъ Князя Готшома, сослалъ въ Абакасетъ, и тамъ держалъ его подъ стражею.*

и приносящая честь поступка моя, не отродила въ сердцахъ ничего инаго, кромѣ гордыни.

Готшомъ едва обратилъ взоры къ странѣ, издревле ему принадлежавшей, наполнился высокомѣріемъ, забылъ руку дарующаго оную вмѣстѣ съ вольностію. Съ неблагодарствіемъ совокупно заразилася душа его недовѣрчивостію; мечтается ему, что каждый проникаетъ мысль его, все слышимое имъ толкуетъ въ худо, знаки искренняго дружества пріемлетъ предвѣстниками пагубы своей. Но скрывается еще на нѣсколько предъ моими; медлитъ подъ разными предлогами исполнять мои велѣнія; а наконецъ становится явнымъ мятежникомъ. Тщетно стараются доказать ему заблужденіе его: ничего не внемлетъ.

Нгао-Минг-Тао посланъ отъ полководца съ сотнею ратниковъ изъвѣдать въ послѣдній разъ удачи; Нгао-Минг-Тао со всѣми ими безчеловѣчно изрубленъ Магометанами.

Завоевавъ окрестности Илискія, наказавъ Элеутовъ, вложилъ уже я мечь въ ножны. Принужденъ сталъ паки его обнажить, паки имъ дѣйствовать противу воли.

Нгао-Минг-Тао и съ нимъ бывшіе, исполняя велѣніе полководца своего, исполняли мое велѣніе; исполняли наисущественнѣйшую воинскую должность, то есть безмолвное повиновеніе военачальнику. За то померли. Не обязанъ ли я отмстить за ихъ смерть? Самодержецъ есть отецъ подданныхъ; отецъ можетъ ли безъ сокрушенія взирать на дѣтей своихъ, звѣрски

ски терзаемыхъ? Самодержецъ можетъ ли сносить, когда ненаказанно умерщвляютъ подданныхъ его за то единое, что исполняютъ его велѣнiе? Такiй Государь, естьли когда либо существовалъ, или существуетъ, не достоинъ царствовать; не достоинъ, чтобъ ему подданные повиновались. Природа не производитъ человѣка, коему бы любезенъ былъ таковый Государь: какъ же удобно, благоугождая ему, отваживать жизнь свою?

Тао-Гоэи, Фу-Те и другiе, еще предвождали войски по окрестностямъ рѣки Или. Мужество ихъ, увѣнчанное толикими побѣдами, ожидало только единаго слова изъ устъ моихъ приступать къ новымъ подвигамъ. Льзя ли мнѣ было въ подобномъ случаѣ оставить ихъ безъ дѣла? „Идите, писалъ я къ нимъ, „идите на вѣроломныхъ Магометанъ, толико употребляющихъ во зло мои къ нимъ милости; мстите за сотрудниковъ вашихъ, жалостныхъ жертвъ „ихъ звѣрства.„ . . Шествуютъ, и скоро покоряютъ мнѣ страну Гоэи-Пускую (Pp).

Вы-

(Pp) *Готшомъ, узнавъ въ темнотѣ своей, что Императоровы войска идутъ противу Элеутовъ, послалъ письмо къ полководцамъ оныхъ, подвергая себя покровительству ихъ Государя, коему на услуги хощетъ онъ положить жизнь. Панти, верьховный надъ прочими полководцами, именемъ Императорскимъ возвратилъ ему вольность и все то, чѣмъ онъ владѣлъ. Далъ ему слово, что будетъ защищаемъ, кто бы и когда бы на него ни ополчался. По претерпѣнномъ уронѣ Китайскимъ войскомъ, какъ сказано выше, Готшомъ съ подданными своими взбунтовался. Увидѣли ихъ*

Выключая немногихъ, укрывшихся на мѣстахъ естественно неприступныхъ, всѣ прочіе Магометане

ихъ явными непріятелями Императора. Умертвили Нгао-Линг-Таоа и сто человѣкъ, съ нимъ бывшихъ, за высокомѣрное его съ ними обхожденіе. Вѣдали, что рабство ихъ подъ игомъ Китайцевъ, хотя прикрываемое нѣкіими почестьми, было такое же рабство, подъ коимъ страдали у Элеутовъ. Рѣшилися стать свободными, или по меньшей мѣрѣ спасти страну свою отъ жребія страны же Илисской; а сіе-то точно и поспѣшило ихъ гибелію. Надъ Элеутами превосходствовали они огнестрѣльнымъ оружіемъ; имѣли города обнесенные стѣнами, имѣли нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ, и могли способствоваться помощію Магометанъ, своихъ сосѣдей. Таковыя опоры возгордили сердца ихъ; помечталось имъ, что въ состояніи противиться Китаю. Засѣли въ землѣ своей, отреклись отъ повиновенія, и пріуготовили себя на всякій случай.

Два были Магометанскіе Князи подъ именемъ Готшама; одинъ предписалъ законы Еркиму, или Еркену, а другой Гас-Гару, или Кас-Гару. Первой слылъ большимъ, а послѣдній меньшимъ Готшомомъ: оба они совокупили войска свои и вышли въ поле; но дорого заплатили за дерзость свою. Правда, сначала удавалось имъ разбивать мѣлкіе участки Китайскихъ войскъ; скоро послѣ того Тшао-Гоэи и Фу-Те самолично на нихъ устремились. Тотъ взялъ у нихъ приступомъ городъ Еркимъ, а сей городъ же Кас-Гаръ со всѣми оныхъ окреспостями. Фу-Те чрезъ нѣ-

не повинуются и одинъ предъ другимъ поспѣшаютъ подъ мои знамена. Воины мои готовилися уже взлазить на прекрутыя горы, брать приступомъ непроходимыя сіи убѣжища; но я обуздалъ ихъ храбрость, запретилъ подвергать жизнь для предмета настоящаго оной.

Коса земледѣльца, посѣкая траву, покидаетъ за собою нѣсколько былинокъ: тщетно тратить ему время на исторганіе ихъ. Стекловидная поверьхность обширныхъ водъ не безъ древесныхъ обломковъ, нѣгдѣ носящихся по ней: кому когда либо приходила глупая мысль очистить оную отъ нихъ? Магометане, неподдавшіеся мнѣ, суть сіи былинки, сіи обломки древесъ: недостойны вниманія моего

Подвергнувъ подъ мои законы столь великія страны, отнюдь я не мыслилъ распространять государство, но повиновался токмо гласу Небесъ, благо-

изво-

нѣсколько времени положилъ войска ихъ почти всѣ на мѣстѣ близъ Альтшура; малое число избѣжавшихъ отъ руки его, въ крайней разстройкѣ ушли къ Султану Бадаг-Хану; большій Готшомъ умеръ со оружіемъ въ рукахъ, а меньшій выданъ Фу-Тею Бадаг-Ханомъ. Отрублена его голова и послана въ ящикѣ къ Императору, который приказалъ ее вывѣсить надъ вратами Дворца своего, зовомыми У-Менъ, насупротивъ Тан-Га-Тіэна; потомъ была снята и выставлена на показъ на мѣстѣ казни Тсан-Ше-Кеуэ.

Тотчасъ скажу о подвигахъ Тшао-Гоэіа и Фу-Тея въ малой Бухаріи, коею они овладѣли.

изволившихъ наказать виновныхъ. Послѣдовалъ намѣреніямъ предковъ моихъ; намѣреніямъ, прешедшимъ отъ рода въ родъ чрезъ цѣлыя три поколѣнія владычествовавшихъ предо мною; намѣренія, которыя были ими пріемлемы въ подобныхъ же стеченіяхъ случаевъ.

Какія же бы другія убѣжденія могли меня преклонить къ предначинанію, которое производя въ дѣйствіе, необходимо отваживалъ я мою славу, жертвовалъ отборными изъ Маншшусцевъ и Солоновъ, осудилъ самъ себя на безпокойства и заботы, подвергнулъ пререканіямъ и неумолкному ропоту почти всѣхъ?... И чего не претерпѣлъ я!

Ратники мои сражалися болѣе, нежели въ десяти тысячахъ лiевъ (*) отъ меня, но по точнымъ моимъ предписаніямъ; я начальствовалъ ими, я, такъ сказать, былъ посреди ихъ въ одномъ и томъ же станѣ, какъ бы подъ однимъ и тѣмъ же шатромъ съ моими полководцами.

Письма послѣднихъ доходили всегда ко мнѣ въ надлежащее время; съ подобною же точностію получали они наставленія мои. Коликократно провождалъ я едва не цѣлыя ночи, читая ихъ донесенія! Въ часы, установленные природою для покоя человѣкамъ, я Императоръ сидѣлъ надъ ихъ бумагами, входилъ во всѣ подробности и на каждую дѣлалъ нужныя примѣчанія, размышлялъ о мѣрахъ впредь, соображалъ расположенія оныхъ, означалъ, какому дѣйствію и за какимъ послѣдовать. Слѣды всего онаго во вся-

(*) Ли, такъ зовется Китайская мѣра дорогъ

комъ смыслѣ суть послѣдней важности! Не славлюся тѣмъ. Исполнялъ я должность мою и небеса благословили меня возмездіемъ, достойнымъ щедротъ своихъ. Громкіе успѣхи, увѣнчавая мои предпріятія, провозвѣщаютъ ихъ основанными на правосудіи; доказываютъ, что пріятны небесамъ; доказываютъ, что благоугодны имъ повинующіеся мнѣ съ вѣрностію.

Невѣжество, слѣпое предубѣжденіе, упрямое своемысліе, присвояли мнѣ множество ошибокъ, какихъ я не дѣлалъ; истинными же ошибками, погрѣшеніями моими, укорялъ я себя; извѣстны мнѣ; предостерегусь конечно отъ нынѣ.

Да престанутъ же находить во мнѣ намѣренія, коихъ никогда не имѣлъ; приписывать виды, совсѣмъ для меня чуждые; произносить рѣчи дерзскія и несмысленныя, обвиняя оными меня въ дѣлѣ, отъ нихъ закрытомъ.

Уэн-Тсеэ, сей знаменитый мужъ, толико прославившійся между учеными, не служилъ ли чрезъ нѣкоторое время цѣлію стрѣлъ хулы и насмѣшекъ? Нѣсколько ученыхъ начали сіе: скоро подражали имъ и всѣ. Уэн-Тсеэ учинился предметомъ общихъ разговоровъ. Мудрые и глупые, великіе и малые, цѣлый свѣтъ заговорилъ объ немъ, всѣ и каждый судилъ его по своему. Уэн-Тсеэ вѣдалъ то, но не удостоивалъ никого отвѣтомъ; не удостоивалъ никого гнѣвомъ своимъ. Примыслилъ способъ, которымъ наложилъ молчаніе противникамъ, и превратилъ ихъ въ защитниковъ и хвалителей; заперся съ бумагами своими; написалъ со всею, ему одному свойственною способностію, сочиненіе въ стихахъ; издалъ подъ

та-

таковымъ токмо простымъ названіемъ: . . . . Да научатся цѣнить меня.

Послѣдуя Уэн-Тсеэю, издаю стихи сіи, повѣствующіе вкратцѣ о минувшей войнѣ; да читаютъ всѣ; да узнаютъ истинныя убѣжденія, кои заставили меня оную предпріять; да узнаютъ существенное и важнѣйшее въ ней, чрезъ все время ея продолженіе, и явятся въ силахъ судить здраво (Cc).

Т 2

(Cc) *Императоръ кратко упоминаетъ о завоеваніи малой Бухаріи, но было бы чѣмъ ему славиться. Полководцы его оказали тамъ отмѣнную храбрость, паче нежели на иныхъ мѣстахъ, сражаяся съ Элеутами. Дополню упущенное имъ. Помѣстимъ здѣсь провозвѣщеніе его о взятіи Кастара, Еркима и иныхъ городовъ, и о послѣдней побѣдѣ, одержанной надъ Готшомомъ.*

Давно уже роптали въ Пекинѣ и во всемъ Китаѣ, что послано войско воевать на Элеутовъ; но ропотъ еще умножился послѣ истребленія народовъ сихъ, когда восхотѣлъ Императоръ покорить власти своей жителей малой Бухаріи.

Тшао-Гоэи подалъ ему мысль сію, доказывая болѣе въ томъ удобности, нежели имѣлъ онъ побѣдить Элеутовъ. Магометане имѣли множество укрѣпленныхъ мѣстъ, и умѣли дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ. Надлежало Тшао-Гоэіу и Фу-Тею много разъ вступать съ ними въ дѣло для полученія успѣховъ; но послужило щастіе. Войска Императорскія низложили обоихъ Готшомовъ: засѣли они въ Еркимѣ съ достальнымъ воинствомъ своимъ. Тшао-Гоэи и Фу-Те намѣ-

мѣревалися ихъ осадить. Готшомы, не находя себя безопасными, предалися бѣгству, взявъ съ собою, кто хотѣлъ не отстать отъ нихъ. Осаждать городъ рѣшился Тшао-Гоэи, а Фу-Тен послалъ за бѣглецами.

Прибывъ подъ Еркимъ, велѣлъ сказать жителямъ, чтобъ они сдалися, что и послѣдовало. Отворили врата, подвергали себя и съ городомъ во власть Императору.

Тшао-Гоэи отвѣчалъ: . . . что войдетъ въ городъ ихъ, но только для того, чтобъ явить всѣмъ и каждому милости Государя своего и благодѣянія, чтобъ не перемѣнять, а подтвердить ихъ обычаи; сверьхъ того никого не принудитъ носить иныя шапки [челмы], яко внѣшній знакъ, означающій Магометанъ.

Тшао-Гоэи имѣлъ торжественный входъ въ Еркимъ. Воинству подъ жестокими наказаніями запрещено было всякое насильство, за все должно было платить щедрою рукою, за все обѣщавалося возмездіе въ свое время. Народъ встрѣчалъ и послѣдовалъ за Тшао-Гоэіемъ съ радостными рукоплесканіями.

Изъ Еркима перенесся съ войскомъ подъ Касгаръ, и взялъ оный подобно же. Мало примѣровъ въ исторіи умѣренности полководца побѣдителя; донесеніе его Императору состояло въ слѣдующихъ выраженіяхъ: . . . . Оба Готшомы услышавъ, что войски твои, Государь! шли прямо на нихъ, не теряли времени на укрѣпленіе Еркима и Касгара; понимали, что не въ силахъ были противиться оружію твоему; оставили города сіи, и подобно крысамъ побѣжали изъ пещеры въ пещеру, забравъ съ собою семейства свои, разстроенной остатокъ воинства и вольницу.

Жите-

Жители обоихъ городовъ съ крайнею радостію подверглися твоимъ законамъ, дабы и имъ быть участниками милостей великаго сердца твоего, пекущагося о всѣхъ земнородныхъ вообще. Встрѣтили меня обремененные всемъ могшимъ служить къ прохлажденію воинства твоего. Принялъ я то отъ нихъ, но ни одинъ не отшелъ отъ меня съ пустыми руками. Сему далъ я небольшій слитокъ серебра, иному нѣсколько денегъ, не въ платежъ за принесенное, а въ награду отъ имени твоего, Государь! Всеобщее удовольствіе видѣлъ я на лицахъ.

Въ городъ вошелъ я однѣми, вышелъ же другими вратами. Жители свидѣтельствовали мнѣ почести, сколько и чѣмъ могли. Раздавалися гласы:... Да здравствуетъ, да здравствуетъ вѣчно великій Императоръ Китая! Улицы установлены были по обѣимъ сторонамъ стоящими на колѣняхъ, доколѣ не выпустили меня изъ глазъ. Говорилъ я всѣмъ кроткія рѣчи, привѣтствовалъ со щастіемъ настаюшаго ихъ благоденствія, естьли непреткновенно будутъ тебѣ вѣрными. Далъ имъ знать, что пріобщившіеся изъ нихъ къ мятежникамъ сошлются на берега рѣки Или земледѣльствовать, и что въ томъ только состоитъ наказаніе за вину ихъ, достойную смерти.

Слова мои часто прерывалися восклицаніемъ народа..... Да здравствуетъ, да здравствуетъ навсегда великій Императоръ Китая! Отъ нынѣ онъ только и преемники его да подаютъ намъ законы!

Возстановилъ я общее спокойствіе гражданъ, и каждый началъ вести жизнь по прежнему.

Издалъ я провозвѣщеніе на письмѣ, обѣщая именемъ твоимъ,

Государь! большія награды тѣмъ, которые погонятся за мятежниками, наловятъ ихъ и ко мнѣ представятъ. Бумаги сіи велѣлъ прибить на стѣнахъ перекрестковъ, разославъ таковыя же и по окрестнымъ деревнямъ.

Доколѣ искуснѣйшіе предо мною извѣстятъ тебя подробнѣе о состояніи Магометанской сей страны, доношу тебѣ.

Сверьхъ городовъ Касгара и Еркима овладѣли мы еще седмьюнадесятьми городами и шестнатцатью тысячами деревень. Валовый щетъ жителей можетъ простираться въ одной Касгарской округѣ до шестидесяти тысячь семействъ, выключаю я изъ того ушедшихъ за мятежниками и переведенныхъ мною въ ссылку на Илискіе берега, дватцать тысячь человѣкъ.

Всею моею возможностію разсматривая надлежащее до Касгара, нахожу, что отстоитъ оный къ западу нѣсколько южнѣе отъ Пекина. Между городомъ симъ и Кіанн-Куаомъ (самая западная Китайская провинція) около шести тысячь лѣевъ. Касгаръ въ окруженіи имѣетъ болѣе десяти лѣевъ.

Обитаютъ въ немъ двѣ тысячи пять сотъ семействъ.

Къ востоку отъ Касгара города же Ухеи и Аксу; между ими и Касгара еще три города и двѣ большія деревни: первые зовутся Пуасампа-Готшиль, Пои-Инке, Эвторше; послѣднія же Печергень и Арвуатъ. Жителей во всѣхъ оныхъ до шести тысячь семей.

Къ западу отъ Касгара живутъ Пуруты, Этши и Энскіе; между ими три города и двѣ немалыя слободы. Первые суть Парта-Эртухе, Опиль, Таямеликъ; деревни же Баирамъ и Токусакъ. Жителей имѣютъ

ютъ не болѣе трехъ тысячь семей.

Еркимъ отъ Кастара къ югу. Надобно миновать прежде еще два города Инкатскар-Ханъ и Кавалькаръ. Жителей въ нихъ около четырехъ тысячь четырехъ сотъ семей.

Отъ Касгара къ сѣверу Пурутской и другіе нѣкоторые сѣверные народы. Путешествуя къ Пурутамъ, минуютъ городъ Аркуи и деревню Горганъ. Въ обѣихъ сихъ селеніяхъ около осьми сотъ семей.

Словомъ, Магометанъ, зависящихъ отъ Касгара, шестнатцать тысячь семействъ; а въ нихъ, по тамошнимъ же запискамъ, до ста тысячь душъ.

Правительство есть таковое: судей и подъ ними помѣстныхъ чиновниковъ пятнатцать человѣкъ.

1. Одинъ Акимъ, верьховный правитель гражданскихъ дѣлъ.

2. Одинъ Гишеканъ, первый по Акимѣ, помощникъ въ должности его.

3. Одинъ Гатсеэ, судья уголовной.

4. Марабъ, судья для простаго народа; онъ взимаетъ поборы и надсматриваетъ надъ угодьями и водами.

5. Некебъ, въ вѣдомствѣ его всякіе работные люди.

6. Паташабъ, должность его искоренять воровъ и разбойниковъ, ловить и иныхъ всякихъ злодѣевъ.

7. Моташебъ вѣдаетъ школы, въ коихъ учатъ закону Божіему по книгамъ, до онаго надлежащимъ.

8. Муту-Копи, начальствуетъ надъ торговлею и общественнымъ благочиніемъ.

9. Тукоанъ, въ вѣдомствѣ его всякія разсылки по дорогамъ; онъ снабдѣваетъ лошадьми, запасами и всемъ нужнымъ

нымъ путешественниковъ.

10. *Путшикеръ*, таможенный Голова для внутреннихъ товаровъ.

11. *Керент-Тшарабъ*, таможенный же Голова для товаровъ чужестранныхъ.

12. *Арабабъ*, емлетъ подати съ деревень городской округи.

13. *Шегунъ*, непосредственно подвластный чиновникъ Ту-Коана, исполнитель приказовъ его.

14. *Покмантаръ*, надзираетъ надъ садами и огородами.

15. *Минбегъ*, воинскій чиновникъ, имѣетъ всегда подъ собою порядочнаго войска тысячу человѣкъ.

На всѣ сіи мѣста избралъ и опредѣлилъ я людей надежныхъ, кромѣ Акима. Верьховное сіе званіе да займетъ избранный собственно тобою, Государь! понеже одно только проницаніе безпредѣльнаго ума твоего можетъ въ томъ не ошибиться. Въ ожиданіи же поручилъ должность сію на время человѣку, которой всѣхъ достойнѣе мнѣ показался.

Утверждая въ вѣрности тебѣ, Государь! за потребное разсудилъ именемъ твоимъ наградить: многихъ первой знатности людей возвелъ на степени Мандариновъ; кого же именно, подношу у сего списокъ, означая каждаго породу, дарованія и достоинства.

Учинивъ надлежащія разпоряженія, чтобъ все было въ порядкѣ, приступилъ я ко изслѣдованію о доходахъ города, каковые получать тебѣ Государю ежегодно.

Во время, какъ владѣлъ Касгаромъ Калдан-Посокту, бралъ онъ двадесять шесть тысячь монетъ, извѣстныхъ подъ названіемъ теуке. Тоже получалъ Тсе-Уанг-Рептанъ, его преемникъ. Калдану-Тчеренгу приходило съ Касгара шестьдесять семь тысячь теукеевъ, и сверьхъ того

то подати же съ земель, городу принадлежащихъ, сорокъ тысячь восемь сотъ патмъ хлѣба, тысяча четыре ста шестьдесятъ три тшарака хлопчатой бумаги, три ста шестьдесятъ пять тшараковъ шафрану.

Произношу предъ тобою, Государь! многія неизвѣстныя тебѣ слова; вотъ имъ объясненія:

Патма есть мѣра противу сорока пяти нашихъ теуэвъ. Тшаракъ есть вѣсъ противу десяти Китайскихъ фунтовъ. Теуке, монета, стоитъ около одного нашего таэльса серебра. Калабуръ, также родъ мѣры, состоитъ въ пяти теуяхъ.

Въ годы неурожайные платятъ Касгарскіе жители деньгами: за одну патму хлѣба даютъ по четыре теуки; сорокъ восемь теуковъ за тшаракъ хлопчатой бумаги; тритцать двѣ теуки за одинъ тшаракъ шафрана.

Еще вземлется дань съ Козаковъ и Тшокобашевъ по двотцати шести тысячь теуковъ на годъ.

Съ торговыхъ людей, продавателей скота и иныхъ, двотцать тысячь теуковъ ежегодно. Кромѣ того должны они давать четыре ковра, четыре куска бархату, двотцать шесть кусковъ трипу и иныхъ тканей; двотцать шесть войлоковъ, изъ которыхъ Татарскіе Ламы и простой Россійской народъ дѣлаютъ шляпы.

Элеуты, поселившіеся въ Касгарѣ, сверьхъ обычайныхъ податей взносятъ ежегодно по одной унціи золота со всякаго семейства.

Имѣющіе виноградные сады, по семи человѣкъ, даютъ тысячу фунтовъ сухаго винограду такого рода, который цвѣтомъ между желтаго и синяго.

Общество торговыхъ людей платитъ особо,

 сверьхъ

сверхъ обычайныхъ иныхъ податей, по пяти сотъ фунтовъ красной мѣди на каждый годъ.

Производящіе торги съ Россіянами и Уэнтустанами даютъ ежегодно же въ казну десятую часть барышей.

Иностранные купцы, торгующіе въ Касгарѣ, взносятъ двадцатую только часть прибыли своей.

Таковы суть обычаи, мною обрѣтенные въ Касгарѣ, и которые подтвердилъ я именемъ твоимъ, Государь.

Платежъ въ казну всѣхъ разозначенныхъ мною податей рѣдко остается безъ недоимокъ; при владѣніи Готшомовъ со всѣхъ жителей собиралося не болѣе двадцати тысячь теуковъ, двухъ тысячь пяти сотъ шестидесяти четырехъ патмовъ и десяти калабуровъ хлѣба.

Нынѣ уменьшилось число жителей, и весьма много неимущихъ противу временъ владѣнія Калданъ-Тчеренга и Тсе-Уанг-Рептана; слѣдовательно не можно получать съ нихъ столько же подати. Прошу тебя, Государь! сжалься надъ бѣднымъ симъ народомъ. Бѣдственныя обстоятельства временъ достойны уваженія отъ тебя. Просили меня освободить ихъ отъ взносухъ тебѣ тканей, обѣщаваяся платить тебѣ, Государь! повсягодно по четыре тысячи патмовъ хлѣба, по четыре ста шестидесяти по три тшарака хлопчатой бумаги, по три ста шестидесяти пяти тшараковъ шафрану, и шесть тысячь теуковъ деньгами; сверхъ того будутъ присылать къ тебѣ въ Пекинъ по тысячѣ фунтовъ сухаго винограда. Дерзаю совѣтовать тебѣ, Государь! облегчить неимущество ихъ такимъ образомъ на два только года впередь; послѣ же учинишь, что тебѣ угодно. Я осмѣлился

лился подать имъ въ томъ надежду; остается узнать соизволеніе твое.

Въ прибытіи войскъ твоихъ предъ Касгаръ не наступило еще время жатвы. Накрѣпко я запретилъ ратникамъ, и подъ жестокими наказаніями, вредить посѣянное и препятствовать хозяевамъ въ уборкѣ хлѣба. Земли, принадлежащія Готшому и прочимъ мятежникамъ, описалъ на тебя, равно какъ отобралъ же хлѣбъ, плоды и все иное. Еще справлялся, сколько хлѣба же есть въ наличности по сосѣдственнымъ деревнямъ и городамъ округи сей; нашлося слѣдующее:

Въ разныхъ житницахъ и кладовыхъ Готшомовыхъ и его сообщниковъ отыскалося триста шестнатцать патмовъ хлѣба; еще четыре калабура и семдесятъ одна патма пшеницы; еще четыре калабура и семь патмовъ ячменя; еще два калабура и болѣе трехъ тшараковъ хлѣба, называемаго Ку-Тсеэ, два калабура; еще пять тшараковъ бобовъ. Все же оное вмѣстѣ простирается до семинадесяти тысячь девяти сотъ девяноста пяти мѣръ.

Не удивляйся, Государь! что такъ мало нашли мы хлѣба. Готшомъ и прочіе мятежники убирали оной преждевременно, достальное же повреждено вѣтрами и ненастьемъ; однако достаетъ мнѣ продовольствовать войски твои.

Кряжъ земли не изъ лучшихъ. Въ добрые годы родится хлѣбъ самъ седмъ, а иногда и самъ осьмъ; въ годы средніе вчетверо, или пятеро; а въ худые втрое и вдвое только.

Разнымъ Бекамъ роздалъ я земли Готшома и иныхъ мятежниковъ именемъ твоимъ, Государь, изпола. Готшомъ имѣлъ по близости къ городу семь садовъ: снималъ

малЪ съ нихЪ повсягодно около тысячи фунтовЪ винограда безЪ зеренЪ, отмѣнно вкуснаго. Сушатъ уже у меня его, и какЪ скоро наступитЪ весна, отправлю кЪ тебѣ. Надобно сушить его вЪ тѣни: требуетЪ много времени и присмотра.

Еще было у него же пятнатцать виноградныхЪ огородовЪ подалѣе; но посланные мои нашли плоды уже расхищенными. Жены и дѣти бѣглецами оставлены вЪ домѣхЪ. Прошу тебя, Государь! повелѣть мнѣ попечся обЪ ихЪ пропитаніи. Еще есть тринатцать виноградныхЪ садовЪ, съ коихЪ не льзя быть большему доходу. Пожалуй ими, Государь! чиновниковЪ твоихЪ, подо мною отличившихся храбростію предЪ другими.

Весьма нужное кЪ установленію побѣжденныхЪ тобою городовЪ, имянно же ходячія деньги. Надобно, по меньшей мѣрѣ, нѣкоторыя монеты, чтобЪ были подЪ твоимЪ чеканомЪ. Не нужно для того отмѣнить коловращеніе старинныхЪ тамошнихЪ денегЪ. ВЪ употребленіи онѣ не только внутрь земли, но и у чужестранныхЪ: необходимы для торговли. Большая часть ходячихЪ денегЪ вЪ Касгарѣ, ЕркимѣЪ, Готіэнѣ и иныхЪ сосѣдственныхЪ городахЪ, суть мѣдныя, вѣсомЪ вЪ двѣ десятыя части нашихЪ КитайскихЪ унцій. При Тсе-Уанг-Рептанѣ чеканили на нихЪ съ одной стороны имя его, съ другой же нѣсколько МагометанскихЪ словЪ. При Калдан-Тчеренгѣ тоже. ПятьдесятЪ такихЪ монетЪ составляютЪ одну теуху. Теука, какЪ уже я сказалЪ, почти равна нашему таэльсу.

Мѣдь вЪ здѣшнемЪ краю рѣдка. Кажется мнѣ довольно будетЪ понадѣлать десять тысячь теуковЪ, сирѣчь пять сотЪ тысячь монетЪ самой

мой низкой цѣны. И такъ новая теука будетъ стоить противу двухъ прежнихъ. По мѣрѣ, какъ старыя переводиться станутъ, будемъ и мы чеканить вновь до ста тысячь теуковъ; а сего уже и полно для обычайнаго и ежедневнаго употребленія, въ ожиданіи новыхъ разпорядковъ.

Не безполезно, мню, въ городахъ Магометанскихъ, пришедшихъ подъ власть твою, чтобъ ходили же общія деньги со всѣми иными мѣстами государства твоего и подъ однимъ чеканомъ. Переплавя всѣ старыя наличныя деньги, конечно мало ихъ будетъ для внутренней торговли побѣжденныхъ тобою городовъ. Есть безубыточной, Государь! для тебя способъ.

Въ Кастарѣ найдены старыя негодныя пушки. Естьли ихъ передѣлать въ деньги, получимъ близь пяти сотъ тысячь мѣлкою монетою. Каждая такая пушка вѣсомъ больше седьми тысячь фунтовъ. Отъ того во всемъ возъимѣемъ порядокъ и не прервется торговля. Магометане не примѣтятъ премѣны правительства инако, какъ по приращенію выгодъ жизни подъ твоими законами.

Естьли угодно тебѣ, чтобъ нѣсколько различалися сіи деньги отъ нашихъ, думаю не худо бы было изобразить на нихъ четыре сіи Китайскія буквы: Кіэн-Лонг-Тунг-Пао [мѣдная монета, въ царствованіе Кіэн-Лонга]; а на сторонѣ имя города Еркима и Кастара на двухъ языкахъ: Мантшускомъ и Магометанскомъ. Повелишь ли прислать къ себѣ образцы?

Во удержаніе навсегда завоеванныхъ тобою городовъ въ должности, нужно, думаю, имѣть тебѣ, Государь! охранное въ нихъ войско. Доволь-

но для того трехъ сотъ человѣкъ Мантшусцевъ, находящихся нынѣ въ Си-Нган-Фуѣ, и пяти сотъ, что нынѣ же во Алиханѣ, присовокупивъ къ нимъ девять сотъ человѣкъ природныхъ Китайцевъ, коимъ уже приказалъ я сюда быть. Начальствовать бы ими стали Юнг-Кингъ и Кунт-Шу на мѣстахъ недальной важности, не подалеку отъ Пурутовъ, какъ-то Опилѣ, Таемеликѣ, Тшикѣ, Эвторхеѣ и Поисупатѣ; не надобно болѣе для каждаго мѣста ста человѣкъ Китайцевъ. Будутъ они подъ властію Эн-Сіанг-Уэя; а онъ уже выберетъ среднихъ подъ собою чиновниковъ. Съѣстные запасы должны будутъ ставить Магометане, получая платежъ ходячими деньгами по настоящей цѣнѣ. Надобно, чтобъ правительство Магометанское наименовало одного изъ своихъ людей способнаго человѣка, и зависѣлъ бы онъ отъ двухъ нашихъ чиновниковъ.

Поступлю ли я, Государь! для пользы твоего служенія на какія либо новыя учрежденія, немедленно донесу тебѣ и буду ожидать, что ты мнѣ повелишь.

Двадесять пятаго числа настоящаго мѣсяца отправлюся я изъ Карзама въ Еркимъ для учиненія таковыхъ же разпорядковъ. Между тѣмъ лошадей, служившихъ сіе лѣто въ войскѣ, поведутъ въ Ингатсаръ для отдохновенія, и тамъ ихъ откормятъ. Войску твоему розданы уже свѣжіе запасы. Могу увѣрить тебя, Государь! что не имѣютъ недостатка ни въ чемъ, да и заслуживаютъ по справедливости благоволеніе твое къ себѣ и милость.

Въ Еркимѣ окончавъ мои дѣла, пойду искать мятежниковъ, за коими отрядилъ уже я Фу-Тея. Оканчивая сіе донесеніе мое, прошу тебя, Государь!

дарь! не взыскивать ничего на сей годъ съ Готіэна, Аксуа, Саклима, Кутшеа и другихъ мѣлкихъ городовъ сей округи, почти до основанія раззоренныхъ. Ушеи въ лучшемъ состояніи: послалъ я туда Шуэдея учредить во всемъ порядокъ.

Тшао-Гоэи.

22 Числа седьмыя луны, двадесять четвертаго лѣта владычествованія Кіэн-Лонга (1759 года Сентября 13) изъ воинскаго стана предъ Касгаромъ.

Между тѣмъ, какъ Тшао-Гоэи возстановлялъ такимъ образомъ порядокъ въ завоеванныхъ имъ городахъ, Фу-Те преслѣдовалъ Готшомовъ. Настигъ ихъ близь Альтшура, вступилъ въ бой и разбилъ на голову. Помѣстимъ здѣсь же и его донесеніе Императору:

Догнавъ мятежниковъ подъ Альтшуромъ, разбилъ я ихъ. Побѣжали къ Бадак-Хану усильными походами. Не отставалъ и я, на каждый день подвигаяся впередъ на сто десятьліевъ. Десятаго числа седьмыя луны (перваго Сентября тысяча семь сотъ пятьдесятъ перваго года) почти вмѣстѣ съ ними достигли мы Пулокколя. Не отважился я заводить дѣло въ ущеліяхъ горъ безъ надежныхъ проводниковъ. Патут-Ширшана, одного изъ вѣрныхъ моихъ подчиненныхъ, съ нѣсколькими рядовыми отрядилъ обозрѣвать мѣста и захватить проводниковъ для неизвѣстной сей мнѣ стороны. Лошади мои отдыхали: нужны мнѣ были только люди. Назавтрѣе отъ Патут-Ширшана явился ко мнѣ воинъ. Сказывалъ, что видѣлъ непріятеля, но путь къ нему былъ непроходимъ. Привелъ онъ ко

мнѣ одного Пурута, знающаго всѣ тропины, дабы провести меня ими по излучинамъ между горъ. Пурутъ показалъ въ допросѣ своемъ: . . . Непріятели твои перебралися уже за горы, и теперь не далеко отъ Бадак-Хана; но остается еще имъ перейти превысокую гору между двухъ озеръ, Пулунг-Кола и Сил-Кола. Тропины подлѣ оныхъ весьма узкія: одному только человѣку съ нуждою протѣсниться на лошади. За Пулунг-Коломъ надобно вскарабкиваться на утесную кручу. Съ вершины оной видѣнъ Бадак-Ханъ; можетъ быть увидишь же оттуда и войско твоихъ непріятелей. Должно ему быть около сихъ мѣстъ.

Выступилъ я въ походъ, имѣя сего вожатаго предъ собою. Въ половину дни миновали уже мы озеро и достигли подошвы горы. Одинъ изъ моихъ передовыхъ соглядатаевъ прибѣжалъ сказать мнѣ, что все непріятельское войско на вершинѣ сей горы, и что почти совсѣмъ не удобно было учинить на нихъ нападеніе.

Велѣлъ я войску укрѣпиться пищею и отдохнуть. Не восхотѣлъ пропустить даромъ остатокъ дня. Стало уже смеркаться, какъ завидѣли предъ собою мятежниковъ. Выстрѣлили они по насъ; мы на нихъ бросились. Застигла ночь, однако же не преставали мы сражаться. Готшомъ, изъ страха быть пойманъ, опрокинулся къ Бадак-Хану съ тѣми изъ своихъ, которые успѣли побѣжать за нимъ.

Не щиталъ я убитыхъ тѣлъ; но меня увѣрили, что между ими найдено тѣло большаго Готшома. Приказалъ прервать сѣчу, какъ скоро примѣтилъ, что уже мятежники не защищаются. Всѣ ихъ ратники или ушли за начальниками своими, или померли сража-

сражаясь. Оставшихся живыхъ взяли мы въ полонъ, числомъ болѣе двенатцати тысячь человѣкъ. На мѣстѣ побоища нашли мы десять тысячь пушекъ, ружей, саблей, стрѣлъ и инаго оружія; болѣе десяти тысячь барановъ,ословъ и инаго скота, не сопричисляя къ тому лошадей, коихъ было весьма мало; потому что бѣглецы разобрали по двѣ и по три. Остатокъ добычи нашей не стоитъ упоминанія.

Фу-Те послѣ того послалъ къ Султану Бадак-Ханскому требовать выдачи Готшома со знатнѣйшими его людьми. Султанъ не посмѣлъ раздражить его отказомъ.

Хотя Императоръ почти ничего не говоритъ о послѣднемъ семъ дѣйствіи, да и я пишу не много же; но оказаны были опыты храбрости, достойные помѣщенія во исторіи. Чиновники каждой до единаго поступалъ какъ витязь, или лучше, какъ отчаянные люди. За наималѣйшее обробѣніе всякой тотчасъ же наказывался примѣрно; а сіе удерживало всякаго же въ наистрожайшемъ порядкѣ. Фу-Те не взиралъ ни на породу, ни на чины. Рядовый воинъ равно наказывался съ первымъ по немъ. Не лицы, а преступленія уважались. Ярхаханъ и Гаминга, презнатные люди, осуждены были на смерть не за измѣну, а за слабое только небреженіе должности. Императоръ, воспомнивъ заслуги предковъ послѣдняго, позволилъ ему удавиться своими руками.

Кто избѣжалъ отъ заслуженной казни, того казнили дѣтей; у кого же ихъ не было, то родственниковъ. Нѣкто изъ среднихъ воинскихъ чиновниковъ, природою Солонъ, здался непріятелю; родственники его лишены жизни, имѣніе его описано на Государя, жены и дѣти розданы въ рабство,

ство, кому за благо разсудилЪ Фу-Те. Мужеска пола дѣти его всенародно просили прощенія, какЪ преступники, такимЪ образомЪ: надѣли на нихЪ воинскую одежду, продѣли сквозь каждое ухо по стрѣлѣ, и водили по городу при возглашеніи: . . ТакЪ-то поступается сЪ сыновьями подлаго труса! Подобно же водили ихЪ и по всему войску.

(Ю) По слогу сочиненія можно легко узнать, что есть Китайское. ИмператорЪ сказывалЪ, а писалЪ КитаецЪ первой степени учености, пожалованной потомЪ первымЪ МинистромЪ; имя ему ТсіангЪ; вЪ почтеніи онЪ всеобщемЪ.

Окончаю длинныя мои примѣчанія обстоятельствомЪ, которое подастЪ понятіе о правленіи вЪ особенности Китая и природномЪ качествѣ Мантшусцевъ.

Нѣкто изЪ вельможей сего отродія, по имени Шу-Геде, по просту называемый Шу-Та-ІинЪ, мужЪ украшенный добродѣтелями гражданскими и нравственными, сколько можетЪ быть не просвѣщенный ХристіанскимЪ благочестіемЪ. Шу-Геде, повторяю, служилЪ на сей войнѣ безЪ склонности и не бывЪ способенЪ кЪ ратному ремеслу. ПолководецЪ Тшао-Гоэи умѣлЪ воздавать справедливость достоинствамЪ его, и употреблялЪ сЪ пользою, когда настояло дѣло укрощать, или привлекать сердца. ВЪ области, на которую возлагаютЪ иго рабства, не должно начинать тѣмЪ, чтобЪ дѣлать себя ненавистными; а ласкою и снисхожденіемЪ склонять жителей кЪ добровольному снабдѣванію войскЪ всемЪ нужнымЪ. И сія-то точно была должность Шу-Гедея.

Во время, какЪ находился онЪ вЪ Ушеіѣ для приведенія нѣкоторыхЪ дѣлЪ вЪ порядокЪ, нѣсколько

ко знатнѣйшихъ мятежниковъ проходили близко, ища Готшома. Сказали о томъ Шу-Гедею; отвѣчалъ: . . Я здѣсь не для того, чтобъ покинуть мнѣ мое мѣсто подъ предлогомъ итти на непріятелей, но для удерживанія здѣшнихъ жителей въ должномъ повиновеніи Императору и порядка дѣлъ его.

Императоръ за сей самый отвѣтъ осудилъ его на смерть, отъ которой однако же избавился столь чудно, что не повѣрилъ бы тому и я, естьли бы не произходило оное предъ моими глазами.

Какъ скоро произнесъ Императоръ гибельное слово: . . да умретъ, въ тоже мгновеніе отправленъ гонецъ. Гонцы обычайно скачутъ на лошадяхъ по сороку и по пятидесяти миль на день, и съ самою крайнею поспѣшностію исполняютъ смертный приговоръ. Миновало уже пять дней послѣ того. Вторый государственный Министръ, осьмидесятилѣтній старецъ, упалъ къ ногамъ Кіен-Лонга, и проливая слезы, представлялъ ему, сколь много помрачится слава имени его осужденіемъ на смерть человѣка мудраго и добродѣтельнаго, достойнаго единыхъ токмо похвалъ. . . . Шу-Геде невиненъ, продолжалъ онъ; ты хочешь, Государь! чтобъ онъ умеръ? Добродѣтели, самыя преизящныя качества разума и сердца, память имени его домчатъ къ потомкамъ нашимъ. Что скажутъ они о Государѣ, осудившемъ его? . . . Пощади славу твою, помилуй его, не откажи прошенію и слезамъ моимъ. . . . Поздно, отвѣчалъ Императоръ; гонецъ пять дней уже въ дорогѣ. . . Нѣтъ, Государь! еще есть время; прости только бѣднаго Шу-Гедея. . . . Снизхожду на твое предстательство, сказалъ Императоръ; только съ тѣмъ,

чтобЪ ты самЪ объявилЪ ему сiю милость мою... Не возможно, Государь! человѣку вЪ лѣтахЪ моихЪ, возразилЪ МинистрЪ; но я пошлю другаго меня, сына моего, да спасетЪ жизнь, во всякое время преполезную для служенiя тебѣ: . . ИмператорЪ согласился и на то.

ГонецЪ между тѣмЪ ближился кЪ повелѣнному мѣсту. ПрибылЪ, егда Шу-Геде, щастливо окончавЪ положенныя на него дѣла, необходимо былЪ нуженЪ, чтобЪ пустить ихЪ вЪ движенiе сЪ пользою для государства. Но услышалЪ голосЪ вопiющаго человѣка: . . . Ты долженЪ умереть! . . . . Смерть не страшитЪ меня, отвѣчалЪ; но польза Государя моего требуетЪ, чтобЪ я прожилЪ еще нѣсколько дней, инако же войски его останутся безЪ запасовЪ. И такЪ отсрочь исполненiемЪ даннаго тебѣ велѣнiя, сказалЪ онЪ гонцу; ни Тшао-Гоэи, ни самЪ ИмператорЪ не похулятЪ тебя за то. ВЪ указѣ, данномЪ тебѣ, не стоитЪ, да умретЪ вЪ тоже мгновенiе, какЪ оной объявленЪ ему будетЪ. Я здѣсь начальствую, я за то и отвѣчаю; успокойся.

На другiй день прибылЪ сынЪ втораго Министра, и возвѣстилЪ ему прощенiе.

ПОЛОЖЕНІЯ

ЗНАТНѢЙШИХЪ МѢСТЪ

ЦАРСТВА ЭЛЕУТСКАГО.

Степени длины мѣстъ считаются отъ Пекинскаго меридіана.

Имена мѣстъ.	*Широты мѣстъ.*		*Длины мѣстъ.*	
Кутшъ	41°	37′	33°	32′
Пу-Ку-Элгъ	44	44	32	7
Шаисуръ	41	5	33	21
Ку-Ко-Пу-Инъ	40	20	33	40
Аксу	41	9	37	15
Саилимъ	41	41	34	40
Паи	41	41	35	12
Ушеи	40	6	38	27
Гаогше	40	19	42	50
Энторше	39	36	42	8
Перш-Карамъ, или Пош-Колму	39	20	42	10
Касгаръ, или Гасгаръ	39	25	42	25
Ингазаръ, или Инкасаль	38	4	41	50
Таіемеликъ	39	6	42	53
Еркіамъ	38	19	40	10
Улелекъ	37	4	39	46
Шату	37	4[illegible]	38	30

Имена мѣстъ.	Ширины мѣстъ.		Длины мѣстъ.	
Гаргаликъ - - -	37 - -	41	39 - -	15
Селекуэумъ - -	37 - -	48	42 - -	24
Кукіаръ, или Куке-Іаэулгъ - - -	37 - -	7	39 - -	2
Сантшу - - - -	36 - -	58	37 - -	47
Тууа - - - -	36 - -	52	37 - -	7
Палтшукъ - - -	39 - -	15	39 - -	35
Пеишеніiа - - -	36 - -	26	35 - -	53
Илитчи - - - -	37 - -	0	35 - -	52
Галагашъ - - -	37 - -	10	36 - -	14
Юлунггашъ - -	36 - -	52	35 - -	37
Тшила - - - -	36 - -	47	34 - -	42
Таке - - - -	36 - -	13	33 - -	45
Келіа - - - -	37 - -	0	33 - -	33
Антшіенъ - -	41 - -	28	44 - -	35
Изиталханъ - -	41 - -	48	45 - -	6
Маргаланъ - - -	41 - -	24	45 - -	10
Намканъ - - -	41 - -	38	45 - -	40
Гаоганъ - - -	41 - -	23	45 - -	56
Алтубеи - - -	41 - -	33	48 - -	10
Тахеканъ - - -	43 - -	3	47 - -	43
Бадакханъ - - -	36 - -	23	43 - -	50
Шеконанъ - - -	36 - -	47	44 - -	46
Гаолоханъ - - -	36 - -	49	45 - -	26
Уаганъ - - - -	38 - -	0	45 - -	9
Полоэулгъ - - -	37 - -	0	43 - -	38
Гатшутъ - - -	37 - -	11	42 - -	32

ТА-ГІО.

ПРЕДСЛОВІЕ.

Внукъ и нѣкто изъ учениковъ Кон-Фу-Теея, или обычайно именуемаго Конфуція, соотвѣтственно полученнымъ ими наставленіямъ отъ него, написали два небольшія сочиненія: Та-Гіо и Тшонг-Юнг. Отважился въ переводѣ поставить оныя подъ названіями Великая Наука и Точная Средина.

Предразсудокъ ли, предубѣжденіе ли, или справедливость; но Китайцы чрезъ двадесять уже столѣтій продолжаютъ почерпать въ нихъ ученіе и удивляться имъ. Премѣны вкусовъ и династій, владычества иностранцевъ, не ослабляли никогда всеобщей имъ похвалы; равно всегда чтили живописную краткость и пріятность слога, красоту благотворительныхъ правилъ, ими преподаемыхъ.

Хотя не возникли изъ пепла великаго онаго пожара, истребившаго древнія книги; станется же, что не избѣгли сокращенія, обезображенія, или и были перепорчены. Упражняющіяся въ наукахъ государственныя особы, философы, словомъ, всѣ ревностныя дѣти отечества, разумѣютъ оба сіи сочиненія наилучшимъ остаткомъ памятниковъ витійства и премудрости древнихъ. Отъ преизящнаго нравоученія своего, отъ добродѣтелей, коимъ наставляютъ; отъ правилъ благоразумной политики, кои предписываютъ, вземлется удостовѣрительная ихъ сила, къ которой бы надлежало прибѣгнуть ученымъ Европейцамъ, старающимся рѣшить великую оную задачу, что

то есть долготу временъ существованія Китайской имперіи; а не искать того въ разности земныхъ поясовъ и въ предразсужденіяхъ. Источники, равно ложные предъ очами вѣры, испытанія и здраваго разума.

Приглашаю мудрыхъ ко изслѣдованію, какъ истинна, столь лучезарною зримая въ сочиненіяхъ сихъ, побѣдила побѣдившихъ Китай; принудила въ поспѣшествованіе собственныя ихъ славы вознебречь природнымъ своимъ языкомъ, учиться разумѣть сіи сочиненія, пользоваться оными, и сообразно ученію ихъ поправить неустройства, отверзшія имъ путь къ престолу. Поелику густы и глубоки были мраки прежняго невѣжества ихъ, тѣмъ наипаче удобнѣе созерцали свѣтлость, благоразуміе въ нихъ возродившую, и которая пособствовала имъ наслаждаться правотою, принесенною въ сердцахъ изъ посреди дремучихъ лѣсовъ своихъ. Ибо, скажемъ мимоходомъ, человѣкъ, въ дикости природной скитаяся по пустынямъ, нудимый нуждами жизни, конечно есть ближе къ премудрости и добродѣтели, нежели суемудрецъ, сопринадлежащій къ человѣчеству посрамляющимъ только произведеніемъ пера своего и вредностьми, только онымъ ему причиняющими. . . Не удивимся, естьли мнимые таковые умы изящные не выдержатъ сіянія правилъ Та - Гіа и коренныхъ истиннъ Тшонг - Ю̂нга, сколько ни ослаблены отъ насъ, переводчиковъ своихъ. Должно несравненно паче насъ обиловать богатствами языка, на которомъ мы сіе пишемъ, для точнаго израженія глубины и высоты слога Тсенг-Тсея и Тсеэ - Тсея. Мужамъ, просвѣщеннымъ ученостію, читавшимъ подлинники великихъ сихъ творцевъ, не нужно наше увѣдомленіе, что свойство

язы-

языка, на которой преложили мы, не совмѣстно съ краткостію, паче, нежели алгебраическою, ихъ слога; а того еще болѣе, не удобенъ сей достигать яркости и живости красокъ мысленныхъ ихъ изображеній. Искуство, о коемъ теперь упомянули, и музыка, не переводятся съ языка на другой. Тщилися мы изражать мысли творцевъ и разсужденія. Долго пересказывать, какъ далеко мы простиралися сличеніями, раздробленіями, свидѣтельствованіями и розысками, дабы возъимѣть успѣхи. Но смѣемъ увѣрять, всеконечно не вознебрегли ничѣмъ возможнымъ намъ. Вождемъ избрали пространное государственное толкованіе Ли-Кіево; однако же не мѣшало то справляться же съ большею частію сочинителей, снискавшихъ нѣкоторую славу, на примѣръ Конг-Ин-Та, Тшанг-Ко-Лао, Тшеу-Тсеэ. Не забыли прекраснаго толкователя Ге-Кіанга, коего трудъ есть совершенство критики и красоты слога. Естьли бы были больше властны во времени нашемъ, пріобщили бы здѣсь всякаго рода примѣчанія: грамматическія, критическія, надлежащія до краснорѣчія, историческія, политическія, философическія и иныя, каковыхъ могла бы желать Европейская ученость. Но дѣла должности не попустили вдаться во упражненіе, которое бы обратило на себя всѣ часы неисходящаго изъ кабинета своего. Кои разумѣютъ языкъ Китайскій, да ищутъ того въ самыхъ источникахъ; для прочихъ же выше то ихъ знанія, а можетъ быть превыше же и понятія ихъ. Со всемъ онымъ читатели имѣютъ право взыскивать, чтобъ мы разсказали имъ, какіе были люди, коихъ имена упоминаются въ нашемъ подлинникѣ. Сего-то ради помѣщаемъ нѣсколько обьясненій необходимо нужныхъ. Болѣе еще того предвидимъ уже уразы и

уди-

удивленія, каковыми читатели наши поразятся красотою многихъ правилъ политики и нравоученія, неудостоеваемыхъ обмышленія Европейцовъ, на которыхъ однако же основывается правительство наше. Приняли мы на себя объяснять и подтверждать содержаніями иныхъ книгъ и писателями знаменитѣйшими всѣхъ династій; а нѣгдѣ осмѣлилися и указывать, съ коликимъ велелѣпіемъ ума и премудрости вышшей степени ученые наши мужи обнаруживали правила, преподаванныя въ школѣ Конфуція.

Придатокъ сей къ трудамъ нашимъ да сподобится благоугодности читателей; да побудитъ ихъ поднять руки къ небесамъ, просить Вседержителя о сохраненіи народа, толико Имъ просвѣщеннаго, толико Имъ облагодѣтельствованнаго.... Увы! можетъ быть паче былъ бы народъ сей близокъ къ открытію очей предъ Свѣтомъ пресущественнымъ вѣры, естьли бы болѣе имѣлъ причинъ рдѣться отъ своихъ заблужденій и пороковъ; естьли бы общежительныя добрести, сорастворенныя съ истиннами природы, не закрывали предъ ними оныхъ.

ТА-ГІО,

или

ВЕЛИКАЯ НАУКА.

Истинная премудрость состоитъ въ просвѣщеніи ума и очищеніи сердца, въ любви къ подобнымъ себѣ и во влюбленіи ихъ въ доблесть, въ преодолѣваніи всякихъ препятствій соединенія съ вышшимъ Благомъ и въ приверженіи себя къ Нему одному (А).

X 2 Бла-

(А) *Естьли кто замѣчать только будетъ слова и буквы, взятыя нами единачественно, тѣ подумаютъ можетъ быть, что къ смысламъ Конфуція прибавлено нѣчто нами какъ въ первыхъ сихъ строкахъ, такъ и на иныхъ многихъ мѣстахъ перевода нашего. Но просимъ замѣтить же: 1) знаменованія словъ и буквъ сначала непосредственно зависятъ отъ припрягаемаго къ нимъ понятія, подъ коимъ ставятъ ихъ пишущіе. Академикъ, философъ, нравоучитель, сказатель Слова Божіяго, слово Премудрость пріемлютъ въ одинакомъ разумѣ. Кто посмѣетъ утверждать, что у однихъ значитъ слово сіе нѣчто болѣе, нежели у другихъ? 2) Философія Конфуціева есть Философія самой премудрости, добродѣтели и религіи, почерпнутая въ наичистѣйшихъ источникахъ древнихъ преданій. Нечему же дивиться, что паритъ выше философіи исторической. 3) Какъ все связуется и сопродолжается въ Та-Гіо и Тшинг-Юонгѣ, высота правилъ предъиду-* щи-

Блаженъ, кто вѣсть предѣлъ теченія своего! Путь, по коему шествовать ему должно, предположенъ ему предъ очи готовый. Недоумѣнность и сомнѣніе изчезаютъ, какъ скоро вступитъ на оный; миръ и спокойствіе произведутъ тьмы цвѣтовъ подъ его ногами; Истинна освѣтитъ его огнезрачными своими лучами; всѣ доблести водворятся въ душѣ его, а съ ними вмѣстѣ радость и утѣшенія наичистѣйшаго блаженства. Но гибельный тотъ человѣкъ, который, пріемля вѣтви за корень, листья за плоды, смѣшиваетъ существенное съ побочнымъ, не различаетъ средствъ достиженія къ концу познанія строя должностей своихъ! Цѣня важность ихъ, есть начало премудрости.

О премудрость! Божественная премудрость! ты научала глубокую древность познавать себя Царь, восхотѣвшій покорить имперію невинности и добродѣтели, прилѣжалъ добрѣ управлять областьми своими (Б), начиналъ оное установленіемъ наилучшаго по-

щими доказывается. 4) И держася мы нашихъ Китайскихъ толкованій, не всегда смыслы содержанія выдавали столь высоко, какъ могли бы... 5) Буквы наши суть изображенія сами по себѣ и таинственные знаки, то самыя удачныя и самыя отборныя слова весьма недостаточно изражаютъ ихъ. Слово просвѣтить, на примѣръ, какъ перевесть на иный языкъ, когда буква сама собою изображаетъ солнце и луну, буква Мингскаго нарѣчія?

(Б) *Во времена Конфуція Китай раздѣлялся на многія царства. Упоминаетъ онъ о Государяхъ,*

порядка въ домѣ своемъ. Первое попеченіе его было имѣть достохвальное поведеніе; дабы учредить въ самомъ себѣ достохвальное же поведеніе, обуздывалъ и поправлялъ собственныя свои склонности, предпочтительно трудился укрѣпить рѣшимости свои; дабы укрѣпить свои рѣшимости, силился установлять мысли; дабы наконецъ установить мысли, возходилъ разсужденіями до первѣйшаго источника и послѣднѣйшаго конца всѣхъ тварей; образовалъ въ мысляхъ своихъ всему оному ясное умоначертаніе.

Въ самой вещи, умоначертаніе ясное о началѣ и концѣ всѣхъ тварей установило мысль его; мысли его, ставъ установлены, укрѣпили его рѣшимости; рѣшимости укрѣпленныя помогли ему исправить склонности его; исправленныя склонности поддерживали его во благоповеденіи; поведеніе благое облегчило ему средство окоренить благій же устрой въ домѣ своемъ; благій устрой дома его нетруднымъ учинилъ хвальное правительство областьми; наконецъ, хвально оными владѣя, претворялъ сердца всѣхъ подданныхъ въ подобное своему, и процвѣла доблесть (В).

ряхъ, современныхъ себѣ. Вѣщаемое имъ есть не столько предписаніе поведенія для нихъ, какъ картина, представляющая имъ поведенія же ихъ предковъ, коимъ весь Китай долженствовалъ общественнымъ своимъ исправленіемъ нравовъ и благоденствіемъ, каковымъ когда либо наслаждаться могутъ человѣки.

(В) Ученые наши статью сію разумѣютъ ядромъ всего наивысочайшаго въ философіи, политикѣ и нравоученіи; разумѣютъ наияснѣйшимъ

Нѣтъ разности, относительно до того, между Самодержцемъ и послѣднѣйшимъ изъ подданныхъ его. Доблесть есть корень всякаго блага. Простираться въ ней есть первая и наиважнѣйшая должность жизни человѣческой. Отъ небреженія къ сей должности безпорядки сердца прольются на поведеніе; созидаетъ тогда человѣкъ, но созидаетъ развалины. Побочное пріемля существеннымъ, существенное побочнымъ, есть развращеніе разсудка.

1. Уэн-Уангъ (Г), гласитъ Шу-Кингъ, очистилъ душу свою отъ заблужденій и пороковъ. Тшинг-

Тангъ

шимъ и самымъ несомнѣннѣйшимъ. Въ немногихъ сихъ словахъ учителя своего находятъ правила политики и нравственныя, подчинившими себѣ нашихъ побѣдителей; ими удержалися наши законы, соблюдены древніе нравы, преподается отъ рода въ родъ отечестволюбіе древнее, клонящееся къ единому только общему благу, жертвуя оному всемъ прочимъ. Желатели основательно вѣдать внутренній строй правительства Китайцевъ, да читаютъ Та-Гіо-Іэн-И-Пу: увидятъ, что единому только государственному мужу глубокія учености, просвѣщенному навыкомъ и рѣдкою способностію, споручно сличать всѣ виды пользъ со всѣми должностями, политику съ праводушіемъ. Сочиненіе Кіэу-Суна не меньше бы Китая было нужно и Европѣ; старѣйшина Орды дикихъ не меньше бы самыхъ изящнѣйшихъ Императоровъ нашихъ научился управлять своими областьми.

(Г) *Уэн-Уангъ былъ основатель древней Тшеуской династіи, начавшейся въ тысяча сто*

деат-

Тангъ (I) денно и нощно вымышлялъ и былъ точный исполнитель сіяющаго закона Тіэнова. Яэ (Е), безпрестанно

деватцать второмъ году до рождества Христова. Длилась оная девсти деватцать одинъ годъ. Его разумѣютъ толкователемъ Куаэвъ Фу-Гіэвыхъ. Въ Ши-Кингѣ пишется, что онъ на небесахъ предстоитъ лицу самаго Шанг-Тіа. Исторія славитъ его кротость, благонравіе, воздержаніе, премудрость и сыновское повиновеніе.

(Д) Тшинг-Тангъ основатель Танговой династіи, которая началась за тысяча семь сотъ шестьдесятъ первой годъ до воплощенія Христа Спасителя, продолжалась же шесть сотъ тритцать два лѣта. Лѣтописцы превозносятъ его великими похвалами. Между прочимъ же повѣствуютъ, что нѣкогда отъ засухъ, чрезъ многіе годы непрестававшихъ, народъ бѣдствовалъ. Тшинг-Тангъ остригъ у себя волосы, измылся, постомъ изнурилъ плоть, послѣ же облекся во одежды изъ рогозины, и удаляся въ дремучій лѣсъ, повергъ себя ницъ предъ Тіэномъ, моля взять отъ него жизнь, жертвою укротительною гнѣву своему; плача и рыдая произносилъ: ... Я одинъ согрѣшилъ предъ Тобою, я одинъ подвигъ Тебя на гнѣвъ; для меня ли одного губишь цѣлый народъ?..

Возвратяся къ своимъ, недреманно началъ назирать на собственное свое поведеніе. Узрѣли его всею своею силою пекущагося добрѣ править народомъ. А тѣмъ, какъ всѣ свидѣтельствуютъ писатели, умилостивленный Тіэнъ низпослалъ обильный дождь.

(Е) Яо первый Императоръ, о коемъ упоминаетъ

спѣшно внемля гласу доблести, возвысился сю до совершенства превыспренняго.

При-

наетъ Шу-Кингъ. Исторія наша наидостовѣрнѣйшая и неопровергаемая имъ начинается. Критики и ученые первой степени небрегутъ о всемъ предшествовавшемъ царствованію его, представляя собирать догадки и сомнительныя преданія другимъ. Его выдаютъ основателемъ Монархіи нашей. Вступленіе въ первую главу сей важной книги, названную Яо-Тіэнъ, такъ пріемлетъ начало свое: . . . . Повѣдаемъ бытіе древняго Императора Яоа. Именовался онъ Фанг-Гіэнъ, сирѣчь полный достоинствъ. Названіе преславное, но заслуживаемое благочестіемъ его, глубокимъ умомъ и познаніями; его премудростію и иными неизчетными добродѣтелями природными и пріобрѣтенными, кои учинили его въ силахъ пройствовать въ простотѣ нравовъ и невѣрствіи самому себѣ, и прочее. . . . Тамъ же вѣщаетъ онъ къ вельможамъ своимъ: . . Семдесятъ лѣтъ я царствую. Удовлетворите желаніе мое; да благоугодно вамъ будетъ, чтобъ оставилъ престолъ мой. . . О Государь! тобою онъ всегда славился, твоими добродѣтелями; развѣ хощеши уничижить его, егда возсядетъ на немъ не сынъ твой, а кто либо другій? . . . Нѣтъ! изберите инаго паче достойнаго; съ радостію признаю преемникомъ моимъ, сколь бы порода его ни была низка. . . Собраніе нарекло Шуна изъ поколѣнія Инова. Яо возвеселился; просилъ, чтобъ спознали его съ Шуномъ. . . Онъ сынъ Куэвъ, сынъ отца неистоваго, имѣетъ мачиху злобную, брата горде-

ли-

Примѣры великихъ сихъ Государей являютъ совокупно, чѣмъ долженствуемъ мы душѣ нашей, и какъ озаряться ей лучами премудрости и славы.

2. На сосудѣ (Ж) Тшинг-Танга читали слѣдующее: . . . „Главное и ежедневное твое будетъ „попеченіе объ усовершенствованіи доблести твоей. „Каждый наступающій день да освятитъ тебя луч-

лвеца; но онъ миролюбенъ, послушливъ, наполненъ добродѣтелями, чуждъ всякаго порока. . . Испытаю его; дамъ дщерь мою ему въ жены, и увижу поведеніе его... Тогда же повелѣваетъ добрый сей Государь готовить приданое дщери своей, не коснитъ отправленіемъ ея на брега Куэнскіе стать супругою Шуна... Шествуй! сказалъ онъ ей, и повинуйся мужу твоему.

(Ж) Буквы наши весьма удобны для всякаго рода надписей; не только что можно ихъ писать во всякомъ же смыслѣ, но и потому, что знаменованіе ихъ краткое, отрывчивое и рѣзкое. Древніе изъ любви къ добродѣтели писали ими уроки во всемъ, что ихъ ни окружало. Книга толковательная, подъ названіемъ Ученіе Сеэ-Шуэвъ, доказанная исторіею, приводитъ многіе примѣры самой глубокой древности... Усыпляйся во объятіяхъ премудрости, естьли не хощешь пробуждатися во объятіяхъ же раскаянія.

На берегу нѣкоего пруда надпись: . . Чѣмъ болѣе вода чиста и спокойна, тѣмъ наипаче изображаетъ небеса.

На нѣкоторомъ дугоподобномъ сводѣ:.. Натянуть лукъ потребна сила, но сила произходитъ отъ навыка.

„ шимъ противу дня вчерашняго; повсядневно стано-
„ вись новымъ человѣкомъ. „

Стоитъ въ Шу-Кингѣ (З): . . „Прилѣжи „исправлять и возобновлять нравы народа.„ . . Въ Ши-Кингѣ (И): . . „Хотя Тшеуи были наидревнѣйшіе само-„ держ-

(З) Въ Шу-Кингѣ 58 главъ, 257000 буквъ. Изъ десяти главъ, въ коихъ почерпнулъ Конфуцій свои государственныя лѣтописи въ четыре ста восемьдесятъ четвертомъ году до рождества Христова, первыя пять сказуютъ объ Яоѣ и Шунѣ, четыре послѣдующія о династіи Гіаэвъ, потомъ семнатцать главъ о Шанговой династіи, прочія же о династіи Тшеуской; кончатся двѣсти сорокъ осьмымъ годомъ до воплощенія Спасителя. Шу-Кингъ не возходитъ далѣе двадесять осьмаго лѣта царствованія Сіанг-Уанга, что противу шести сотъ двѣсти четвертаго года до рождества Христова: слѣдовательно возходитъ далѣе всѣхъ историковъ Греческихъ и Римскихъ, да и превосходствуетъ предъ сочиненіями ихъ достовѣрностію и высотою слога, а еще наипаче красотою нравоученія и чистѣйшинствомъ правилъ, преподаемыхъ ею.

(И) Ши-Кингъ есть собраніе трехъ сотъ сочиненій стихотворныхъ; состоитъ въ 39234 буквахъ, просмотренныхъ и исправленныхъ Конфуціемъ. Раздѣляется на двѣ части: первая, подъ названіемъ Куэ-Фонгъ, или нравы царствъ; въ ней стихи и пѣсни народныя, записыванныя Императорами, когда путешествовали они по государству видѣть собственными глазами своими нравы, пра-

„держцы Китая, но обрѣли благодать предъ Тіэ-
„номъ, воззвавшимъ ихъ къ престолу: обязаны ревно-
„сти Уэн-Уанга въ насажденіи доблести въ Китаѣ.„

3. Пишется въ Ши-Кингѣ: . . . „Страна,
„коею владычествуетъ Императоръ, сама собою на
„тысячи лієвъ обширна (I). Каждое семейство

Ц 2 „оби-

правительства, пороки и прочее каждаго царства. Разсуждая о нѣкоторыхъ изъ нихъ, по тому можно точнѣйшее получить понятіе, нежели изъ книгъ. Вторая часть подъ заглавіемъ Сіаоа-Іа, третія Тайя, сирѣчь малое изящество и великое изящество. А въ нихъ стихи плачевные, по случаямъ народныхъ бѣдствій; стихи хулительные злымъ Государямъ и злымъ же Министрамъ; оды, пѣсни и прочее въ похвалу благимъ Государямъ и великимъ мужамъ; пѣсни благодарственныя и торжественныя, которыя пѣвалися въ приходы Князей данниковъ для засвидѣтельствованія подданства къ Императору, и прочее. Ученые люди и критики относятъ сіи двѣ части временамъ династіи Тшеуской. Четвертая часть Сонгъ, то есть похвалы; содержитъ въ себѣ пѣсни духовныя, пѣваемыя при Императорахъ, когда отправлялися обряды поминовенія предковъ, во времена Шанговой и Тшеуской династій, и также въ маломъ царствѣ Лускомъ, отечествѣ Конфуція.

(I) *Ли, около десятыя части мили Европейской. Всѣ земли подъ первыми династіями принадлежали непосредственно государству. Правительство отводило и означало по два участка земель для каждой семьи:* *одинъ*

„обитаетъ и обработываетъ участокъ земли, ему „отведенной.„ Еще тамъ же: . . . „ Міэн - Манъ „прилетаетъ почити на древесахъ холма. Увы! воз„гласилъ нѣкогда Конфуцій: и малая сія птица вѣдаетъ „пристанище свое; какъ же человѣкъ является невѣ„дающимъ онаго? Лучи разума его освѣщаютъ не „уже ли тусклѣе, нежели естественный нагибъ ди„каго сего воробья?„

Въ Ши - Кингѣ тамъ же: . . ., „О Уэн - Уангъ! „елико доблесть твоя чиста и возвышенна! елико „чудна и свѣтла! концемъ, или предѣломъ ея была „святость.„ Сирѣчь, какъ Царь, прилѣжалъ доставлять благоденствіе народамъ своимъ; какъ подданный, чтить предержащую власть (К); какъ сынъ, повиноваться блаженнымъ своимъ родителямъ; какъ отецъ, обнаруживать чадолюбіе; какъ союзникъ, всецѣло блюсти всякія постановленія.

Еще въ Ши - Кингѣ: . . „Подобно тростямъ „на брегахъ рѣки Кіа, безпрестанно увѣнчавающимся новыми листами, разпростираютъ онѣ далеко „вѣт-

одинъ подъ пашню, а другой обработывать, для общественныхъ нуждъ, семь семействъ совокупными силами.

(К) *Уэн-Уангъ имѣлъ весьма малое царство, былъ данникъ Императора. Вѣрность его и усердіе къ Государю своему не удержали его явиться ко Двору злочестиваго Тшеуа ходатайствовать за народъ. Чудовищемъ симъ, которое столько же ненавидѣло Уэн - Уанга, сколько внутренно чтило его, заключенъ былъ въ темницу на два года.*

„вѣтви свои, отвсюду зрится восхитительная „зелень: таковъ предъ очами нашими Уэн-Уангъ. „Добрый сей Государь! душа его какъ слоновая кость, „сглаженная пилою и потомъ украшенная рѣзьбою; „какъ драгоцѣнный камень ограненный (Л). Соб-„ственное его совершенство есть собственное же его сдѣ-„ліе. Коликая высота мыслей! какія нѣжныя чувствова-„нія! какія снисходительныя и народолюбивыя поступ-„ки! О! какое достоинство видимо въ особѣ его! Слава „его, равно его доблестямъ, пребудетъ безсмертна.„

Слова стихотворца, какъ слоновая кость, сглаженная пилою и украшенная рѣзьбою, знаменуютъ прилѣжаніе великаго сего Государя исправлять собственныя свои умоначертанія и очищать вѣжества свои. Какъ драгоцѣнный камень ограненный, усиліе его отвыкать отъ всякихъ погрѣшностей, дабы доблести его становилися безпрестанно совершеннѣйшими. Коликая высота мыслей! коликія нѣжныя чувствованія! вразумляютъ насъ о успѣхахъ таковаго его прилѣжанія, что плодъ сказаннаго же усилія его есть недреманное его бдѣніе надъ самимъ собою. Какія снисходительныя и народолюбивыя поступки!

(Л) Сими словами явствуетъ: сколь ни ненавистна была роскошь въ древнія времена, однакоже знали предки наши рукодѣлія, до того надлежащія; рукодѣлія, оставшіяся въ почтеніи у жителей послѣдовавшихъ столѣтій. Но тогдашняя политика пользовалася ими только въ торжествахъ общенародныхъ. Такова-то есть политика же правительства и во дни наши, по пословицѣ: . . . Когда крупные алмазы дешевы, тогда мѣлкія добродѣтели суть презрительныя бездѣлки.

какое достоинство видимо въ особѣ! проявляетъ, что красота души его изливалася и на внѣшнiй его видъ (М), и вперяла взирающимъ на него любовь къ доблести; что прекрасныя черты на лицѣ его какъ бы говорили съ глазами взирающихъ на него. Слава его, равно его доблестямъ, пребудетъ безсмертна; слова, сильно вѣщающiя намъ, что доколѣ человѣки не утратятъ умоначертанiй объ истиннѣ и благѣ, благословлять будутъ память имени Государя сего, достигнувшаго къ совершенству премудрости и доблести.

Паки въ Ши-Кингѣ: . . . „О Уэн-Уангъ! „О Ууангъ! восходить до васъ не инако можемъ, какъ „ посреди поколѣнiй человѣческаго рода; восходить „ до блаженныхъ временъ, когда вы царствовали. Но „ кому не извѣстны спасительныя чудеса ваши? Кто „ не преисполненъ напоминанiями объ васъ?„ Ихъ-то мудрость была сѣменемъ мудрости же преемниковъ ихъ; была же имъ и вождемъ. Ихъ благотворительность даровала намъ столь многихъ добрыхъ Государей. Она безпрестанно возбуждаетъ въ сердцахъ Императоровъ нашихъ великодушныя ихъ чувствованiя.

Самый народъ наслаждается радостiю и успѣхами, выгодами и богатствомъ, ими же предуготованными. А за то и память ихъ, память, столь неоцѣненная для сердецъ, промчится чрезъ всѣ столѣтiя, и вмѣстѣ съ родомъ человѣческимъ увянетъ.

4.

(М) *Ученые наши говорятъ: . . Благопристойность есть природной цвѣтъ лица доблести, ларва [маска] пороковъ. . . Степенность есть кора премудрости, но она ей даетъ прочность.*

4. „ТакЪ конечно, говаривалЪ Конфуцій, могу слы-„шать тяжущихся предЪ судомЪ; могу изрекать „рѣшенія; но вижу мало вЪ томЪ славы кЪ снисканію. „Единое достойно мудраго, чтобЪ изсякнули источ-„ники тяжебЪ, чтобЪ Царскій престолЪ окружился „правосудіемЪ и прочими доблестями, и не будетЪ „ему нужды ни вЪ вѣсахЪ, ни вЪ мечѣ.„ Но какЪ обуздать, или по меньшей мѣрѣ умѣрить страсти, возраждающія ябеды изЪ подЪ ея пепла (Н)? СимЪ только одержаніемЪ верьха премудрости, который приво-

(Н) *Не выходя изЪ соразмѣрности, можно полагать вчетверо болѣе судебныхЪ мѣстЪ и гражданскихЪ чиновЪ во Франціи противу Китая. Развѣ Французы поползновеннѣе кЪ преступленіямЪ, нежели мы Китайцы? Развѣ болѣе нужно умовЪ разыскивать истинну и правосудіе тамЪ, нежели на самомЪ краю Азіи? Не такЪ ли лучше, что разныя мы сЪ Франціею имѣемЪ понятія о званіи судей? Начиная отЪ деревень до государственной столицы, достоинство судей нашихЪ состоитЪ не столько вЪ производеніи тяжебныхЪ дѣлЪ, какЪ вЪ предупрежденіи оныхЪ, во остановленіи тяжебЪ, вЪ примиреніи соперниковЪ и во обезохочиваніи продолжать тяжбы. СверьхЪ того нѣкоторыя извѣстныя преступленія, жестокія и явныя, рѣшатся самимЪ ИмператоромЪ. ОнЪ только у насЪ имѣетЪ право осуждать на смерть. Слава царствованія его пріумножается, поелику меньше при немЪ смертныхЪ казней. СкажемЪ еще слово: внѣшній видЪ, сыски, протяжность и просмотры уголовныхЪ дѣлЪ, паче ужасны здѣсь для черни, нежели смертныя казни во многихЪ иныхЪ народахЪ.*

водитъ въ отчаяніе коварства, уторопляетъ любостяжаніе и прогоняетъ злобу. Сіе только именуется вырывать съ корнемъ (О) ябеду.

5. Не ослѣпляй самаго себя (П); ненавиждь зла; поелику отвратительно оное и безобразно; люби бла-

(О) Всѣ наши критики соглашаются, что утрачена статья Тценг-Тцеэ, то есть установить мысли. Многіе изъ ученыхъ первой степени испытывали силъ своихъ наградить утрату сію. Мы выбрали толкованіе Гоэн-Ку-Тцеэя. Въ Шу-Кингѣ стоитъ: . . Тіэнъ далъ жизнь народамъ, и правитъ ими. Онъ содержитъ взаимное согласіе во вселенной. Въ Ши-Кингѣ: . . Послушествующій Тіэна простирается въ добродѣтели, противляяйся Ему согрѣшаетъ. На иномъ мѣстѣ: . . . Будь преисполненъ страха; мысли Тіэна проникаютъ всякую глубину. Не легко удерживать милости Его. Не говори, высоко Онъ, безмѣрно высоко надъ головами нашими; очи Его всегда отверсты и назираютъ насъ; примѣчаетъ дѣла наши каждаго дня. . . . Понимаешь ли ты ясно, что наступитъ день, въ который Тіэнъ накажетъ злыхъ безъ наималѣйшаго движенія гнѣва; постигнетъ и то, естьли не накажетъ еще, то всеконечно не по слабости и нераченію удерживается рука Его. День, предназначенный премудростію Его, еще не насталъ; но настанетъ неминуемо.

(П) Не инако обманываетъ другихъ, говоритъ Куан-Тцеэ, какъ обманывая самихъ себя. Конфуцій совѣтуетъ судить погрѣшности по лицамъ, лица по ихъ добродѣтелямъ, добродѣтели по должностямъ.

благо, поелику пріятно оное и восхитительно, то есть всею душею твоею: ощутишь внутренній покой; содѣлаетъ оный, что ты самъ собою услаждаться будешь удовольственно. Мудрый безъ помизанія очей взираетъ на совѣсть свою, вездѣ и всегда послушествуетъ ея гласу. Безумный погружается въ тимѣніи пороковъ, когда нѣтъ свидѣтелей (Р), и безъ стыда вдается въ самыя поносныя разпутства. Видитъ ли ближащагося къ себѣ мудраго, устраненіе имъ овладѣваетъ, спѣшитъ сокрыть срамъ свой и облекается ложною наружностію невинности. Суетное ухищреніе! Очи, наименѣе проницательныя, видятъ даже до изгибовъ сердца лицемѣра. Нѣтъ тайны, гнѣздящейся въ душѣ его, которая бы не открывалася предъ ними. . . „Должно неусыпно

(Р) *Конфуцій и ученики его частыя дѣлаютъ противоположенія между правилами мудрыхъ и несмысленныхъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:.. Мудрый всегда на брегѣ, несмысленный же по срединѣ рѣки. . . Несмысленный тужитъ, что незнаемъ людьми; мудрый, что не знаетъ людей... Послѣдній всѣмъ человѣкамъ даетъ мѣсто въ сердцѣ своемъ; первый же изгоняетъ и тѣхъ, которые въ немъ были... Мудрый великъ и въ самыхъ малыхъ вещахъ; несмысленный малъ и въ самыхъ великихъ. . . . Мудрый теряетъ себя, сражаяся съ мыслями своими; несмысленный теряетъ же себя, онымъ послѣдуя. . . Несмысленный есть младенецъ коварствующій, мудрый младенецъ же по чистосердечію. . . У несмысленнаго неизходно въ головѣ щастіе и забавы, у мудраго же средства ко избѣжанію неправдъ и къ снисканію доблести.*

„ примѣчать, вѣщаетъ Конфуцій, въ самомъ себѣ то, „ что зрятъ слѣпые, что глухіе слышатъ.„

Человѣкъ имущественный дѣлаетъ уборы и украшенія жилищу своему: все провозвѣщаетъ его богатство. Доблесть подобно же. Тѣло, ею оживляемое, получаетъ впечатлѣніе величія, ясную и спокойную внѣшность (С), изливающуюся очами, которыя разверзаютъ всю его душу, упояютъ веселіемъ и миромъ. Толико-то важно мужу мудрому пребывать непреткновенну во благихъ намѣреніяхъ своихъ!

6. Правотою токмо сердца исправляются поползновенія и снискиваютъ доблести. Но сія правота неоцѣненная, необходимо нужная, не можетъ противустоять удару порывчивости страстей. Неукротимая ярость гнѣва опровергаетъ ее, хладный трепетъ страха лишаетъ ее силы, внезапныя восхищенія радости колеблютъ ее, блѣдная печаль обливаетъ ее слезами. Какъ сердцу человѣческому спасаться отъ бури и избѣгать потопленія! Едва началося оно, какъ бы уже изгнанно изъ себя самаго. Тогда-то чело-

(С) *Лун-Ю даетъ вѣдать: . . . Конфуцій былъ всегда ласковъ и угождающъ; не умалялися однако же отъ того скромность его и степенность. Учтивство его никогда не доводило его до уничиженія, а того еще меньше до притворности. Осанка повелительная, которую умѣлъ онъ придавать всему отъ него происходящему, не раздражая ниже самой привередливой гордыни; потому что открытое и спокойное его лице, зерцало души его, обуздывало страсти, возбуждало доблести.*

человѣкъ видитъ, чего не видитъ; слышитъ, чего не слышитъ: самыя наилучшія снѣди лишаются для него вкуса своего и вкуса. О упоеніе страстей! мучительство гнусное! Нужное однако же упоеніе, полезное мучительство: опытомъ спознавается, что безъ правоты сердца безсиленъ человѣкъ пріобрѣсть и наружное токмо простираніе въ доблести (Т).

(Т) *Дѣятельности человѣковъ могутъ быть только ларвами и завѣсами во многихъ случаяхъ, но слѣды поведенія ихъ не могутъ обмануть никого. Вотъ первобытное и коренное правило нашего правительства. Тако происходятъ выборы Мандариновъ:* 1) *разсматриваются убѣдительныя причины поступокъ и конца намѣреній ихъ.* 2) *Качества добрыхъ ихъ дѣлъ и погрѣшеній. . . . Великая душа, говоритъ Конфуцій, способствуется доблестію и въ случаяхъ почти ничего незначущихъ; душа низкая, ползая токмо, влечется къ должности своей. Сердце чистое наклонно къ прощенію и извиненію, сердце развращенное не совмѣстно съ терпѣніемъ и умѣренностію.* 3) *Пріемлется въ разсужденіе, какъ они ведутъ жизнь въ семействѣ и во отчизнѣ своей.* 4) *Въ почтеніи ли, или въ презрѣніи народа. . . . Единогласно хвалимый и нехвалимый никѣмъ, равно человѣкъ опасный. Не льзя ненавидиму быть всѣми и благими и злыми, когда кто не коваренъ.* 5) *Приводятся на память слова и поступки. Мужъ строгій и суровый можетъ имѣть доброе сердце. Тотъ, коего словеса хитросплетенны, поступки уловительны, рѣдко благій человѣкъ.* 6) *Внимается, какъ говорятъ сами о себѣ, о дру-гихъ*

7. Тщетно надѣются установить въ домахъ своихъ добрый порядокъ, естьли не пекутся благорасполагать поведеніе свое. Льзя ли взыскивать отъ другихъ, чего отъ себя собственно имѣть не можемъ? Да и какъ взыскивать? Повлекаемый косвеннымъ изгибомъ слабостей своихъ, вмѣсто смягченія сердецъ нѣжностію дружества, исправленія презорчивостію, обузданія страхомъ, уловленія ласковостьми, преклоненія благоугожденіемъ, преступаютъ во всемъ томъ за предѣлы и паки возвращаются вспять ослѣпляютъ себя; и отваживаются; умаляютъ достоинство свое, и уничижаются. Такъ быть должно. Сердце человѣческое само куда не завлекается (У)! Сколь мало видящихъ недостатки въ

гихъ и о дѣлахъ общественныхъ. Мудрый не уподобляетъ себя никому; славитъ изящныя качества въ другихъ токмо. Въ разсужденіи общественныхъ дѣлъ начинаетъ говорить о трудностяхъ и неудобствахъ въ отправленіи оныхъ. 7) Разбираются требованія ихъ, какъ домогаются, чтобъ исполнилися, и чего требуютъ. Имѣющій истинное достоинство не проискиваетъ чиновъ и должностей, для коихъ нужны достоинства его; по мѣрѣ же возвышенія своего отъ степени на степень знатности становится паче снисходителенъ и упреждающъ. Изъ ста челобитенъ не увидятъ ни одной на него. 8) Внѣшній ихъ видъ и осанки. Надобно древу весьма быть толсту, глубоко и далеко разпространившему коренья свои, дабы ни вѣтръ, ниже тягость собственныхъ его сучьевъ не нагнуло его на которую либо сторону.

(У) Толкователь пріобщаетъ..... Зная жизнь отца, можно прорицать, какъ

вЪ любимыхЪ, достохвальное же вЪ ненавидимыхЪ! . . . ОтецЪ, по пословицѢ, не знаетЪ ни пороковЪ вЪ сынѢ, ни доброты нивЪ своихЪ. Доблесть прежде всего да владычествуетЪ вЪ душѢ твоей, когда хощеши быть владыкою у себя вЪ домѢ.

8. Вы, коихЪ Небеса поставили главами народовЪ! Цари и Самодержцы, управляющіе странами! чего ожидать могутЪ оныя отЪ премудрости вашей, естьли вы небрежете о собственныхЪ вашихЪ семействахЪ? ДухЪ великаго Государя изЪ внутренности его чертоговЪ разливается по всему его царствію. Доблести, кои вокругЪ его разкидываются и услаждаютЪ взоры подобно цвѢтамЪ, влекутЪ на себя взоры же всѢхЪ, и весьма далеко утверждаютЪ человѢковЪ вЪ должностяхЪ ихЪ и вЪ невинности нравовЪ. Не возможно не быть ему почитаему и любиму. Судіи уважаются и послушествуемы, нещастные облегчены и вспомоществованы, сыновское повиновеніе (Ф), дружество братственное, благодѢтель-

какЪ будутЪ жить дѢти его. Пастырю, возсѢдшему на тигра, трудно сЪ него сойти. Волцы убѢгаютЪ, но стадо уже разсѢяно.

(Ф) *Древніе наши Императоры, познавЪ, что правилами токмо нравоученія лучшеютЪ нравы народовЪ, всю свою политику вЪ томЪ заключали, чтобЪ сыновнее повиновеніе кЪ родителямЪ время отЪ времени болѢе преуспѢвало. Достигли они той радости, что не находилось уже во всемЪ государствѢ ниже одного сына, чѢмЪ либо забывающагося противу отца и матери. Легко уже имЪ тогда ста-*

тельство, отличают священное его семейство паче, нежели порфира, в которую облечен. Стихотворец изражается: . . . „Матерь прижимает младенца ко груди своей, теснит в объятиях своих, уста ея множество крат касаются лицу его; не говорит еще, но угадывает она все его пожеланія, будучи движима врожденною силою чадолюбія.„ Когда еще не была матерію, таковая сила вложена уже была в ея сердце рукою естества; материнство даровало силе сей только деятельность.

Пример Царскаго семейства несравненно более открывает любовь к доблести и наклонность ко благу, с коими все человеки произходят на свет. Естьли взаимный союз и таковое же угожденіе соединяет сердца, то подражаніе проявит подобные же примеры, умножит их, разпространит и на все прочія семейства. Когда же несправедливость и злодейство вникнут в них, погибло все. От искры сей возникнет пожар; везде и все запылает. В таком разуме сказано негде: . . „Одно слово может все погубить. Один человек все спасти может.„ Благотворительность Яоа и Шуна вошла в сердца подданных их до единаго. Кіэ и Тшеу

стало научать прочим должностям: вести жизнь добродетельную. Умилительные примеры сыновскаго повиновенія вложили им в руки ключь от сердец; соделалося только нужно изрещи им: веленію их каждый послушествует с радостію, пріемлет оное с веселіем, исполняет с поспешностію... Конфуцій в Гіао-Кинге.

Тшеу (Х) напротивъ насадили въ нихъ безчеловѣчіе, учинили вмѣстилищами всѣхъ своихъ пороковъ. Надобно, чтобъ Царь чуждъ былъ преступленій, кои наказуетъ; имѣлъ доблести, коихъ взыскуетъ: и тогда уже всего да надѣется, всего да ожидаетъ отъ подданныхъ. Не было народа ни сопротивлявшагося примѣру Царей, ниже непослѣдовавшихъ онымъ (Ц). Чи-

(Х) *Кіэ и Тшеу суть Нероны и Калигулы Китая. Первой изображается въ Шу-Кингѣ и лѣтописяхъ Государемъ, разслабившимся отъ нѣги и сладострастія, безъ правилъ чести, безъ религіи, разточитель для своихъ забавъ и тѣлоугодія даже до бѣшенства, гордъ въ требованіяхъ, подлъ въ поведеніи, вѣроломенъ и безчеловѣченъ равно; подобно женщинѣ, забывшей стыдъ и пристойность; съ неистовствомъ употребляющъ власть свою во зло, угнѣтая народы и срамя себя даже до посмѣшища, вымышляя забавы.*

Вторый рожденъ съ дарованіями и качествами преизящными, достойными великихъ Государей, но сталъ чудовище разточенія; піянство, падкость къ женскому полу, чрезъ всю жизнь его низвергали постепенно изъ порока въ порокъ, и преобратили напослѣдокъ въ нѣчто хуждшее, нежели скотъ. Опустошилъ онъ всѣ государственныя сокровищницы на забавы и увеселенія, лишилъ жизни несмѣтное множество безвинныхъ людей, ругался самому естеству, присоединяя самыя ужасныя кары къ разпутствамъ и нечестію своему.

Династія Гіаэва окончалась Кіеэмъ, а Тангова Тшеуэмъ.

(Ц) *Любящій отца и матерь не посмѣетъ нико-*

Читаемъ въ Ши - Кингѣ: . . . . „ Абрикозовое „ древо, увѣнчанное весною цвѣтами и пріятною зе„ ленью, есть предметъ удовольственный глазамъ пріятною яркостію красоты своей. Такова младая ново„ брачная входитъ въ домъ супруга своего; кро„ тость и пріятности, послѣдующія стопамъ ея, „ входятъ же въ сердца всѣхъ. „ Доблести Государя и благословеннаго семейства его вникаютъ въ сердца подданныхъ еще съ большею готовостію; летятъ оныя

никого ненавидѣть, не посмѣетъ никого же презирать. Когда Императоръ любитъ и чтитъ родителей своихъ сердцемъ и поступками, великій сей примѣръ научитъ подданныхъ его и заставитъ исполнять должности сыновняго повиновенія; самые дикіе жители острововъ морскихъ будутъ онымъ же уловлены. Надобно, дабы самъ Императоръ превосходствовалъ въ доблести сей. Одинъ въ ней простирается, стоитъ въ лѣтописяхъ; тысячи сердецъ слетаются подражать примѣру... Говорю, сыновнимъ повиновеніемъ Императоры научаютъ народы и влекутъ къ доблести. Нѣтъ нужды имъ путешествовать по государству для преподаванія уроковъ: примѣръ ихъ разнесется вездѣ на крыльяхъ славы, будетъ вѣщать всѣмъ сердцамъ; всѣ сердца услышатъ гласъ, и кто же дерзнетъ менѣе чтить родителей, менѣе любить братьевъ, дорожить друзьями Государя своего? О имя презнаменитое отца народовъ! пишется въ Ши-Кингѣ; приличествуешь ты тому только, кто примѣрами своими учинилъ людей добродѣтельными и уловилъ Тіэну, ему ихъ покорившему. . . Конфуцій въ Гіа - Кингѣ.

оныя на срѣтеніе имъ, дабы скорѣе запечатлѣть ихъ въ себѣ.

Стихотворецъ вѣщаетъ: . . . „ Какъ же почтителенъ къ старѣйшему брату своему! Съ какою же „ нѣжностію любитъ брата своего юнѣйшаго! „ Государь, добрый братъ, краснорѣчиво научаетъ подданныхъ быть таковыми же; да и право имѣетъ заставлять ихъ стать таковыми.

Слова стихотворца же: . . . „ Непорочная жизнь „ всюду, на далекое разстояніе, распростираетъ на„ ставленія свои. Невинностію ея исправляются обще„ народные нравы.„ Государь, добрый отецъ, добрый сынъ, добрый братъ: народы спѣшатъ уподобиться ему. Онъ-то достигнетъ истинныя цѣли правительства, являяся только занятымъ чувствованіями прекраснаго сердца своего и спокойствомъ собственнаго своего семейства.

9. Государь, чтущій глубокія лѣта старцевъ; (Ч) доблесть мудрыхъ; который отличаетъ достоин-

(Ч) *Въ Книгахъ и лѣтописяхъ читаемъ, что древлѣ почтительность и уваженіе къ старцамъ, и почести и отличія, имъ воздаваемыя, были главнѣйшимъ правиломъ правительства.* 1) *Возвращаяся съ ловли, относили къ нимъ часть добычей, хотя и не участвовали въ ловитвѣ.* 2) *Дѣти ихъ увольнялися отъ войны и отъ всякихъ иныхъ общественныхъ должностей.* 3) *Троекратно на каждый годъ угощали ихъ великолѣпнымъ обѣдомъ; въ столицѣ сами Императоры сидѣли за сто-*

стоинства особъ государственныхъ, превосходство, украшенныхъ дарованіями; естьли умиляется сердце его

столомъ, по другимъ же городамъ Князи, правители, вельможи и Мандарины. 4) Освобождалися отъ всего могущаго ихъ безпокоить въ торжественныхъ собраніяхъ при Дворѣ, на празднествахъ и во времена ношенія печальныхъ одеждъ. 5) Въ самой глубокой старости не только не наказывалися ни за какія преступленія, но не оскорбляли ничѣмъ дѣтей и внучатъ, дабы ихъ не опечалить. 6) Осьмидесятилѣтніе члены Совѣта имѣли право сказывать откровенно Императору мнѣнія свои, ему противорѣчить, могли выходить изъ Совѣта прежде окончанія дѣлъ, и являться въ оной, когда только хотѣли. Вступая на восемдесятъ первый годъ, посылали отъ себя привѣтствовать съ тѣмъ Государя, который того же дня, пославъ предъ собою дары, посѣщалъ ихъ и не отказывалъ, о чемъ бы ни просили. Конфуцій убѣждаетъ Императоровъ не отмѣнять никогда древніе обычаи, и доказываетъ, что доблесть и испытаніе установили оные. Далѣе говоритъ: . . . Сыну лестны уваженія ваши ко отцу его; брату милости къ брату его. Каждый городъ, каждая область, обяжется за почести, дѣлаемыя вами старцамъ. Тысячи сердецъ возблагодарятъ васъ за одного таковаго подданнаго вашего. Подражаніе разпространитъ, умножитъ, возраждать станетъ и домчитъ къ потомству изящные примѣры ваши несмѣтными образами.

Династія Ганская, меньше другихъ удаленная отъ древности, чрезъ долгое время благоденство-

его слезами нещастныхЪ, нуждами сиротЪ: народы обожаютЪ его и сами по себѢ бываютЪ послушныя дѢти, братолюбцы, жалостливы и сострадательны. Сердце Царя учиняетЪ таковыми сердца ихЪ: оное есть и первая движущая ихЪ сила и правило ихЪ. А дабы сердце усовершенствовалося еще полнѢе и не могло бы никогда себя обманывать, да удерживается отЪ того, что оскорбляетЪ подвластныхЪ; да удерживаются и сихЪ сердца вЪ разсужденіи того. Царь да удаляется отЪ гибельныхЪ путей, по которымЪ шествуя предки его заблуждали; да не ходитЪ же путями, по коимЪ потомки его заблуждать же могутЪ. Десница да не біетЪ ласкаемаго шуйцею, ни сія ласкаемаго тою; да не взыскуетЪ, на что самЪ не соглашается; непрестанно да примѢняетЪ кЪ себѢ состояніе подданныхЪ, и по тому да познаетЪ состояніе собственное свое.

СтихотворецЪ такЪ изЪясняется: . . . „Любе„зный и милый Государь! ты отецЪ и мать народа „твоего. „ Хощеши ли заслужить великую таковую похвалу, входи, присвоивай себѢ наклонности твоего

 наро-

ствовала и процвѢтала чрезЪ почтеніе кЪ престарѢлымЪ и попеченіями обЪ нихЪ. Ву-Ти такЪ начинаетЪ провозглашеніе свое кЪ народу: . . . ПрестарѢлый озябнетЪ безЪ одежды теплой; не можетЪ удерживать остатка силЪ своихЪ, не вкушая мяса. Да увѢдомляютЪ меня ежегодно о числѢ стариковЪ во всякой округѢ, коихЪ семейства не вЪ состояніи снабдѢвать теплыми одеждами, мясною пищею и виномЪ. ПовелѢваемЪ отпускать на оное изЪ казны нашей, накопляющейся отЪ сбереженія разходовЪ.

народа, разумѣй ихъ собственными; будь отецъ и мать ему; благоугождайся, что ему угодно; ненавидь, что ему ненавистно (Ш).

Слова стихотворца же :...„ Южныя горы! „ гордые ваши верьхи не представляютъ зрѣнію ничего „ инаго, кромѣ громадъ утесныхъ каменныхъ бугровъ, „ безобразно висящихъ одни надъ другими. О Инъ! ты „ паче еще устрашаешь взоры унылаго народа твоего: „ не возводятъ ихъ на тебя безъ трепета.„ Государи! бойтесь уподобляться ошаеваемому сему человѣку! Престолъ разрушится подъ вашею гордынею и погребетъ васъ подъ своими развалинами.

Есть мѣсто въ стихотвореніи :„ Егда Шангіи „ царствовали надъ сердцами, превыше ихъ былъ только „ Шанг-Ти, коего и изображали они любезное всѣмъ „ подобіе. Вы, преемники ихъ! измѣряйте высоту „ паденія сей династіи, и научитесь, что чѣмъ болѣе „ возвышено есть званіе ваше, тѣмъ труднѣе долж- „ но-

(Ш) *Государство, вѣщаетъ Тшанг-Гоэнъ, составилось не на тотъ конецъ, чтобъ всѣ области поспѣшествовали славу, удовольствія, богатство и могущество одного человѣка; но дабы одинъ человѣкъ правилъ жителями всѣхъ областей, какъ отецъ дѣтьми своими; промышлялъ имъ нужное, облегчалъ труды ихъ, доставлялъ веселіями, сносилъ недостатки ихъ, учинялъ ихъ добродѣтельными. . . Государь, не имѣющій никакихъ иныхъ печалей, радостей, отвращеній и приверженностей, кромѣ общихъ съ народомъ своимъ, поступаетъ съ подданными яко отецъ, и находитъ въ нихъ дѣтей себѣ.*

„ности онаго.„ Всѣ столѣтія вопіютъ: народная любовь даетъ въ руку скипетръ, на главу діадиму; отъ ненависти народной низпадаютъ оныя и разбиваются на части (Щ). Государь мудрый прилѣжитъ, предпочтительно предъ всѣмъ инымъ, утвердиться въ доблести и не престаетъ учинять себя лучшимъ, зная совершенно, чѣмъ наипаче будетъ добродѣтеленъ, по той же самой мѣрѣ и любимъ отъ подданныхъ; по той же самой мѣрѣ увидитъ приращеніе областей своихъ, умноженіе богатствъ и всякихъ благъ, дарующихъ изобиліе. Доблесть есть незыблемое основаніе престола, источникъ неизсякаемый властвованія; богатства же и всякія блага суть только украшенія оныхъ. Обманется ли онъ и пріиметъ побочное за существенное, подданные развратятся его примѣромъ, свергнутъ яремъ законовъ, вдадутся въ хищничества и разбои, изчерпаютъ и осушатъ всѣ прокопы, изрытые скупостію его, дабы текли ими къ нему сокровищи. Чѣмъ болѣе приходитъ злата и сребра къ рукамъ Государя скупаго, тѣмъ наипаче остываютъ сердца и удаляются отъ него. Добрый Государь истощаетъ сокровищницы, по той самой мѣрѣ мчатся къ нему сердца и наполняются имъ (Ъ).

(Щ) *Здѣсь намѣкаются Кіэ и Тшеу. Первый не могъ довести подданныхъ ополчиться на себя; вторый оставленъ былъ отъ войска.*

(Ъ) *Великая уразa политики Као-Тцуа, основателя династіи Гановъ, состояла во облегченіи податей, во отмѣненіи пышности, роскоши, великолѣпія и расточительности минувшихъ предъ нимъ династій. Гдѣ бы ни находилося воинство, жители изъ*

Законъ всѣхъ вѣковъ: „Обидное слово, осквернивъ „уста, произнесшія оное, входитъ во уши и раздираетъ ихъ.„ Скупость Государя когда развратитъ добродушіе подданныхъ, нечестіе ихъ расточитъ богатства его, собранныя неправедно.

Въ Шу-Кингѣ: . . . „Всевышній Учредитель „жребіевъ нашихъ не всегда защищаетъ возведенныхъ „Имъ на престолы.„ Тою же рукою, возведшею Государей, коихъ доблести могутъ подпирать славу и справедливость оказаннаго имъ предпочтенія предъ прочими, низвергаетъ безчестящихъ избраніе Его пороками своими": правосудіе Всевышняго обязаннымъ себя находитъ низвергнуть таковыхъ. . . „Вы меня вопрошаете, говаривалъ нѣкій вельможа знаменитый „къ чужестраннымъ Посламъ, что всего драгоцѣннѣе, „что всего наипаче уважается въ царствѣ Тсускомъ? . . . „Нравы наши отвѣчаютъ вамъ: доблесть!„

Отвѣтствіе мудраго Кіэуа не меньше прекрасно. Законы призывали племянника его на престолъ, упраздненный отеческою смертію. Царь, къ которому принялъ онъ прибѣжище свое, обѣщавался вспомоществовать ему; всѣ увѣряли его, что всякое замедленіе возпрепятствуетъ ему въ томъ. Но Кіэу вѣщаетъ ему: . . . „Утопай въ слезахъ. Кромѣ оплакиванія смерти отеческой, ничѣмъ не занимайся. „Ты

изъ любви къ нему свозили всякіе запасы въ большемъ несравненно количествѣ, нежели когда бы доправляемо то съ нихъ было принужденіемъ. Онъ издѣваясь говаривалъ: . . . Ключь отъ сокровищницы моей не у меня, а у моихъ подданныхъ.

„Ты изгнанецъ, но важный долгъ сыновняго привер-
„женія долженъ цѣниться тобою превыше діади-
„мы (Ы).„

„Увы! вопіетъ Му-Конгъ, угнѣтаемый на-
„поминаніями войны, безразсудно начатой, оконченной
„же бѣдственно; не превосходныхъ способностей ищу
„я въ государственномъ человѣкѣ для удостоенія
„его довѣренностію моею, но имѣющаго здравый разумъ,
„чистое

(Ы) *Бытіе сіе пространно описуется въ Ли-Кіѣ. Тшонгъ-Эульгъ, сынъ отъ первой супруги Царя Шен-Сискаго, законный наслѣдникъ престола, скрывался отъ пагубныхъ сѣтей мачихи своей во области Шан-Сискаго Царя. Сей прислалъ увѣдомить о смерти отца его, обѣщаяся вспомоществовать ему въ полученіи наслѣдія, естьли не пропуститъ возпользоваться смутностію печальнаго таковаго времени въ отеческой столицѣ, внезапу и устремясь на хищника, принудитъ народъ признать права свои. Юный Царевичъ восхотѣлъ прежде посовѣтовать о томъ съ братомъ матери своей, который сопутствовалъ въ бѣгствѣ его, и потомъ отвѣтствовать чрезъ присланнаго Шан-Сискому Царю. Тшанг-Эульгъ, повинуяся ему, поручилъ посланнику принести благодареніе Царю за пріемлемое участіе въ состояніи его, и къ тому пріобщилъ: . . . Отчужденнаго бѣглеца, который лишенъ утѣшенія омыть гробъ родителя и Государя своего слезами, видѣть погребеніе его, вся душа заемлется кончиною его и сокрушеніемъ. Недостоинъ являюся милости и покровительства твоего, естьли бы хотя на-*

„чистое сердце, великую и чувствительную душу; „который бы любилъ и чтилъ достоинства безъ „всякой примѣси зависти; который бы выискивалъ „дарованія и покровительствовалъ онымъ безъ наи„малѣйшаго лицепріятія. Уважалъ и поощрялъ до„блесть съ равнымъ снизхожденіемъ, съ равнымъ „же жаромъ участвованія въ томъ, какое имѣемъ „мы въ разсужденіи насъ самихъ. Какъ же бы съ „таковымъ Министромъ спокойно нажидалъ я буду„щихъ временъ и для моего семейства и для общаго „жребія народовъ моихъ? Но естьли выборъ мой упа„детъ на человѣка, высоко о себѣ мыслящаго, кото„рый боится, удаляетъ отъ меня, предо мною „кроетъ, или утѣсняетъ одаренныхъ годностію, „знаніями, ревностію, людей заслуженныхъ, коихъ „праводушіе досаждаетъ гордынѣ его, ополчаетъ на „себя его зависть (ь)? Сколь бы ни преизящны „бы-

на одно мгновеніе объ иномъ я думать могъ. Подобный отвѣтъ восхитилъ Царя Шан-Сискаго. Хвалилъ Тшонг-Эульга предъ всѣми, и велѣлъ обнародовать слова его. Лѣтописи свидѣтельствуютъ, что сей младый Князь, бывъ вспомоществуемъ многими Государями, воцарился послѣ отца своего, въ половинѣ седьмаго столѣтія до Рождества Христова.

(ь) *Горы сгущаютъ воскуренія земныя, совокупляютъ облака, въ движеніе приводятъ вѣтры, воспламеняютъ молніи, сорастворяютъ всѣ годовыя времена во одинъ тотъ же день. Взирающему на нихъ изъ далека являются прозрачно голубы и какъ бы касающимися небесамъ; вблизи же громады каменныхъ холмовъ, безобразно взваленныя одни на дру-*

„были впрочемъ дары его отъ природы, чего „могутъ ожидать мои потомки, народы мои? Цѣлое „царство мое не подвергнулъ ли самъ лютымъ злоклю„ченіямъ?„ Таковые Министры рождены на упадокъ и разрушеніе государствъ. Добрые только Цари умѣютъ отметать услуги ихъ; удаляютъ отъ себя, и дабы не оскверняли пребываніями своими области ихъ, караютъ ссылками къ народамъ дикимъ, сходствующимъ съ ними пороками. Конфуцій нѣгдѣ сказалъ: . . .„ Благотворительность Государя не меньше „проявляется строгостями его, какъ и самыми чув„ствительнѣйшими свидѣтельствами благоутробія „его.„ Обладатель народа, не имѣющій довольно

 духа

другія, и лѣса, обитаемые тиграми и разбойниками. Таковъ есть Дворъ Царя, когда зависть путеводительствуетъ дѣлами вельможей. Бывали иногда примѣры достохвальной ревности дѣловыхъ особъ, въ доставленіи славою Государя ихъ и чтобъ намѣренія его успѣвали; но однимъ временамъ Яоа и Шуна относить можно, что вельможи другъ друга себѣ предпочитали, убѣгали отъ почестей, говаривали съ Царемъ не о себѣ, но о другихъ, подобно единоутробнымъ братіямъ, нѣжно любящимся предъ отцемъ ихъ. Да и при Яоѣ токмо и Шунѣ государство составляло единую семью. Государственная особа естьли съ завистію видитъ достоинства въ комъ либо, поелику болѣе одаренъ способностями и проницаніемъ, поелику болѣе навыченъ въ дѣлахъ, тѣмъ наипаче отъемлетъ онъ пособія у Государя и изрываетъ бездну вокругъ его въ царствованіе Гановъ, и прочее... Рѣчь Ліэу-Тшіа, въ Шу-Кингѣ.

духа созывать достоинства изъ далекихъ отъ себя мѣстъ къ почестямъ; или когда затрудняетъ имъ путь, насаждая оный терніемъ; или удостоевая повѣренностію своею такихъ, коихъ извѣстно ему нечестіе; или когда достойные при немъ люди порывами не вообще, а только иногда частно возводятся: разитъ онъ въ такихъ случаяхъ самъ себя, и отверзаетъ врата великимъ злоключеніямъ. Учинить любимцемъ своимъ предметъ общественной ненависти, или презирать почитаемаго всѣми (Ѣ), есть явное ополченіе противу всѣхъ умоначертаній о справедливости, написанныхъ рукою природы на сердцахъ; есть поводъ ко всеобщему ропоту; есть предпоставленіе самаго себя громовому удару, коимъ пораженъ будетъ. Всѣ столѣтія такъ вѣщаютъ, всѣ совѣсти человѣковъ твердятъ слова сіи: „Вѣрность, „правота, честность, суть истинныя опоры престо„ловъ Гордыня, двоедушіе, злоба, опровергаютъ ихъ.„

Чего ради заблуждать по стезямъ излучистымъ и мрачнымъ ложныя политики, когда сама премудрость ука-

(Ѣ) Сіе мѣсто Та-Гіо намѣкаетъ на перемѣну министерства, отъ которой произошло паденіе Гіаевъ и Шанговъ. Самые язвительнѣйшіе стихи находятся въ Ши-Кингѣ противу порочныхъ государственныхъ особъ; а ученые наши еще рѣзчѣе толкуютъ содержаніе Шу-Кинга: желчь и пелынь ліется съ пера. Подражаютъ въ томъ Конфуцію, учителю своему, осудившему на презрѣніе, ненавистъ и посмѣшище отъ всѣхъ столѣтій порочное министерство, о коемъ пишетъ въ Тшун-Тціэуѣ. Между главнѣйшими правилами ученыхъ нашихъ есть:... Чти Императора, хули порочныхъ министровъ.

указуетъ намъ путь толико свѣтлый, толико прямый, къ достиженію до метды нашей? Хощеши ли, чтобъ избыточное обиліе оживотворяло составъ государства, наполняло его повсюду крѣпостію здравія, чтобъ благодѣтельствовали и вкушали удовольствія всѣ члены онаго? . . . . Умножай полезныхъ соотечниковъ (Э), коихъ трудолюбныя способности созидаютъ и производятъ богатства. Уменьшай число тунеядцевъ, отъ коихъ разслабленія возрастаютъ только разходы и издержки (Ю). Общественныя работы да не пре-

(Э) *Глухіе, хромые, лишенные нѣкотораго члена тѣла своего, карлы, горбатые, суть способны къ чему нибудь и могутъ работать. Правительство даетъ имъ пропитаніе. Ли-Ки. Запрещается продавать на торжищахъ тканія цвѣтныя шелковыя, жемчугъ, сосуды изъ камней рѣдкихъ и дорогихъ, готовыя одежды; запрещается ставить столы съ пищею и отправлять званіе гостинниковъ. . . . Запрещается продавать на торжищахъ овощи, не соотьѣтствующіе годовому времени, ранѣе срока созрѣвшіе плоды, посѣченныя древеса въ юности ихъ, птицъ, рыбъ и животныхъ, убіенныхъ птенцами. . . . . Вышніе чиновники да доносятъ о томъ Импероторy, а ихъ да извѣщаютъ учрежденные надзиратели по торжищамъ. Императоръ, прочтя поданныя ему отъ нихъ бумаги, постится и послѣ прилѣжитъ о доставленіи покоя престарѣлымъ, уменьшеніи тягостей земледѣльческихъ; учреждаетъ разходъ слѣдующаго за тѣмъ года, смотря по доходамъ, на сей годъ полученнымъ. Ли-Ки.*

(Ю) *Въ Китаѣ шесть степеней подданныхъ: Ман-*

стаютЪ множить пособій государственныхЪ: мудрое хозяйство да разпростираетЪ ихЪ вездѢ. Истинная слава добраго Государя состоитЪ во обогащеніи подданныхЪ, а не себя. Надобны ему сокровищи, но для раздаянія оныхЪ. ЧѢмЪ болѢе онЪ благотворителенЪ, потому наипаче находитЪ подданныхЪ щедрыми и чувствительными; ревность ихЪ преодолѢваетЪ всякія препятствія ко успѢхамЪ намѢреній его; они не столь пекутся о собственныхЪ своихЪ имуществахЪ, какЪ о томЪ, чѢмЪ облагодѢтельствованы отЪ него.

ОкончаемЪ. Всякіе источники богатствЪ текутЪ для государства, владѢтель же не долженЪ никогда почерпать изЪ нихЪ. Благопристойность тоже возбраняетЪ и вельможамЪ. СказалЪ нѢкто древлѢ:.. „У кого на стойлѢ борзые кони для колесницЪ его, „тотЪ не сопримѢшиваетЪ кЪ жертвоприношеніямЪ „своимЪ домашнихЪ птицЪ. Употребляющій замороженныя снѢди вЪ пиршествахЪ не кормитЪ самЪ живошныхЪ, коихЪ мяса подаются у него на столЪ. „Повелитель ста колесницЪ вЪ войскѢ стыдится „умножать доходы чрезЪ придѢпки сборщиковЪ; лучше закроетЪ глаза, да не видитЪ кражЪ ихЪ, нежели чтобЪ не видѢть же толикой своей подлости.„ Правосудіе есть неизмѢримый и неизчерпаемый источникЪ богатствЪ государства. Таковое-то неоцѢненное сокровище долженЪ безпрерывно приращать ВладѢтель. Оно богатѢетЪ самою вещію имЪ однимЪ. Величіе государства есть плодЪ мудрости и добродѢтели Государя (Я). Кто мыслитЪ, что оное есть пло-

Мандарины, военные люди, ученые, земледѢльцы, художники, купечество.

(Я) *Понятіе вЪ КитаѢ о славѢ и величіи государства проистекаетЪ*

плоды богатствЪ: мыслитЪ низко, мыслитЪ безчеловѣчно. Горе Владѣтелю, внемлющему дѣловца своего такЪ вѣщающаго, и послѣ того еще оставляетЪ вЪ рукахЪ его власть свою. Всѣ мудрые мужи царства соединенно безсильны явятся засыпать бездну, которую изрываетЪ таковый дѣловецЪ подЪ ногами его, ниже удерживать отЪ паденія вЪ оную. Прибыли отЪ сбереженія разходовЪ принадлежатЪ не государству, а Государю (Θ). Государство уже богато едиными токмо правосудіемЪ и доблестію Царя.

хаетЪ отЪ древняго удостовѣренія, что каждый подданный есть членЪ великаго государственнаго семейства; что имѣетЪ онЪ право на пропитаніе свое и содержаніе, на сохраненіе здравія, снабдѣніе выгодами жизни соотвѣтственно состоянію своему. Есть старинная пословица:... Когда заржавѣли сабли, сошники свѣтятся, темницы пусты, житницы полны, ступени лѣствицЪ у храмовЪ грязны, дворы предЪ судилищами поросли травою, врачи ходятЪ пѣши, мясники ѣздятЪ на коняхЪ; когда много видятЪ старцевЪ и малолѣтныхЪ, тогда добрѣ управляется царство.

(Θ) *ПодЪ Шеуями, говоритЪ Кіа-ШанЪ, Императоры имѣли доходы только сЪ вотчинЪ своихЪ и весьма малую дань сЪ областей; сокровищницы были наполнены и никогда не истощевались. Тсин-Ши-ГоангЪ присоединилЪ кЪ вотчинамЪ своимЪ всѣ таковыя же побѣжденныхЪ имЪ Царей, умножилЪ подати вЪ государствѣ, повсюду учредилЪ таможни и соляныя продажи; горы злата и сребра, свозимыя отЪ всѣхЪ странЪ, составлялися предЪ нимЪ; не доставало однако же ихЪ на*

на государственные разходы. Но такъ и быть надлежало. Не количество снѣдей питаютъ, но доброе вареніе желудка. Тоже самое и въ разсужденіи государства: отъ благаго токмо управленія обогащается. Тшеуи обирали токмо плоды съ древесъ; Тсин-Ши-Гоангъ обнажалъ и вѣтви отъ листьевъ: древеса ослабли и засохли.

ТШОНГ - ІОНГЪ,

или

ТОЧНАЯ СРЕДИНА.

Тіэнъ напечатлѣлъ законъ свой въ сердцахъ нашихъ; естество его намъ открываетъ (А). Правила нравовъ основаны на его ученіи. Премудрость состоитъ въ познаніи, доблесть въ послѣдованіи оныхъ.

Правила нравовъ, правила непреложныя, не были бы таковыми, егда могли бы премѣняться. Неподпадающее чувствамъ влечетъ на себя вниманіе мудраго и производитъ въ немъ страхи. Коликое множество вещей, коихъ не видѣли очи его, не слышали уши! но самымъ тѣмъ и суть онѣ наивысшія: во святилищѣ токмо совѣсти (Б) постигаются.

Егда

(А) *Древняя буква Сингъ, естество, составляется изъ таинственнаго знака Господь и изображенія сердца. Книга Ліэу-Шу такъ толкуетъ естество: наклонность человѣка къ первобытному своему произхожденію, сирѣчь ко благу, отъ коего проистекаетъ всякое благо. Томъ третій, листъ осьмыйнадесять. Словарь буквъ Тшуанг-Тсеэскихъ изражаетъ кратче: воля Тіэна, вразумляющая сердце о себѣ, зовется естество. Листъ сорокъ осьмой. Тшао-Тсеэ, именитый Философъ временъ Сонговыхъ, обьясняетъ то инако: естество есть свѣтъ и прикосновеніе чувствуемое невидимой премудрости.*

(Б) *Кіэу-Сунъ такъ толкуетъ совѣсть: свѣтъ внут-*

Егда страсти дремлютъ, спокойно подгибая главу свою подъ скипетръ здраваго разума, вся душа находитъ себя во глубокой тишинѣ: сія-то самая тишина нарицается точная средина. Пробужденія страстей и порывы естьли не извлекаютъ ихъ изъ предѣловъ, то сіе состояніе души нарицается взаимосогласіе. Точная средина есть основаніе, опора всего міра; взаимосогласіе же есть великое правило и истинная связь всего въ немъ. Отъ совершенства и той и другаго, какъ отъ источниковъ своихъ, произтекаетъ покой всѣхъ веществъ вообще, и жизнь всѣхъ же существъ.

Конфуцій сказалъ: . . . „Мудрый держится „точныя средины во всѣхъ вещахъ (В), несмыслен-„ный же удаляется.„ При-

внутренній и сокрытый, меня одного освѣщающій; гласъ тайный и глухій, мнѣ одному слышный; прикосновеніе нѣжное и духовное, меня токмо самаго приводящее въ движеніе, неотступное при мнѣ, нещадящее меня ни въ чемъ. Наши Философы совѣсть подъ разными разумѣютъ названіями: властелинъ сердца, совѣтникъ здраваго разума, вождь души, наперстникъ доблести, должности ходатай, щитъ слабости, зеркало незлобія, отголосокъ Тіэна, узда страстей, пугалище пороковъ, и прочее.

Различаютъ они пять временъ въ совѣсти: егда освѣдомляетъ, егда нудитъ, егда одобряетъ и порочитъ, егда утѣшаетъ, и егда наконецъ притаивается и засыпаетъ. Кіэн-Лонгъ, нынѣ владѣющій Императоръ, включилъ въ сочиненіе свое: храмъ утѣхъ добродѣтели, прекрасную рѣчь о совѣсти.

(В) *Ученые наши мятутся нѣсколько во объ-*

Пріобщаю къ тому: ... Мудрый приверженъ къ оной по избранію, несмысленный удаляется по нежебренію.

„Точная средина! о какъ ты велика и возвы„шенна! еще слова Конфуція; но сколь же и мало „такихъ, которые бы долго держалися на тебѣ! Самъ „я вопрошалъ себя, отъ чего бы сіе было? Дознался, „что философы (Г) мчатся далѣе, невѣжды же не „достигаютъ. Да и не извѣстна она и тѣмъ и дру„гимъ: первымъ по тому, что поставляютъ прему„дрость въ обозрѣваніи находящагося далѣе ся; по„слѣднимъ же не достаетъ духа къ ней приближить„ся. Таковы суть люди: снѣдей, ежедневно влагае„мыхъ во уста и коими питаются, рѣдкіе умѣютъ „цѣнить тучность. Горестно и тяжко, что къ „истиннѣ весьма немногіе стремятся!„

О премудрость! премудрость высочайшая! каковую стяжалъ Шунъ; любилъ просить совѣтовъ, раз-

объясненіи Конфуціева слова, точная средина. Такъ называемое великое толкованіе пріемлетъ оное союзомъ вообще всѣхъ должностей и взаимо-согласіемъ всѣхъ доблестей; но мудрый, представляемый здѣсь Конфуціемъ, не представляется имъ какимъ либо человѣкомъ ученымъ. Наука, говоритъ Тшин-Тсеэ, есть то въ разсужденіи премудрости, что зрѣніе очей здоровью человѣческому. Но сколько кривыхъ и слѣпыхъ совершенно здоровыхъ!

(Г) *Три рода философовъ: одни закрываютъ врата свои, другіе уста, третіи сердце, четвертые ротъ; сжимавшихъ руки уже болѣе не существуетъ. Ли-Тсеэ.*

разсматривалъ наружности, будто бы не примѣчалъ худыхъ людей, хвалилъ добрыхъ, держался точной средины, между тѣми и другими правительствуя государствомъ (Д): оное то учинило его образцемъ и предметомъ удивленія всѣхъ столѣтій. Ко-

(Д) *Као-Яо, верьховный начальникъ надъ правосудіемъ, когда хвалилъ его Шунъ за спокойствіе, согласіе, добрый порядокъ, любовь, должности, зрящіяся во всей имперіи, коими долженъ онъ его попеченіямъ, отвѣчалъ ему: . . . . О великій Государь! чего ради не познаваешь собственныя твоея славы? Величіе сопутствуетъ тебѣ и въ самыхъ маловажнѣйшихъ твоихъ дѣяніяхъ, благотворительность превитъ всѣми твоими поступками, разкаяніе виновнаго отца не простираешь на сына его, щедроты твои ищутъ поздныхъ потомковъ, совершителей великихъ твоихъ дѣлъ; прощаешь ты погрѣшенія не злобствуя; наказываешь, но прежде довольно обмысливъ важность преступленія; поднятую руку твою карать удерживаетъ милосердіе твое; должно ли тебѣ наградить кого, награждаешь достойно себя. Лучше хощешь многія злы оставить ненаказанными, нежели единожды ошибиться пораженіемъ невинности. Кровolитіе гнусно тебѣ; не легко заставить тебя оное проявить. Вотъ чего ради сталъ дорогъ ты народу твоему! Сіе-то самое власть судей твоихъ учиняетъ святою!.. Нѣтъ, нѣтъ! возражаетъ Шунъ, я себя знаю: душа моя хотя клонится правительствовать такимъ образомъ, но совѣты твои ее утверждаютъ. Незлобивое правленіе мое надъ областьми есть дѣло рукъ твоихъ, тебѣ довлѣетъ и слава. ... Шу-Кингъ, глава третія.*

Кому не лестно имя мудраго? Сей хвалится со всею на себя благонадежностію быть таковымЪ; но не видитЪ сѣтей, предЪ нимЪ разставленныхЪ: упадаетЪ, и не можетЪ извлечь себя. Подобно же и вЪ разсужденіи доблести. Я рѣшился, скажетЪ ли кто, я не отступлю отЪ точныя средины; не проминовалЪ еще мѣсяцЪ времени, онЪ уже весьма далекЪ отЪ нея. Слабость ли, безсиліе ли человѣка? Но Гоэи (E) также рожденЪ, какЪ мы; Гоэи не уклонялся никогда сЪ точной средины. Доблесть снисканная осталася сЪ нимЪ по смерть его; ибо привергся кЪ ней всею душею, и безпрестанно новыми и тѣснѣйшими узами кЪ ней себя прикрѣплялЪ.

(E) *Гоэи-Тсеэ, знаменитый между учениковЪ Конфуція, былЪ Государь его, владычествуя вЪ царствѣ ЛусскомЪ, что нынѣ область Шан-ТонгЪ, или Кан-ТонЪ; хотя произходилЪ отЪ древнихЪ и знаменитыхЪ предковЪ, жившихЪ во времена овладѣнія ИмператорскимЪ престоломЪ Тшеуями, но былЪ не богатЪ. Конфуцій сказалЪ ему нѣкогда: . . . . Ты живешь вЪ неимуществѣ и незнати; чего же ради не ищеши щастія при Дворѣ? . . . НивЪ моихЪ довольно кЪ моему пропитанію и содержанію. Могу забавляться музыкою. Ученіе, отЪ тебя полученное, доставляетЪ душѣ моей всѣ желаемыя ею удовольствія. Не помышляю о государственныхЪ чинахЪ. ПредЪ глазами моими равны нищета и богатство, низкая жизнь и почести; чтобЪ чтили меня безЪ боязни, чтобЪ любили меня мудрые, а я сЪ ними вмѣстѣ премудрость; чтобЪ окончалися дни мои вЪ безмятежіи и безпечально: вотЪ единый предметЪ моихЪ желаній.*

Признаемся, можно со славою носить тягость діадимы на главѣ человѣку, попирать ногами богатство, презирать смерть; но находить въ себѣ весьма еще мало силы, дабы смѣлыми стопами шествовать узкою стезею точныя средины и не потерять ее.

Что сила? вопросилъ Тце-Лу Конфуція . . . „У южныхъ народовъ состоитъ во уловленіи сердецъ „къ доблести благотворительностію и удостовѣре-„ніями; во отвращеніи отъ порока терпѣніемъ и кро-„тостію. Сія есть сила философовъ. Народы сѣвер-„ные поставляютъ ее въ томъ, чтобъ спать въ оде-„ждахъ на лукахъ и копьяхъ, отваживаться не блѣд-„нѣя на опасности и смерти. Сія есть сила витя-„зей (Ж). Чтобъ добродѣтели уступали снисходи-„тель-

(Ж) *Миръ, наименѣе славный, предпочтителенъ самымъ громчайшимъ успѣхамъ войны, которыя суть свѣтъ пламени погасающаго пожара. Украшающіеся побѣдоносными лаврами любятъ убійство и кровопролитіе, слѣдовательно достойны выключенія изъ числа человѣковъ. Предки наши говаривали: не воздавайте побѣдителямъ иныхъ почестей, кромѣ погребательныхъ; подступайте къ нимъ со слезами и воплемъ, оплакивая память убіенныхъ ими, чтобъ памятники подвиговъ ихъ окружалися гробницами. Тао-Те-Кингъ глава* 31.

Прекрасныя таковыя правила древности еще у насъ не забвенны. Ахиллесы, Александры, Кесари заморянъ разумѣлися бы чудовищами въ Китаѣ. Станется, что наши ученые не суть храбрецы, но не умѣютъ льстить, не умѣютъ же по достоянію воздавать спра-

„тельности; чтобъ снисходительность и благоуго„ждение не доводимы были до малодушія; чтобъ сто„ять прямо въ толпѣ людей, ходящихъ туда и сю„да, и не нагибаться отъ толканія со всѣхъ сто„ронъ; чтобъ простираться въ доблести, когда она „въ почтеніи, не наскучивая, ниже возгордѣваяся; „не уважать осмѣянія всенароднаго, храня невинность „свою; охотнѣе умереть, нежели нарушить должно„сти: вотъ истинная сила, каковую стяжати ищетъ „мудрый. Сколько пустоты въ глубокихъ оныхъ „изысканіяхъ, громкихъ оныхъ подвигахъ, которые „суетностію человѣческою предуставляются чудеса„ми для грядущихъ столѣтій!„

Мудрый избралъ ли для себя родъ жизни? . . . Начинаетъ шествіе, какъ скоро отверзутъ ему путь; шествуетъ шагами ровными, и не отступаетъ никогда вспять. Горе лишающемуся духа, и кто остановится на таковомъ пути! Но прежде сказаннаго избранія мудрый справляется съ силами, и не уклоняется за предѣлы точныя средины. Святому токмо приличествуетъ (3) бѣжать отъ суетъ міра. Остава-

Ъ 3

справедливости великимъ воинамъ; заразили тѣмъ же и весь народъ нашъ; но война народу нашему столь была бѣдственна, болѣе нежели чрезъ шесть сотъ лѣтъ безпрерывно, что оная не можетъ довольно казаться ему ненавистною.

(3) Слово святый не такъ здѣсь разумѣется, какъ въ Европѣ. Установлено у насъ прилагать оное къ имени матери владѣющаго Императора, самимъ Императорамъ по смерти, нѣкоторымъ отмѣнно достойнымъ и мудрымъ мужамъ. Удивле-

ваяся во мракѣ неизвѣстности объ немъ, не печется, что невидѣнъ, непримѣчаемъ.

Правила, начертаваемыя мудростію, безчисленны; осторожности, поступая по онымъ, безконечны. Однако же самый грубый невѣжда, жена самаго мѣлкаго ума, могутъ оное понимать и воспарить до самой крайней высоты. Однако же и самъ мудрый видитъ безпрестанно бѣгущею отъ него точную средину: превозходитъ она равно и его проницаніе и его доблесть.

О

ніе и почтеніе общее налагаетъ же прозвище святаго и живымъ людямъ безпорочнаго поведенія. Буква, значущая святый, есть таинственный знакъ Гина: на верьху одинъ глазъ и одно ухо. Ліу-Шу такъ толкуетъ:... Человѣкъ, совокупно съ Тіэномъ властвующій истинною, который производитъ великія премѣны во правахъ. Доблесть истинная, становящаяся видною только страданіемъ. Придатокъ толкованія буквы сей есть: превосходный посреди человѣковъ, который изъясняетъ волю Тіэна. Томъ третій, страница вторая... Таинственный знакъ, или буква Гинъ, есть составъ: изображеніе человѣка и втораго. Знаменуетъ, по мнѣнію того же сочинителя, таковый, съ кѣмъ ничто не можно равнять. Онъ одинъ властитель совокупно съ Тіэномъ. Не отрицается ни отъ какихъ трудовъ. Конфуцій никогда не хотѣлъ принять назвища Шенгъ, то есть святаго, и всегда говаривалъ, что святый есть на западѣ.

О премудрость! сколь ни яркіе разливаешь ты лучи по неизмѣримому пространству земли и небесъ, человѣкъ является не познавать тебя и ропщетъ на твои дары. Да созерцаютъ тебя по меньшей мѣрѣ во избранныхъ тѣхъ душахъ, въ коихъ ты обитаешь. Цѣлый міръ тѣсенъ для ихъ доблести, вся злоба онаго безсильна противу послѣдней.

„Орелъ (И), вѣщаетъ стихотворецъ, возлетаетъ, подъемлется выше облаковъ. Китъ нырястъ, мчится стрѣлоподобно, касается дну моря.„ Таковъ есть святый. Возвышается ли, или опускается: доблесть его послѣдуетъ за нимъ, освѣщаетъ его всѣми своими лучами, достигаетъ предѣла теченія своего. Сколько шаговъ по пути самомъ обычайномъ, прежде нежели снищетъ человѣкъ крѣпость и мужество! Изъ усилія во усиліе, изъ доблести въ доблесть преходя, находитъ онъ себя наконецъ на верьху совершенства и премудрости.

Научайся обрѣтать человѣка въ человѣкѣ. Всякое познаніе, которое не отъ него собственно проиходитъ, есть не его, ниже для него. „Дровосѣкъ, „говоритъ стихотворецъ, беретъ на топорище себѣ „часть того же древа, которое срубить хочетъ.„ Мудрый подобно же обрѣтаетъ въ человѣкахъ наставленіе, какъ управлять ими (I). Послушествуютъ ли ему и исправляются, достигъ цѣли своей.

Ты

(И) Слово Ибенъ перевели мы орелъ; понеже первая есть водяная птица, не извѣстная Европѣ.

(I) Нашъ Рошфуко вѣщаетъ: . . . . Кто умѣетъ читать въ собственномъ своемъ сердцѣ, тотъ находитъ тайны всѣхъ

Ты со искренностію вопрошаешъ сердце твое, ты судишь о другихъ по себѣ: мужайся; ближишься уже къ премудрости. Первый ея урокъ есть: . . . „Не дѣлай никому того, чего не хощешь, чтобъ „дѣлали тебѣ.„

Увы! какъ далекъ я отъ того, даже и отъ великихъ тѣхъ должностей, которыя служатъ основаніемъ доблести и первой связи общежитія! Взыскую болѣе отъ дѣтей моихъ, нежели каковымъ былъ я противъ моего отца; требую болѣе отъ домочадцевъ, нежели что воздаю моему Государю; прежде меня рожденные братія мои не находятъ того, чего ожидаю отъ юнѣйшихъ моихъ братій (К); друзья мои не

всѣхъ иныхъ сердецъ. . . . Кто не знаетъ самаго себя, ничего еще не выучилъ. . . . . Мужу не довольно еще знакома жена, когда думаетъ, что она ему знакома; жена слишкомъ знаетъ мужа своего, дабы ей молчать объ немъ.

(К) *Наши Кинги, наши законы, наши нравы, наши обычаи и предразсудки, братственную любовь претворили въ доблесть столь существенную, столь нужную, столь строгую, что произошла между нами пословица: нелюбящій брата своего чуждъ всякой доблести. Здѣсь не меньше безчестно ссориться съ братомъ своимъ, какъ отказывать единоборство въ нѣкоторыхъ иныхъ народахъ. Судія осуждаетъ у насъ брата помогать брату своему, сколько бы ни былъ отъ него обиженъ. Прибѣгать къ судьѣ съ жалобою на брата есть столь же у насъ позорно, какъ нѣгдѣ не платить проигранныхъ*

не имѣютъ мѣста въ сердцѣ моемъ, а я хочу обитать въ сердцахъ у нихъ. Блаженъ, кто паче меня праведенъ и вѣренъ! Но тысяща кратъ блаженнѣе, который равно и праведенъ и вѣренъ во всѣхъ дѣяніяхъ и словесахъ жизни своей, ежедневно, ежечасно, ежемгновенно: естьли одни, суть отголоски другихъ неослабѣвающіе никогда, какъ взирая на насильства, учиняемыя имъ, такъ и на уваженія имъ показуемыя. По симъ-то чертамъ узнаю мудраго, удивляюся ему, славлю крѣпость духа его и непорочность его доблести.

Мудрый умѣетъ быть такимъ, каковъ онъ есть, и ничего болѣе пріобрѣтать не печется (*Л*).

ныхъ денегъ. Наши лѣтописи, наши сказки, комедіи, книги правоучительныя и надлежащія до словесныхъ наукъ; словомъ, каждое сочиненіе по своему славитъ горячность, восхищенія, прелести и утѣхи братственной любви. Великіе наши стихотворцы до единаго, послѣдуя примѣру Ши-Кинга, воздаютъ ей похвалу. Посредствомъ братолюбія снискиваютъ у насъ безсмертіе наравнѣ съ превосходствомъ дарованій и славою великихъ дѣлъ. Сеэ-Ма-Куангъ учинился знаменитъ призрѣніями престарѣлаго брата своего столько же, какъ достохвальнымъ управленіемъ должности перваго Министра, и сочиненіями своими, вѣчнаго достойными чтенія.

(*Л*) *Кому извѣстны красоты доблести, кто ими восхищается, за ничто поставляетъ смерть, могущую соединить его съ нею. Въ царство, поеклонное къ паденію, не вхо-*

Богатъ ли, занимаетъ ли государственное званіе, разпочаетъ благородно; достойное себя имѣетъ поведеніе. Въ убожествѣ ли и низкомъ состояніи, живетъ какъ неимущій и не выказывается; въ земли чуждей разумѣетъ себя пришельцомъ и соотвѣтственно тому поступаетъ; во всякомъ состояніи онъ тотъ же и довольный жребіемъ своимъ. Возведенный на высочайшую степень, выдерживаетъ знаменитость оныя, благодѣтельствуя и добродушествуя. Въ нищетѣ не уничижается никогда, не ползаетъ предъ вышшими, ниже обожаетъ глупцовъ (М). Всѣ его предпріятія, его желанія, его усилія, клонятся только ко усовершенствованію самаго себя. Не успѣетъ ли въ томъ, какъ бы хотѣлъ: себя одного винитъ. Слѣдовательно негодо-

входитъ мудрый; естьли же раздирается оное междоусобіемъ, убѣгаетъ изъ него. Законы безъ дѣйствія ли, преступленія не наказанны ли, прячется. Мудрый ищетъ возвышаться на степени, когда вождь къ нимъ доблесть, дабы учинить себя полезнымъ отечеству. Равно рдѣется быть празднемъ подъ владѣніемъ Государя добраго, и имѣть чинъ подъ владѣніемъ Государя злаго. Конфуцій въ Лун - Ю.

(М) *Мудрые и философы наши, паче иныхъ знаменитые, никогда не говаривали столь хичливо, какъ мудрые же и философы Греціи. Конфуцій знаетъ законы, вѣдаетъ образы правительства разныхъ царствъ, въ коихъ бывалъ; какъ же научился онъ знать все то? вопросилъ Тсенг - Тсея, одного изъ учениковъ его... Кротостію своею, чистодушіемъ, смиренномудріемъ, честностію и правотою, отвѣчалъ. Цари открывали предъ нимъ тайны свои и просили совѣтовъ. Лун - Ю.*

негодованіе никогда не огорчаетъ сердце его, никогда ропотъ не оскверняетъ его устенъ, что бы ни случилось. Судьбы Тіэна суть праведны предъ его глазами; справедливыми же разумѣетъ и человѣковъ. Всякія препятствія изчезаютъ сами собою предъ мудрымъ. Пути, по коимъ шествуетъ, суть прямы и удобопроходны; ибо мыслитъ только исполнять должное. Участь несмысленнаго, какъ же разнствена! Терніе роститъ у него подъ ногами (Н). Вдается въ неизчетныя опасности, дабы жати, гдѣ не сѣялъ.

„Искусный ратникъ не попадаетъ ли въ „цѣль, пишетъ Конфуцій, винитъ не лукъ свой и „не стрѣлы. Вотъ мудрый: однако же не малодушествуетъ. . . . „Путникъ, миная близкія одно отъ другаго мѣста, достигаетъ желаемаго края (О). . . . Мало помалу возходятъ на вершины высокихъ горъ... Тоже самое и въ разсужденіи доблести. Начнемъ тѣмъ, что къ намъ ближе.

Простолюдинъ не уражается красотами доблестей часто зримыхъ и извычайныхъ, не вѣдаетъ ихъ цѣны; „но, какъ изражаетъ стихотворецъ, гласъ лютни „не столь пріятенъ, какъ гласъ супруги, любящей „миръ

(Н) *Срывающій цвѣты нюхаетъ запахъ ихъ, срывающій терніе колется. Пословица.*

(О) *Исправлять погрѣшности свои, есть засыпать бездну; снискивать доблести, есть ставить гору. Рѣшето земли что для того и другаго? Ли - Тсеэ. Вниманіе на мѣлкія вещи есть хозяйство доблести. Тамъ же.*

„ мирЪ вЪ домѢ (П). О мирЪ! о согласіе семейственное,
„ община сердецЪ и душЪ! Ты даруешь радость и благо-
„ денствіе братіямЪ; радость чистую, щастіе сладостное.
„ Вы пробавляете устройство вЪ семьяхЪ, вами про-
„ цвѣтаютЪ вЪ оныхЪ доблести. Супруга доживаетЪ,
„ что кЪ утѣшеніямЪ отЪ дѣтей пріобщаются тако-
„ выя же отЪ внучатЪ: множатся веселія ея веселі-
„ ями же всѣхЪ ихЪ. „

ОтецЪ и мать (Р) подЪ бременемЪ престарѣнія наслаждаются отрадами жизни: сердца ихЪ, едва уже дви-

(П) *Кто вѣритЪ женѣ своей, обманывается; кто не вѣритЪ, обманутЪ. . . . Время раздираетЪ завѣсу истинны и облекается ею. Таковы суть женщины: открываютЪ тайны другихЪ для закрытія своихЪ таинЪ. . . ЯзыкЪ жены есть мечь ея: не даетЪ ему никогда заржавѣть. . . ЧѣмЪ болѣе жена любитЪ мужа, тѣмЪ паче исправляетЪ поведеніе. МужЪ чѣмЪ болѣе же любитЪ жену, по тому наипаче множится его развращеніе. ТотЪ и другая, любящіеся равенственно, долѣе остаются такими, каковы суть. Уанг - Тши.*

(Р) *Поелику любитЪ отецЪ сына, тѣмЪ прилѣжнѣе научаетЪ его. Мать по мѣрѣ любви кЪ дочери своей наряжаетЪ ее. ОтецЪ даетЪ совѣты сыну, требуетЪ ихЪ отЪ дочери. Мать сказываетЪ сыну, что хотѣла дѣлать нѣкогда; дочери же, что уже дѣлала. ОтецЪ опасается сЪ излишествомЪ оказывать любовь сыну; не довольно для него всякое оказаніе оной дочери. Мать при людяхЪ кЪ сыну ласкова, на единѣ же дуется на не-*

движущїяся вЪ груди, отверзаются и вкушаютЪ удовольствїе.

„Удовольствїя мудраго, говоритЪ Конфуцїй, „суть порывы души возвыситься вЪ горнїе предЂлы „духовЪ и созерцать превыспреннїя ихЪ силы.„ Они невидимы, но видятЪ ихЪ; не говорятЪ, но ихЪ слышатЪ. Узы, его сЪ ними связующїя, суть невещественны: ничто вещественное разорвать ихЪ не можетЪ. СоюзЪ небесный! ты учиняешь наичистЂйшимЪ свЂтЪ разума нашего; тобою красится незлобїе сердецЪ, всему составу нашему даешь положенїе обожательное; животворишь велелЂпные обряды наши и

него; дочь ласкаетЪ втайнЂ, бранитЪ явно. ОтецЪ выдаетЪ за мужЪ дочь, чтобЪ сжить ее сЪ рукЪ; женитЪ сына, чтобЪ не лишиться его. Мать выдаетЪ за мужЪ дочь, чтобЪ не имЂла болЂе вЪ ней нужды; женитЪ сына, чтобЪ была ему вЪ ней нужда. Тесть любитЪ зятя, свекорЪ невЂстку. Свекровь любитЪ зятя, но ненавидитЪ сноху. Тесть говоритЪ вЪ пользу зятя, но трудится вЪ пользу сына. Теща обкрадываетЪ мужа для зятя, а сынЪ обкрадываетЪ ее для жены своей. СвекорЪ хочетЪ, чтобЪ невЂстка его была щастлива; сынЪ же, чтобЪ былЪ честный человЂкЪ. Свекровь хочетЪ, чтобЪ сноха была здорова, а сынЪ ея богатЪ. ПослЂднїе взоры отца упадаютЪ на сына его, послЂднїй вздохЪ матери о дочери ея. СынЪ болЂе тужитЪ обЪ отцЂ, но плачетЪ болЂе по матери. Дочь чувствительнЂе огорчается смертїю матери, но долЂе не утЂшна, лишась отца. У-Ше-Гоа, живопись безЪ красокЪ.

и жертвоприношенія Шанг-Тію! Несмѣтные сонмы духовъ! вы безпрерывно у подножія вѣчнаго престола Его! Вы безпрерывно же низпосылаетеся покровительствовать намъ (С). „Мужъ праведный, вѣщаетъ „стихотворецъ, равенственно какъ и всѣ иные, не „знаетъ, когда сподобите его вашею помощію. Сколь „же мало долженъ ожидать того небрегущій вами? „Однако же благотворенія ваши толико суть ощу„тительны, хотя вамъ сообразно, духовныя токмо „и несозерцаемыя.„

Сыновнее повиновеніе Шуна было наипревосходнѣйшее. Доблесть его возвысилась даже до святыни. Былъ величественъ даже до возшествія на престолъ первый на землѣ. Богатъ; ему принадлежало окружаемое четырмя морями. Благочестивъ даже до посвященія безсмертію памяти предковъ своихъ. Щастливъ наконецъ даже до промчанія имени своего къ потом-

(С) *Открой токмо книгу Шу-Кингъ, и увидишь, что въ самую глубокую древность вѣрили благимъ и злымъ духамъ. Преданія не сохранили намъ точнаго умствованія древнихъ о разныхъ должностяхъ духовъ. Мраки суевѣрія, идолопоклонства, нечестія, затмили малое нѣчто, находимое въ книгахъ временъ Гановъ, Тсиновъ, Танговъ и иныхъ Китайскихъ Государей, такъ что не возможно уже нынѣ сличать одного писателя съ другимъ; и при Конфуціѣ уже суевѣрное обожаніе духовъ повредило первобытную къ нимъ вѣру. Сей философъ горестно ропщетъ на то. По Европѣ разносится, будто бы мы Китайцы не признавали ничего невещественнаго.*

потомкамъ. Святые духи! вамъ долженствовалъ онъ доблестію своею, престоломъ спасительнымъ для народа своего, царствованіемъ, всеобщими похвалами, коими ублажался, и долголѣтнею жизнію. Праведный Тіэнъ размѣряетъ милости свои по достоинствамъ; поелику пріуспѣваютъ оныя, по стольку же низносылаетъ дары свои. Но тою же десницею, коею благословляетъ Онъ невинность, караетъ же злодѣяніе... „Соединимъ сердца и гласы, читаемъ въ стихотвореніи, „восторжествуемъ, воспоемъ великаго нашего Самодержца. Доблесть его покрываетъ славою Китай „и даруетъ ему благоденствіе. Народъ и вельможи „облагодѣтельствованы имъ до избытка. Тіэнъ въ „награду ему благословляетъ его царствованіе, „покровительствуетъ его области, истощаетъ ему собственно всѣ милости свои. Престолъ его есть „достояніе толикихъ его доблестей.

„Блаженная и преславная участь Уэн-Уанга! „говоритъ Конфуцій; чуждъ онъ былъ во всю жизнь „свою отъ безпокойствъ и печали. Сынъ мудраго „отца; великія его намѣренія созрѣвали въ его размышленіяхъ. Отецъ мудраго сына; сему открылъ „онъ путь, предуготовилъ успѣхи и усотовариществовалъ его въ знаменитости какъ собственой „своей, такъ и своего отца.„

Ву-

него. Клевета, выдуманная глупо; по крайней мѣрѣ должно бы было умалчивать Европейцамъ хотя оное, будто бы мы ставили снѣди предъ душами умершихъ нашихъ родственниковъ. Одна ложь уничтожаетъ другую.

Ву - Уангъ (Т) преподалъ потомству славу, полученную имъ отъ предковъ. Единожды токмо прини-

(Т) Ву - Уангъ, сынъ Уэн - Уанга, докончалъ премѣну правительства, начатую отцемъ его. Избавилъ утѣсненный народъ отъ кровожаждущаго мучительства гнуснаго Тшеуа. Рѣчи Государя сего къ воинству читаемъ въ Шу - Кингѣ; подаютъ многое къ разсужденіямъ. Въ первой: естьли бы былъ онъ хитрый лицемѣръ, подобный Кромвелю, какимъ однакожe исторія Китая не позволяетъ подозрѣвать его: то и въ такомъ случаѣ надлежало бы быть въ тогдашнія времена ревности къ общему благу и религіи, весьма сильно владѣющими надъ сердцами, разсуждая по однимъ его словамъ. Единое Священное Писаніе, сколько намъ извѣстно, вѣщаетъ столь величественно о свойствахъ Божества; но дѣла Ву-Уанга соотвѣтствовали исходящему изъ его устъ. Сыновьямъ мучителя далъ удѣлы, освободилъ мудрыхъ и Князей, коихъ уродъ Тшеу держалъ въ оковахъ, уменьшилъ подати, истощилъ сокровища, собранныя мучителемъ, на облегченіе народа, отмѣнилъ злоупотребленія, исправилъ нравы и прочее. Въ старинныхъ книгахъ сохранены многія надписи, коими украсилъ Ву-Уангъ врата, чертоги и домашнія утвари Дворца своего. Приведемъ здѣсь токмо двѣ: . . . Егда вѣра порабощаетъ себѣ страсти, тогда все есть щастіе для человѣка; егда страсти сильнѣе вѣры, тогда во всемъ находитъ онъ для себя злоключеніе. . . . . Царь царей единый токмо достоинъ поклоненія нашего. . . . Соображаешься ли съ поряд-

нимался за оружіе и завоевалъ государство. Вселенная наполнилась именемъ его и похвалами ему; но и остался навсегда оныхъ достоинъ. Угодно было Небесамъ, чтобъ владычество его столь было кратковремено; но доблести его возрождены единоутробнымъ его братомъ.

О Тшеу-Конгъ! сыновнее твое повиновеніе сильнѣе явилося и самой смерти; оно возвело на престолъ Та-Уанга и Уанг-Кіа, въ прахѣ гробномъ увѣнчало память ихъ царскими клейнодами (У). Столь громкій примѣръ преклонилъ всѣ сердца, учинился об-

рядкомъ годовыхъ временъ земледѣльствуя, всякую ниву узришь плодоносною. Упреждай дни жертвоприношенія Шанг-Тію, не отступая отъ доблести: дары Его превзойдутъ желаніе твое. Братъ Ву-Уанга начинаетъ рѣчь свою въ засѣданіи Совѣта такъ: .... Злодѣйства суть источникъ нещастій государства. Единою доблестію можетъ оное благоденствовать и процвѣтать. Первыя твои попеченія, Государь! да будутъ въ предпоставленіи заграды законовъ необузданнымъ страстямъ и прочее.

(У) Всякій народъ свою имѣетъ политику, наша же состоитъ въ поспѣшествованіи сыновняго повиновенія. Императоры награждаютъ верховныхъ своихъ дѣловцевъ, великихъ полководцевъ и иныхъ, жалуя дворянствомъ ихъ предковъ. Основатели новыхъ династій учиняютъ тожe, хотя бы предки сихъ мужей были столь же низкородны, какъ предки Гановъ и Минговъ; но налагаютъ имъ самые

вы

разцемъ общественнаго подражанія. Князи, вельможи, ученые, граждане, земледѣльцы, всѣ и каждый истощали возможность обнаруживать сыновнее повиновеніе, но съ различіемъ степеней, полнымъ премудрости. Внѣшнее оказаніе сѣтованія, великолѣпіе обрядовъ погребательныхъ, зрѣлися соразмѣрно степени каждаго лица въ государствѣ. Различіе нужное, сопринадлежащее къ общественному благоустройству. Въ самой же вещи нѣтъ въ томъ никакой разности между народа, вельможей и самаго Императора. По смерти отца и матери установлено носить три года печальныя одежды: всѣ безъ изъятія оное съ крайнею строгостію наблюдали.

Но что говорю время сѣтованія время оплакиванія?... Ву-Уангъ и Тшеу-Конгъ совсѣмъ инако ознаменовали сыновнее свое привержение. Великіе сіи мужи частію закона Божіяго вмѣняли выполнять волю отцевъ своихъ.... Преподадимъ потомству свѣденіе объ ихъ доблестяхъ: егда весны и осени воззывали ихъ къ гробницамъ для почестей памяти предковъ, ничего нещадили украшать оныя со всевозможнымъ великолѣпіемъ. Зрѣлися сосуды, домашнія утвари, одежды ихъ временъ, дабы напоминаніе учинилось живѣе; посреди самыхъ жертвоприношеній поставлялися снѣди (Ф) порядкомъ ношенія на

высокіе степени государственныхъ чиновъ. Великолѣпно украшаютъ гробницы ихъ, и какъ бы относятъ къ нимъ собственно все свое величіе, всю славу свою.

(Ф) *Книга Ли-Ки есть за морями. Могутъ видѣть въ ней подробности обрядовъ, поминовенія предковъ. Замѣтимъ токмо: жертвы подносятся внуку помина-*

на столѣ царствующаго Государя. Тотъ же строй, тѣ же отличности, тѣ же преимущества лицъ, тѣ же обычаи, какъ бывали при жизни блаженныхъ сихъ усопшихъ.

О Уэн-Уангъ! О Тшеу-Конгъ! (X) любочестіе ваше не простиралось далѣе, дабы уподобиться токмо

наемаго, который, бывъ облеченъ во одежды последняго, пріемлетъ оныя именемъ его при входѣ въ чертогъ поминовенія. Возводятъ его торжественно на возвышенное мѣсто и посаждаютъ. Все семейство поминаемаго падаетъ предъ нимъ ницъ. Снѣди подаютъ ему только старшіе въ родѣ томъ. Музыка между тѣмъ, инструментальная и голосная, наигрываетъ и напѣваетъ похвалы поминаемаго. Посажденный на высотѣ возстаетъ, и подобно же совоспровождается изъ чертога.

(X) Тшеу-Конгъ можетъ быть самый величайшій человѣкъ, бывый когда либо въ Китаѣ, воспитатель племянника, правитель имперіи по смерти брата своего. Поелику затруднительнѣе были дѣла общенародныя во младолѣтство Царя, начинающаго новую династію, тѣмъ болѣе оказался великимъ правителемъ, великимъ политикомъ, великимъ полководцемъ, великимъ законодателемъ, великимъ Философомъ и самымъ усерднѣйшимъ подданнымъ. Рожденъ съ высокимъ духомъ. Науки и ученіе были для него забавы. Сочинилъ толкованіе на Куаи Фу-Гіевы, что составляетъ часть И Кинга. Ему же присвояютъ многія оды Ши-Кинга, Тшеу-Ліа и иныя книги. Умѣлъ розыскивать

отцамъ вашимъ; премудрость, дабы послѣдовать ихъ правиламъ; обычаи, дабы также точно торжествовалися праздники, такая же точно, какъ при нихъ, слышима была музыка; чтили вы то только, что ими было почтенно; любили, что имъ было любезно; и кто усомнится? . . . По кончинѣ ихъ не равно ли вы осталися преданы имъ въ душахъ, какъ бы еще здравствовали они; уважали ихъ во гробахъ, какъ бы возсѣдали на престолѣ? Такими-то стезями достигли вы до самаго потомства сыновняго привержения.

Сколь ни огромны и гласны суть почести, воздаваемыя усопшимъ, никогда однако же не равнялися съ богослуженіемъ. Приносятъ жертвы Шанг-Тію на олтаряхъ посвященныхъ; чинъ поминовенія усопшихъ отправляется въ храминѣ, устроенной имъ въ честь

вать прямоугольный треугольникъ; былъ знающъ во астрономіи, научилъ употреблять компасъ пословъ иностранныхъ, при возвращеніи ихъ во своя. Рѣчи его, внесенныя въ Шу-Кингъ, равно прекрасны, мудры и полны религіи. Но чтобъ ничего уже не недоставало къ славѣ его, подпалъ напослѣдокъ гнѣву племянника своего. Сей младый владѣтель, попустившій развратить юность свою, раскаялся однако же; призвалъ его обратно и воздалъ ему всю достойную справедливость. Онъ-то приносилъ себя на жертву Шанг-Тію, чтобъ испросить у Него продолженія жизни брату своему Ву Уангу, тяжко заболѣвшему, начавъ токмо царствовать. Писатели всѣхъ временъ единогласно именуютъ Тшеу-Конга премудрѣйшимъ изъ смертныхъ.

честь (Ц). Какое различіе! различіе существенное, свѣтильникъ великаго искусства царствовать: искусство единожды ясно проразумѣемое, преодолѣваетъ всякія затрудненія.

„Увы! сказалъ нѣкогда Конфуцій Царю Лускому, „который вопросилъ его, какъ ему правишь народомъ: „лѣтописи наши повѣствуютъ чудеса о царствованіяхъ Уэна и Уа; уподобляйся имъ, учись владычествовать сообразно имъ. Но наслѣдниковъ доблестей ихъ нѣтъ уже болѣе; увянула уже благоразумная ихъ политика.„

(Ц) *Европа еще весьма далеко отъ Китая, слѣдовательно и не смѣемъ говорить о чертогахъ въ честь предковъ, которые строивалися въ древнія времена. Естьли бы Тшеуи примыслили такія же устроять площади, каковы суть площадь Королевская, площадь побѣдъ и прочее; украшать ихъ истуканами всадниковъ съ конями, или пѣшихъ токмо, дабы представляли, каковъ точно былъ внѣшній видъ предковъ нашихъ: тогда бы умовоображенія Европейскія нашли себя въ землѣ не незнакомой. Пусть говорятъ, что всѣ страны на земной поверьхности одна на другую походятъ общими понятіями, но предразсудки весьма удаляютъ ихъ взаимно. Мы Китайцы въ разсужденіи сего излишне Европейцы. Проповѣдникъ вѣры какъ бы ни силился толковать большей части новообращенныхъ изъ насъ разность между медалями, дѣлаемыми въ честь Господа Іисуса Христа, непорочныя Дѣвы и святыхъ, но неимѣющихъ понятія ни о чемъ иномъ, кромѣ бляшекъ, что у нихъ на четкахъ; самъ я увѣ-*

Доблесть есть солнце правительства: безъ нея все слабо, все поздаетъ и недостаточествуетъ, какъ въ странахъ далечайшихъ къ сѣверу. Когда же доблесть освѣщаетъ правительство всѣми лучами своими, политическій составъ государства крѣпчаетъ, силы его множатся непрестанно, подобно тростямъ при вскрай водъ, согрѣваемымъ и оживляемымъ лѣтнею теплотою.

Жребій области въ рукахъ владѣющаго, добродѣтеленъ ли онъ, будетъ ли взыскивать отъ другихъ, что взыскиваетъ же отъ самаго себя, сирѣчь ненарушимой вѣрности во исправленіи должностей, любви нѣжной къ человѣкамъ; любви, которая совокупно и источникъ и совершенство общежительныхъ доблестей, полное исполненіе всякихъ отношеній (Ч). Любо-

увѣрительныя толкованія не успокоятъ встревоженіе мыслей. Должны мы увѣдомить и о томъ, что въ чертоги поминовенія предковъ, въ царствованія Тшеуэвъ, не вносилися еще заблужденія идолопоклонническія, какъ послѣдовало потомъ: слѣдовательно и не должно разумѣть объ нихъ одинаково.

(Ч) *Преизящныя правила сіи и почти всѣ таковыя же, находимыя въ Тшонг - Іонгѣ, оправдаютъ предпочтеніе наше сочиненія сего инымъ. Не для чего притворствовать, и хотя съ горестію, но признаемся, что большая часть ученыхъ нашихъ столь же храмлютъ вѣрою, какъ и нѣкоторые Европейскіе вольнодумцы. Естьли бы преподаемое Тшонгъ - Юнгомъ проникало даже до сердецъ ихъ, исправляло ихъ поведеніе: то изчезли бы почти всѣ мра-*

Любовію къ ближнимъ человѣкъ есть человѣкъ. Гласъ природы вопіетъ во глубинѣ сердца и воззываетъ его къ тѣмъ, съ коими соединяется плотію и кровію. Кроткое человѣчество распространяетъ любовь сію на всѣхъ земнородныхъ. Но правосудіе первые свои взоры обращаетъ на достоинство, и ожидаетъ отъ нихъ предпочтенія доблести. Пріобщимъ къ природѣ въ ея разноличіи и ея степеняхъ чувствованія сердецъ. Правосудіе отмѣняетъ и подчиняетъ предпочтенія достоинствъ; но отъ взаимосогласія таковыхъ предпочтеній происходитъ красота и непорочность общенародныхъ нравовъ.

Мудраго Государя виды прежде всего клонятся къ доблести, доблесть ведетъ его къ сыновнему повиновенію (Ш), сыновнее повиновеніе ко узнанію человѣка, а сіе послѣднее ко узнанію самаго Тіэна.

Пять

мраки, кроющіе отъ нихъ Божественность Евангелія, и освѣтилися бы лучами благодати. Къ нещастію, паче привержены къ тѣлеснымъ чувствамъ и страстямъ, нежели къ истиннѣ своими разсужденіями: стяжали не философію, но одну наружность ея; наружность, прикрывающую все то, чѣмъ Учитель народовъ укоряетъ Римлянъ своего времени.

(Ш) *Сыновнее повиновеніе есть вѣчный законъ Небесъ, правосудіе на земли, мѣра всякому достоинству. . . . Человѣкъ, твореніе преизящнѣйшее во вселенной; сыновнее повиновеніе есть преизящнѣйшее въ самомъ человѣкѣ. Пріобщимъ совершенство сыновняго повиновенія: состоитъ въ должной покорности сына къ отцу, яко образъ таковыя же покорности къ*

Пять великихъ должностей связуютъ человѣковъ и возникаетъ общежитіе. Три главныя доблести способствуютъ имъ въ томъ, и суть вожди поведенія ихъ. Должности общія всѣхъ человѣковъ не премѣняются никогда: Государя, относительно къ подданному, отца къ сыну, мужа къ женѣ (Щ), старѣйшаго брата къ юнѣйшему, друга къ друга. Сіи, повторяю, доблести, неразлучно спутствуютъ человѣку по смерть; имъ принадлежатъ всѣ мгновенія жизни его; суть благоразуміе, человѣчество и сила, должности и доблести, струи единаго источника и къ единому же концу стремятся. Разумѣть таковый конецъ [отверзаетъ ли предъ тобою врата во святилище истинны напряженіе способностей, утѣхи въ познаніяхъ, или трудные опыты] есть премудрость. Дѣлами ли твоими послѣдуешь наклонности и внушеніямъ сердца твоего, послушествуешь ли гласу личныхъ твоихъ видовъ, или преодолѣваешь самъ себя мужественно. Наилучшія твои дѣянія тогда только похвальны и совершенны, когда достигаютъ сказаннаго конца.

„Желаніе научаться, говоритъ Конфуцій, „приближаетъ къ благоразумію; усилія благотво-„рительности выводятъ наружу человѣчество; робкою „стыд-

къ самому Тіэну. Гіао-Кингъ.

(Щ) У кого жена добродѣтельна, тотъ мало имѣетъ печали; у кого двѣ жены, не любитъ ни одной; у кого три, всѣми ими ненавидимъ. . . Мужъ, имѣяй множество женъ, чаще не ночуетъ дома. Не меньше у того дѣтей, у кого одна только жена. Пословицы.

„ стыдливостію питается сила и великодушіе. „ Кто вѣдаетъ и поступаетъ по тремъ симъ великимъ правиламъ, тотъ простирается въ доблести; кто простирается въ доблести, умѣетъ правительствовать людьми; кто людьми умѣетъ владычествовать, умѣетъ править вселенною.

О великое искусство, умѣть царствовать! Всѣ пособія онаго замыкаю я въ слѣдующемъ: испытывать всегда душу свою, чтить мудрыхъ, любить родителей и близкихъ по крови, уважать вельможей, съ чиновниками своими обходиться милостивно, имѣть утробу отца къ народу, созывать издалека дарованія, дружественно принимать (Ъ) иностранцевъ, Князей государственныхъ какъ бы носить въ груди своей.

(Ъ) *За морями думали, что сіи девять статей были въ Китаѣ какъ бы девять же столповъ, подпирающихъ неизмѣримое зданіе правительства нашего; но въ томъ обманывалися достопочтенные у насъ мужи. Девнатцать оныхъ щитаютъ: 1) мудрость и доблести Государя, средства не нарушать ихъ никогда. 2) Избраніе Мандариновъ, различіе ихъ степеней, преимуществъ, производженія изъ чина въ чинъ, награжденія и тому подобное. 3) Народъ, размноженіе онаго, землеѣльство и все благопоспѣшествующее ему. 4) Нужды государственныя: подати, торжищи, рудники, рубки лѣсовъ, плотины, насыпи, и такъ далѣе 5) Ли, сирѣчь обряды, порядокъ общежитія, праздники, музыка и прочее. 6) Жертвоприношенія и все надлежащее до религіи. 7) Ученіе, вѣра, нравственныя правила оныхъ источ-*

Въ самой вещи, Самодержецъ, испытующій душу свою, научаетъ и освящаетъ правила нравственныя. Чтя мудрыхъ, отженяетъ отъ престола льстецовъ; и предуготовляетъ открытый путь истинкѣ отвсюду. Любя родителей и свойственниковъ, поощряетъ подданныхъ любить же родителей и свойственниковъ, прогонять раздоры изъ семействъ. Уважая вельможей, снискиваетъ ихъ доблести и просвѣщается ихъ просвѣщеніемъ. Обходяся милостивно съ чинов-

источники, образы преподаванія и наблюденія. 8) Благоустройство въ городахъ, крѣпостяхъ, деревняхъ, относительно до нарядныхъ одеждъ, носимыхъ въ торжественные дни; печатей, вѣсовъ, рукодѣлій, календарей и прочее. 9) Законы уголовные и гражданскіе, и теченіе правосудія вообще. 10) Безопасность государства и все, надлежащее до войны оборонительной и наступательной. 11) Сношенія съ чужестранными державами, союзническими и данническими. 12) Исправленіе нравовъ и поощреніе добродѣтелей.

Каждая изъ статей сихъ раздѣляется на безконечныя почти вѣтви. Европейцамъ никогда не приходило на мысли, чтобъ въ Китаѣ было судилище, подобное нѣкіимъ образомъ на ихъ Инквизицію. Дѣло онаго есть надзирать, чтобъ преподавалися во всей своей чистотѣ ученіе, вѣра и правила нравственныя повсемѣстно въ имперіи. Однако же таковое судилище весьма у насъ древнее и весьма строгое, болѣе пролившее крови, нежели всѣ Европейскія Инквизиціи совокупно. Множество бы людей за мнимую Европейцами терпимость нашу разновѣрія, или бы не долго жили на свѣтѣ, или бы замолчали.

чиновниками, возбуждаетъ ревность ихъ къ себѣ и обезпечивается ихъ вѣрностію. Имѣя утробу отца къ народу, отъемлетъ тягость отъ трудовъ ихъ и заохочиваетъ къ работолюбію. Созывая издалека дарованія, множитъ пособія государства и доставляетъ ему обиліе. Пріемля дружественно иностранцевъ, вперяетъ имъ хотѣніе стать его подданными и уловляетъ ихъ сердца. Князей нося какъ бы въ своей груди, возвеличиваетъ могущество свое, и становится въ состояніи давать законы вселенной.

Отступимъ назадъ. Дабы испытывать непрестанно душу свою, научать и освящать правила нравственныя, должно быть цѣломудренну, трезву, благопристойну во всемъ и набожну (Ы). Снискать лю-

(Ы) *Сіэу сочинилъ книгу, въ которой напоминаетъ Императорамъ нашимъ о доблестяхъ, какія имѣть должны; о порокахъ, какихъ имъ страшиться. Вѣщаетъ вольно и откровенно, заслуживая похвалу отъ всѣхъ концевъ земныхъ, да и такъ, что нѣтъ тому примѣра, кромѣ только Китая. Правила его въ разсужденіи роскоши, пышности, нѣги, забавъ и на то похожаго, не отринуты бы были и въ Спартѣ. Религію владѣющаго Императора поставляетъ онъ во украшеніи души его чистотою нравовъ и незлобіемъ, въ служеніи и благоговѣніи къ Шанг-Тіэну, во обоженіи судебъ Его, когда наказуетъ бичами своими и бѣдствіями народъ; во впереніи подданнымъ приверженія къ религіи, которую не долженъ никогда терять изъ вида въ государственныхъ дѣлахъ; въ строгомъ и частомъ изслѣдованіи*

любовь къ себѣ мудрыхъ и ободрять ихъ, надобно не внимать клеветы и срамить оную; не терпѣть нѣги и разслабленія, презирать пышность, высоко цѣнить доблесть и приводить ее въ почтеніе у всѣхъ. Преуспѣть въ сыновнемъ повиновеніи и заставить подражать себѣ въ томъ, надобно воздавать должное ближнимъ своимъ, уважать достоинства, на которыя возведены они; прибавлять имъ доходы и стараться имѣть съ ними одно сердце, одну душу (Ь). Вельможей содержать въ недреманномъ состояніи и учинять себѣ вѣрными, надобно увеличить число ихъ подчиненныхъ и пользоваться ихъ дарованіями. Поощрять чиновниковъ подъ ними (Ѣ) и быть увѣренну въ ихъ преданн-

ваніи собственныхъ своихъ погрѣшеній; въ неусыпныхъ стараніяхъ день отъ дня становиться лучшимъ.

(Ь) *За морями есть поговорка: Государи безродны. Не намъ входить, къ чести ли оное ихъ. Но здѣсь поговорка сія не была бы у мѣста. Наши Императоры всячески хотятъ быть наилучшими родственниками. Станется, что не легко намъ повѣрятъ, хотя то и самая истинна: они въ семейныхъ своихъ обществахъ забываютъ санъ свой, а только ведутъ себя соразмѣрно лѣтамъ своимъ отъ рожденія, и вѣтви снизходящей черты отъ общихъ предковъ семейства ихъ.*

(Ѣ) *Развѣ нѣкоторые токмо монастыри въ Европѣ могутъ подать Европейцамъ хотя слабое, но понятіе о политикѣ правительства нашего, относительно къ особамъ, у коихъ въ рукахъ общественная власть. Скажемъ только сіе: чины и достоинства не про-*

данности, надобно не заграждать путей ревности ихЪ; полагаться на ихЪ честь, доставляя имЪ при-

 стой-

продажные, не вѣчные, не наслѣдственные. Рѣдко человѣкЪ возводится на высокія степени на родинѣ своей; да и другіе не инако, какЪ по многихЪ и довольныхЪ испытаніяхЪ заслугЪ и способностей. НачинаютЪ служить отечеству вЪ самыхЪ мѣлкихЪ званіяхЪ; дарованія токмо и успѣхи вЪ должностяхЪ руководствуютЪ каждому возвышаться. Главный начальникЪ какой либо части государственнаго служенія, отвѣчаетЪ за всѣхЪ подчиненныхЪ своихЪ и неподчиненныхЪ, но имЪ нѣкогда одобренныхЪ. Единожды впавЪ вЪ погрѣшеніе, до смерти не заставитЪ оное забыть. Также, естьли хто и не донесетЪ, провѣдавЪ о чьемЪ либо проступкѣ. ЧрезЪ каждые три года всякій чиновникЪ обязанЪ исповѣдываться, можно сказать, общенародно вЪ погрѣшеніяхЪ своихЪ, или просить, чтобЪ его, яко недостойнаго, лишили мѣста по смерти отца и матери; или инако, просить же отставки, пришедЪ вЪ глубокую старость. Вся власть проистекаетЪ непосредственно отЪ самаго Императора; дѣлится на части, а сіи еще на мѣльчайшія; но безЪ замѣшательства и безЪ насилія отЪ судебныхЪ мѣстЪ. Каждой округѣ предписаны предѣлы законами, поставлено надЪ нею особое чиновничество: начиная отЪ Мандарина, слѣдуютЪ порядочныя степени подчиненства. Старѣйшинство одной округи предЪ другою опредѣляетЪ судебное же мѣсто. Каждый чиновникЪ вѣдаетЪ, что онЪ долженЪ и чѣмЪ должны ему: законы разрѣшаютЪ наималѣйшія затрудненія.

стойные доходы. Народъ чтобъ былъ въ порядкѣ и любилъ тебя, надобно къ мѣсту и ко времени занимать его упражненіями, облегчать яремъ податей и трудностей состоянія его. Чтобъ люди съ дарованіями имѣли свободу дѣйствовать оными, заохочивать ихъ, назирая надъ ними близко, попускать ихъ силы соразмѣрять успѣхи ихъ наградами. Ко уловленію сердецъ иностранцевъ и лишенію предразсудковъ ихъ, надобно срѣтать ихъ снисходительно, отпускать съ честію, какъ бы не видѣть ихъ погрѣшеній; хвалить громогласно изящныя ихъ качества (Э). Покровительствовать Князямъ и заимствоваться всемъ ихъ могуществомъ, надобно, чтобъ не пресѣкался наслѣдственный порядокъ въ семействахъ ихъ; бдѣть, чтобы области ихъ наслаждалися спокойствіемъ; взыскивать отъ нихъ въ уреченныя времена засвидѣтельствованія подданства (Ю), и тщательно остерегаться, дабы

(Э) Сіе мѣсто Тшонг-Іонга ударяетъ на народы, имѣющіе права присылать пословъ ко Двору Императора. Ни древняя, ни новѣйшая политика правительства нашего не позволяетъ впускать иностранцевъ внутрь Китая, для торговли ли, поселиться ли въ немъ, или токмо путешествовать. Изъятіе, учиненное въ пользу проповѣдниковъ Христіанской вѣры, есть чудо Божескаго провидѣнія; чудо, явное тому, кому извѣстны законы наши, нравы и предразсудки.

(Ю) Подъ владѣніями Тшеуэвъ государство раздѣлено было на земли, управляемыя непосредственно самими Императорами, на царства, княжества и графства, коими управляли Князи крови настоящей и минув-

дабы не вземлемо отЪ нихЪ было ничто иное, какЪ токмо мЂлкіе дары, давая имЪ за то имЪ дары же, но великой цЂны.

Сіи-то девять великихЪ правилЪ, такимЪ образомЪ разумЂемыя, составляютЪ вЪ сокращеніи все искусство царствовать. Не нарушая ихЪ, шествуютЪ ко одному и тому же концу.

Прозорливость даетЪ бытіе предпріятіямЪ, и успЂхи оныхЪ учиняетЪ достовЂрными. ВоздремлетЪ ли прозорливость не можно ни на что полагаться. Размышляй же, готовься прежде, что тебЂ говорить, и не запнешься; обмысли, рЂшись, на что тебЂ поступить, и не запутаешься; разбирай, что ты хочешь начинать; обозрЂвай слЂдствія, избЂжишь раскаянія и предпишешь самЪ себЂ правило надежное, твердое и непреложное поведенія твоего, которое послужитЪ опорою слабости твоей, пойдетЪ предЪ тобою со свЂтильникомЪ вЪ рукахЪ, и будетЪ вождемЪ всЂмЪ стопамЪ твоимЪ.

Ничто, говорятЪ, не замЂняетЪ милости и довЂренности Государя человЂку вЪ знатномЪ чинЂ.... УспЂваетЪ онЪ вЪ дЂлахЪ государственныхЪ, и правя народомЪ, поелику близокЪ ко уху его и отЪ него любимЪ. ТакЪ... но происки, но казни, но скрытныя домогательства при ДворЂ, возвратятЪ ему милость и почтеніе Государя, естьли онЪ вЂренЪ законамЪ

нувшихЪ династій. Каждый изЪ нихЪ начальствовалЪ надЪ малою своею областію, какЪ нЂкогда во Франціи Герцоги Аквитанскіе, Бургонскіе, Бретанскіе.

намъ дружества; естьли сыновнее повиновеніе у него въ сердцѣ; естьли не отступаетъ никогда отъ доблести; естьли любитъ истинну; естьли ищетъ познавать ее, и лучи свѣта ея его проникаютъ (Я).

О

(Я) *Наука есть свѣтильникъ мудрости и доблести, говаривалъ знаменитый Императоръ Іонг-Ло дѣтямъ своимъ. Кто не озаренъ свѣтомъ его, предъ тѣмъ густые туманы закрываютъ трудные пути невинности: спотыкаются, заблуждаютъ, падаютъ во ужасныя бездны. Сами вы свидѣтели, что хотя я подавленъ заботами, превратностями щастія, бременемъ правительства; но похищаю часы у нужнаго мнѣ успокоенія, дабы совѣщаться съ мудрыми, внимать урокамъ нравоученія, замыкающимся въ безсмертныхъ ихъ сочиненіяхъ. Жена, сколь бы ни искусная въ щегольствѣ, безпрестанно совѣтуется съ зеркаломъ. Книги, лѣтописи, суть зеркалы Царей. Въ нихъ смотряся неотходно, должны они украшать себя и своихъ подданныхъ, дабы явиться достойными воззрѣнія Шанг-Тіа. Улещеніе самолюбія есть врагъ правилъ и примѣровъ великихъ Государей во всѣхъ династіяхъ, которыя неославно научалися становиться день атъ дня лучшими. Вы, любезныя мои дѣти! вѣрьте моимъ испытаніямъ, моей къ вамъ горячности: наука возвышаетъ душу, развертываетъ пособія разума, даетъ преизящность чувствованіямъ, разширяетъ сердце и вливаетъ въ него небесный миръ и сладость. Но не обманитеся: наука, о коей говорю, не есть наука вещей, дѣлъ и словъ человѣческихъ, которыя ослѣпляютъ токмо человѣка,*

не

О доблесть! Божественная доблесть! провидѣніе Тіэна (Θ) влечетъ насъ во объятія твои. Здравый разумъ во оныя ведетъ насъ. Блаженъ, въ комъ

не дѣлая его инакимъ. Наука, для которой требую всего вашего прилѣжанія, есть знать должности, кои исполнять вамъ надобно; доблести, кои снискивать вамъ надлежитъ; недостатки, отъ коихъ исправиться вамъ слѣдуетъ; опасности, подвергающія себѣ слабость вашу, и средства, къ коимъ вамъ прибѣгать, дабы не стать выродками вашихъ предковъ, ниже затмить лучи вѣчныя славы ихъ имени. Естьли сердце ваше чисто, прямо, благотворительно; мысли ваши истинны, справедливы, просвѣщенны; естьли разсужденія ваши праведны, непремѣнчивы; предпріятія мудры, одуманны и полезны; слова благородны, пристойны и увѣрительны; естьли наконецъ все ваше поведеніе умѣренно, единообразно и непорочно: шествуете къ доблести, къ успѣхамъ, къ славѣ, всѣми путями, какіе бы вамъ ни предлежали; или точнѣе сказать, сами пути будутъ предъ вами открываться. Человѣкъ ученъ помощію памяти, философъ помощію разума, мудръ помощію сердца; кто же не мудръ, есть ничто. Предсловіе Шенг-Гіо-Син-Фи, то есть образъ, какъ затвердить наизусть ученіе премудрости.

(Θ) Нѣкакій вельможа искалъ умертвить Конфуція; учениковъ его объялъ страхъ... Естьли доблесть, которую мните вы находить во мнѣ, сказалъ онъ имъ, есть дѣло рукъ Тіэна: то успокойтесь; Тіэнъ вѣдаетъ уже, какъ Ему меня спасать. Лин-Ю.

ты обитаешь! Достигаемъ цѣли безъ усилія, единымъ ударомъ очей проникаемъ даже до истинны. Сердце наше тогда есть вмѣстилище мира, самыя склонности наши суть защитницы нашего незлобія. Дано святымъ токмо восходить до таковой высоты. Желающій послѣдовать за ними долженъ прилѣпиться ко благу елико можетъ; да прилѣжитъ научать себя тщательно, да навыкаетъ къ исполненію своихъ должностей, да ищетъ и испытуетъ вещи съ крайнимъ вниманіемъ, да обмышляетъ непресѣкновенно и не пропускаетъ ничего безъ изслѣдованія; да разверзаетъ всѣ силы души своей; во всѣхъ дѣяніяхъ его да проявляется сила, крѣпость и жаръ. Увы! сколько таковыхъ, которые малодушествуютъ на половинѣ уже пути того единаго ради, что успѣхи ожидать себя его заставляютъ? Учуся, говорятъ, но не умаляется невѣжество мое и сомнѣніе; вниканія мои не учиняютъ меня дальновиднѣйшимъ, ниже прибавляютъ проницаніе мое; размышленіями я своими не разгоняю ни единаго мрака; нигдѣ не нахожу лучей просвѣщенія; усилія мои уступаютъ мѣсто слабости моей, упадаю подъ бременемъ непостоянства моего. Мужайся! блюдися отчаяваться (V). Что удалося нѣкоему съ

(V) *Всѣ дни жизни моей протекаютъ для васъ; ваши же дни употребляйте на исправленіе моихъ погрѣшностей; будьте мнѣ вожди къ доблести; будьте для меня то, что пила для желѣза, легкая ладья для плавателя по водамъ, роса небесная для земли жесткой и безплодной. Разверзаю сердце мое предъ вами, да вліете въ него чувствованія вашихъ сердецъ. Есть болѣзни, врачуемыя токмо долговременными страданіями.*

съ первой попытки, удастся тебѣ съ сотой; въ чемъ успѣли они помощію ста попытокъ, успѣешь и ты помощію тысячи. Правило есть безошибочно, держися онаго; тьма превратится въ свѣтъ, немощь въ крѣпость и мужество.

Наважденіе ли самаго естества порываетъ человѣка на путь къ совершенству? Философія ли бываетъ вождемъ стопамъ его? . . . Но рачительное простираніе въ доблести разпространяетъ его вѣжества, которыя облегчаютъ ему простираніе въ доблести.

Единый совершенный человѣкъ во вселенной разверзаетъ всю свою душу, истощаетъ ея пособія, украшаетъ ее всѣми познаніями, всѣми доблестьми, которыя не превыше естества его (Аа). Сей-то источ-

ніями: не колебайтесь, употребите ихъ противу меня, противу моей слабости: остануся недвижимъ подъ рукою, накладывающею пластырь на мои язвы. Одного токмо боюся, чтобъ не учинилися онѣ прилипчивы и не произвели смерти. Рѣчь Као-Тсонга къ дѣловой особѣ, которую явилъ ему Шинг-Ти во снѣ. Шу-Кингъ, глава Юэ-Лингъ.

(Аа) *Философы наши древніе и новѣйшіе разнственно умствуютъ о естествѣ человѣка: одни, что само по себѣ благо и ко благу же клонится; другіе, что само по себѣ порочно и клонится ко злу. Тѣ и другіе опираются на мѣста въ книгахъ. Новопросвѣщенные наши ученые Христіане разрубаютъ Гордіанскій сей узелъ, являя взаимосовмѣстнымъ противорѣчія*

источникъ множества удобности его напутствовать прочихъ человѣковъ къ совершенству. Чѣмъ болѣе труды его въ томъ успѣваютъ, по стольку наипаче его благотворительность, его мудрость, успѣваютъ же достигать конца, для коего созданы безчисленныя существа, коими окружаются сами небеса. Земля, на которой рожденъ, получаетъ отъ него помощь въ произведеніяхъ, умноженіяхъ и сохраненіяхъ благъ, истощаемыхъ и тѣмъ и другою человѣку; становится онъ какъ бы содѣйственникомъ и помощникомъ оныхъ (Бб).

Какое разстояніе между сею высочайшею степенію славы и слабости того, который начинаетъ испытывать пособія души и заглаждать пятны нечистоты ея! Шествуетъ несмѣлыми стопами, однако же подвигается впередъ, и напослѣдокъ касается совершенству. Тогда доблесть его становится постепенно ощутительнѣйшею, проливаетъ лучи свѣтлости прежде вокругъ его, потомъ и далеко; обращаетъ на себя взоры, трогаетъ сердца, исторгаетъ ихъ изъ нѣдра по-

чія сіи посредствомъ первороднаго грѣха, о коемъ столь же примѣтные суть слѣды въ древнихъ писателяхъ, какъ и первобытныя невинности состоянія человѣка.

(Бб) *Смыслъ содержанія сего запутанъ толкователями; можетъ быть принимаемъ еще въ вышшей степени. Члены Государственнаго училища такъ изъясняютъ: небо и земля созданы для человѣка; человѣкъ чѣмъ прямѣе идетъ къ концу существа своего, тѣмъ наипаче управляющій имъ низпосылаетъ ему довлетворенія нуждъ и утѣхъ его.*

пороковъ, возраждаетъ въ нихъ невинность и доблесть. Премѣна чудесная! ты истинная слава совершеннаго человѣка! ты ему только долженствовать можешь событіемъ своимъ! Взоры проницательные совершеннаго человѣка не остановляются завѣсою грядущихъ временъ: провидитъ оныхъ таинства. Семейство приближается къ престолу доблестьми своими; другое готовится снизходить съ него въ наказаніе за свои злодѣйства. Человѣкъ совершенный предузнаетъ то по знакамъ предварительнымъ (Вв)

Э 3 на-

(Вв) *Мѣсто сіе намѣкаетъ на повѣствуемое Шу-Кингомъ о мудрыхъ тѣхъ мужахъ, которые произвели премѣну во нравахъ примѣрами добродѣтельной жизни своей въ теченіи Гіаэвой и Шанговой династій, и которые какъ бы были предвозвѣстники паденія сей династіи. Умствованіе о чудесахъ и странныхъ воздушныхъ явленіяхъ, каковыя будто бы предшествовали всегда разрушеніямъ и премѣнамъ правительствъ, есть общее у всѣхъ нашихъ ученыхъ людей. Согласно съ Шу-Кингомъ, Ши-Кингомъ, Ли-Кіэмъ и Тшун-Тсіэуэмъ, исповѣдуютъ они, что Тіэнъ не низпосылаетъ никогда великихъ уразъ гнѣва своего безъ предварительнаго призыванія народа къ покаянію въ нечестіи своемъ. Вольнодумцы династіи Сонговъ, коихъ не по вкусу было такое умствованіе, старалися приводить безчисленные примѣры подобныхъ чудесъ естества, относя оныя къ причинамъ нравственнымъ и физическимъ. Но разсужденія ихъ не меньше метафизическія же, какъ и разсужденія Европейцовъ о наважденіяхъ, или вліяніяхъ климатовъ на нравы и правительства народовъ.*

наградЪ и казней НебесЪ. Трава Ши, черепаха (Гг), суть провозвѣстники его; но и самЪ вЪ себѣ слышитЪ гласЪ предчувствія еще того болѣе. БывЪ аки бы усотовариществованЪ промыслу Предвѣчнаго, хранителемЪ Его таинствЪ, опознаваетЪ благихЪ человѣковЪ, предуготовляемыхЪ ИмЪ здѣсь на землѣ; опознаваетЪ злыхЪ, коимЪ попускаетЪ ОнЪ множиться, дабы послужить имЪ орудіями мщенія Его.

Истинная доблесть состоитЪ безЪ сомнѣнія во усовершенствованіи самаго себя; всевысочайшая же премудрость, быть мудрою самой по себѣ. Но какЪ совершенство связуетЪ между доблестію и премудростію всѣ существа союзомЪ произхожденія ихЪ и единачествомЪ конца ихЪ, то существа сіи выходятЪ изЪ предуставленнаго теченія природы ихЪ, вырываяся изЪ союза сего. Мудрый поставляетЪ славою удерживаться вЪ немЪ, непрестанно возобновляя усилія свои и вводить другихЪ за собою (Дд). Неослабно труждаяся учинять себя совер-

(Гг) *Трава Ши и черепаха. Извѣстно, что древніе чрезЪ ту и другую совопрошалися сЪ небесами о вещахЪ сомнительныхЪ и о грядущихЪ временахЪ. Но какЪ, вЪ какихЪ точно паденіяхЪ случаевЪ ни книги, ни преданія не вразумляютЪ насЪ. МожемЪ сказать только, что черепаха есть одно изЪ таинственныхЪ животныхЪ древности. О травѣ же Ши нигдѣ и ничего не находимЪ. ВЪ ЛиКіѣ хотя стоитЪ, что употребляющій на чарованіе траву Ши, равно какЪ и черепаху, казнился смертію.*

(Дд) *Конфуцій можетЪ быть одинЪ изЪ всѣхЪ мудрыхЪ вЪ древности, коего ревность кЪ доблести,*

вершеннѣйшимъ, не заключаетъ стараній своихъ въ самомъ токмо себѣ, но простираетъ на всѣхъ другихъ елико можетъ.

Окончаніе.

Трудиться во усовершенствованіи самаго себя есть первый законъ любви; трудиться во усовершенствованіи другихъ есть первый урокъ мудрости. Сіе и оное обрѣтаетъ человѣкъ въ сердцѣ своемъ

сти, истиннѣ и общему благу побудила скитаться по толикимъ царствамъ и областямъ, научая народъ чистѣйшимъ нравственнымъ правиламъ древнихъ; сражаться со злоупотребленіями и неустройствами общественными. Помѣстимъ здѣсь нѣкоторыя его правила, вспадшія теперь намъ на мысль:.. Кто прогнѣвалъ Тіэна, у того нѣтъ уже никакого покровителя. . . .Ученіе, мною преподаемое, не мое: отголосокъ только я древности, которую чту и люблю . . . Богатство и знать, отъ коихъ краснѣетъ правота, суть для мудраго облака безъ влаги, носимыя по воздуху вѣтрами . . . Всякое царство тѣсно для Царя неусыпнаго, держателя слова, врага роскоши, коего любитъ воинство, а онъ любитъ народъ . . . Не искренній, не прaводушный, недостоинъ имени мудраго. Худо избранные друзья не на долго. Кто раскаявается въ погрѣшеніяхъ, но не исправляетъ себя, останется всегда таковымъ. Человѣкъ двоедушный есть колесница безъ дышла: къ чему же запрещи коней? . . . Къ чему благовонія и масти мертвому трупу? Не чувствуетъ. Тоже обряды религіи и музыки для нечестія. . . . . Доблесть есть пра-

своемъ написаннымъ рукою естества. Тогда только идетъ стезею доблести, когда душа его вся занята сугубымъ таковымъ предметомъ; нравственно истощаетъ силы свои для обоихъ. Стеченіямъ случаевъ и временъ дано властвовать его ревностію и направлять его усилія.

Нѣтъ ни пустоты, ни покоя въ жизни совершеннаго человѣка (Ее). Дѣйствованіе его есть опора и

противный вѣсъ щастія и нещастія. Нестяжавшій ее или восходитъ излишне высоко, или снисходитъ излишне низко. . . . Самые злѣйшіе яды суть лѣкарство отъ ядовъ въ рукахъ искуснаго врача. Тоже худые примѣры для мудраго. . . . Кого бы я ни обидѣлъ, обидѣлъ самаго Тіэна. Люн - Ю, первая и вторая часть.

(Ее) *Самая дальняя дорога есть та, на которой останавливаемся. . . . Лѣнивой Мандаринъ есть человѣкъ въ параличѣ, окруженной тиграми. . . . Тихихъ рѣкъ брега подъ цвѣтами, однако же онѣ текутъ безпрестанно. . . Небеса непоколебимы, потому что непрестанно коловращаются. Солнце проливаетъ свѣтъ по вселенной, ибо ничто не прерываетъ его бѣга. Море не уменьшается никогда; ибо денно и нощно пріемлетъ столько водъ, сколько изъ себя выпускаетъ. Кровь не портится въ жилахъ нашихъ, ибо въ непрестанномъ движеніи: тоже доблесть въ мудромъ. . . . Сут - Ши. Престарѣлый Тсіэн-Тши, по возвращеніи изъ Дворца въ домъ свой, носилъ камни отъ одного края сада своего до другаго, и потомъ дѣлалъ тоже и тоже. Для чего*

и пища доблести; доблесть его, всегда упражненная, увѣнчавается безпрестанно новыми лучами славы. Лучи сіяющіе! теплота и свѣтлость ихъ прирастаютъ скоропостижно, разливаются повсемѣстно и каждое мгновеніе снискиваютъ милость Тіэна. Отсюда вземлется довѣренность къ совершенному человѣку, властительство его и знаменитость его имени. Довѣренность приводитъ его въ состояніе предпринимать самыя великія дѣла, властвованіе преодолѣваетъ всякія препятствія, имени знаменитость подпираетъ, посвящаетъ потомству успѣхи, выводя непосредственно изъ однихъ другіе. Знаю ли я? Благотворительность его (Жк) столь же велелѣпна, столь же неизчерпаема, какъ плодоносіе земли; пре-

то такъ утомляешь ты себя? вопросилъ нѣкто изъ его друзей. Дабы лѣность не притупила сгибовъ въ членахъ моихъ, праздность не притупила бы душу мою. Лѣтописи, читай главу Ву-И Шу-Кинга, начинающуюся прекрасными сими словами: . . . Егда Государь бѣжитъ отъ нѣги и праздности, тогда душа его неизходно наполнена воображеніями трудовъ и работъ поселянъ; гнусно ему истощать на роскошь ихъ потъ.

(Жк) Вода не задерживается долго на горахъ, ниже мщеніе въ сердцѣ великаго мужа . . . Смиренномудріе и благотворительность суть крылья мудраго . . . Сердце тѣсное никогда не расширяется . . . Продолженіе забавъ растворяетъ ихъ ядомъ, мутитъ и умаляетъ; благотворительность даетъ имъ изящность, чиститъ ихъ и размножаетъ. О благотворительность! о качество великихъ душъ! кто можетъ возмутити твои веселія? Самая неблагодарность придаетъ имъ еще болѣе силы. Ма Линъ.

мудрость его высотою своею и чистотою равняется самымъ горьнимъ предѣламъ небесъ; всѣ его дѣянія имѣютъ на себѣ печать Вседержителя. Они - то суть поддерживатели тягости безконечнаго ея бытствованія, и заимствуютъ отъ нихъ безпрерывновенно новую славу.

Пріобщимъ: всѣ сіи чудеса текутъ какъ отъ источника. Человѣкъ совершенный не узрѣнъ еще, но уже всѣхъ очи его ищутъ. Кажется недвижущимся (31), но производитъ всеобщую премѣну во нравахъ общенародныхъ; является какъ бы повлеченнымъ сцѣпленіемъ произшествій, но исполняетъ самыя глубокія предначинанія. Одно слово скажетъ все; дѣянія его сообразны суть дѣяніямъ естества. Чѣмъ болѣе простыи и несложны, тѣмъ наипаче высоки и неизъясняемы. О небеса! о земля! коликая глубина и сила, коликая премудрость и свѣтъ, коликая премѣнчивость и постоянство въ теченіи вашемъ, въ вашихъ путяхъ! Увы! возведу ли я мысленные взоры въ горняя эфира, теряюся на высотѣ. Что же бы сталося со мною, естьли бы я разсѣялъ ихъ по симъ не-

(33) *Выдающіе себя за учениковъ Лао-Тцея такъ толкуютъ сіе ученіе: защищая онымъ лѣность свою, нераченіе и самую глубокую праздность, хвастаютъ тѣмъ, что сидятъ по цѣлымъ годамъ, не трогаяся съ мѣста. Лѣтописи повѣствуютъ о нѣкахъ Императорахъ, что они крѣпко спали, много и сладко ѣли, не вставали на ноги отъ утра до вечера, не говорили почти ни слова, бредили на яву посреди всѣхъ придворныхъ своихъ: мечталось имъ, что Тао - Сеэ правитъ государствомъ подобно Шуну и Яоу.*

неизмѣримымъ сводамъ, отъ коихъ солнце, луна, блудящїя и неподвижныя звѣзды низпосылаютъ сїянія свои даже до послѣднихъ концевъ неизмѣримаго онаго пространства мїрозданія? Нѣдро земное, коего поверьхность попираю я ногами; умоначертанія мои, мои вычеты приводятъ въ замѣшательство. Что же бы было, естьли бы пробѣгая умомъ горы, долины, рѣки, моря, возхотѣлъ я измѣрить разстояніе ихъ; естьли бы возхотѣлъ дать себѣ отчетъ о проявляемыхъ ими хитростяхъ ихъ, слѣдовать по излучинамъ связей, коими сцѣпляются; естьли бы возхотѣлъ вѣдать число оживотворенныхъ человѣковъ, звѣрей, птицъ, гадовъ, рыбъ и чудовищъ, жителей ихъ? Поля вижу ежедневно покрытыя травою, растѣніями, цвѣтами, коихъ человѣкъ никогда не изчислялъ. Утроба земная, бездны морскія, вмѣщаютъ тьмы сокровищъ неизвѣстныхъ ему, и кроютъ отъ него неимѣтныя чудеса. Стихотворецъ въ восхищеніи вопіетъ: . . . „О Тїэнъ! Ты единъ установляешь судьбы вселенной; пути Твои непостижны, „дѣятельность Твоя не трудится и не почіетъ!„

Какъ бы хотѣлъ сказать намъ, что тѣмъ-то самимъ и есть Онъ Тїэнъ. „О Уэн-Уангъ (Ии)! „про-

(Ии) *Уэн-Уангъ одѣвался всегда просто, безъ отдохновенія трудился внутри чертоговъ своихъ, чтобы не нарушалося никогда общественное спокойствіе и земледѣльство процвѣтало. Привлекательныя пріятности народолюбія, смиреніе, умѣряли строгость величія на его челѣ: никогда страсти не измѣняли веселаго лица его. Любилъ подданныхъ, носилъ ихъ, какъ мать младенца, во обѣ-*

„ продолжаетъ тотъ же стихотворецъ: доблесть твоя „ есть образъ Его: куда не досязаютъ силы ея? Лучи „ свѣта ся колико суть сладостны и чисты! Сирѣчь, „ что сей великій Государь не инако возвысился до „ толикой степени доблести, какъ тѣмъ, что внѣ- „ шнее его поведеніе день отъ дня становилося про- „ стѣе, внутреннія же его заботы и прилѣжанія „ день же отъ дня безпрерывнѣе и неутомленнѣе. „

Пути святаго непостижимы; доблесть его объемлетъ вселенную, все оживотворяетъ, все содержитъ и подъемлется даже предъ самаго Тіэна. Какое отверзтое теченіе готово открыться предъ нами! Колико законовъ и обязательствъ новыхъ! Колико священныхъ обрядовъ и торжествъ! Но какъ блюсти оные, естьли бы святый не являлъ примѣра? Единое пришествіе его предуготовляетъ уже насъ къ тому и облегчаетъ исполненіе. Слово всѣхъ вѣковъ: „ Стези „ совершенства возъимѣютъ тогда только путни- „ ковъ, когда наисвятѣйшій оставитъ на нихъ слѣды „ стопъ (Ii) своихъ. „

Серд-

объятіяхъ. Благодѣянія его выискивали вдовъ и сиротъ; окончаванія дѣлъ государственныхъ едва оставляли ему время для пищи. Шу - Кингъ, глава Ву - И.

(Ii) *Сіе и послѣдующее, кажется, относить можно ко Святому святыхъ, ожидаемому и вожделѣнному искони міробытія. Да не подумаютъ за морями, что есть то единая изъ таковыхъ догадокъ скоропостижныхъ, каковыя выдавать отваживается любовь къ отечеству. Естьли бы было здѣсь мѣсто вникнуть въ вопросъ толикія*

Сердце прямое, уязвленное красотами доблести, чтитъ въ самомъ себѣ дары Небесъ, достоинство естества своего, не колеблется начинать теченіе, послѣдуя за свѣтильникомъ, освѣщающимъ его. Вопрошаетъ, испытуетъ, ищетъ научаться, разверзаетъ дѣятельность своихъ мыслей. Съ перваго полета своего направляетъ оный быстро къ великимъ и первоначальнымъ истиннамъ, и такъ протекаетъ неизмѣ-

ликія важности, мы бы привели доказательства, почерпнувъ оныя въ собственныхъ нашихъ чувствованіяхъ; доказательства столь рѣшительныя, столь чистыя, столь заключительныя, каковыхъ желать болѣе не можно. Не примѣчаніе къ тому потребно, что находимъ въ древнихъ буквахъ нашихъ, въ нашихъ Кингахъ, преданіяхъ древнихъ, разсѣянно помѣщенныхъ во всѣхъ старинныхъ нашихъ сочиненіяхъ. Довольно, естьли вопросимъ только самыхъ упрямѣйшихъ опровергателей того, какъ могло сочиненіе Тшонг-Іонгъ такъ высоко воспарить, не имѣя вождями преданія. Читающіе книги наши да испытуютъ, что ученые у насъ мужи всѣхъ временъ, всѣхъ династій, писали о Святомъ? Пусть всѣ предразсудки Европы станутъ между ими и нѣкоторыми извѣстными смыслами книгъ нашихъ: принудятся конечно исповѣдывать, что вѣщаемое имиприличествуетъ тохмо Богочеловѣку, Царю, Спасителю, Учителю человѣковъ. Единыя имена: Небожитель, Сынъ Тіэна, Человѣкъ совершенный, наисвятѣйшій, Первородный, Владыко мудрыхъ, Царь небесныхъ духовъ и прочее; имена, кои налагаютъ конечно не человѣку обыкновенному.

измѣримыя пространства небесъ; потомъ, ставъ повлекаемъ многоразличностію и важностію подробностей, даетъ мчать себя къ заключеніямъ самымъ отдаленнымъ, протѣсняется чрезъ лавиринѳъ отличеній самыхъ тончайшихъ. Къ таковой превышшей наукѣ, которую Истинна озаряетъ всемъ своимъ свѣтомъ, приступаетъ смѣлыми шагами, и какъ бы по извѣстному уже пути касается точной средины. До того сниканныя имъ познанія способствуютъ ему снискивать же новыя доблести, въ коихъ упражняяся, облегчаетъ себѣ исполненіе всѣхъ своихъ должностей, доставляется вновь успѣхами совершенства. Возведенъ ставъ на первыя степени знатности, неприступенъ для суеты; помѣщенъ въ самомъ низкомъ состояніи, сохраняетъ величіе души своей (Кк); доблесть его процвѣтаетъ въ царствѣ, въ коемъ обитаетъ онъ. Всякаго рода почести поспѣшаютъ къ нему на встрѣтеніе, едва заслышится гдѣ либо его имя. На мѣстахъ, гдѣ владычествуетъ порокъ, гдѣ имѣетъ скипетръ въ рукѣ, довольно, естьли онъ молчитъ; молчаніе его обезпечиваетъ его спокойствіе. Таковъ былъ Тшонг Тангъ. Стихотворецъ поетъ объ немъ: ... „Вы-

(Кк) *Не обдѣлка алмаза даетъ ему цѣну; положи въ грязь, будетъ не дешевле. Таковъ точно мудрый: не онъ теряетъ чрезъ низкое свое состояніе, но тотъ, который его возвыся, обогатилъ бы себя и прославилъ. Тшун-Шу троекратно былъ первымъ Министромъ, троекратно приходилъ въ немилость Государя своего. Въ случаяхъ обоихъ сихъ родовъ не примѣтили въ немъ ни радости, ни печали. Сказалъ только спокойно: возходить, или спускаться, все шествовать по пути. Примѣчаніе лѣтописи.*

. . . . „ Высокая премудрость спасла его отъ гибелей, „ отвсюду окружавшихъ. „

Пріобщимъ сказанное Конфуціемъ: . . „ Человѣкъ посредственнаго ума доискивается большихъ „ чиновъ, и получаетъ; человѣкъ ничтожный, напыщающійся какъ вельможа, говоритъ гордо и осанисто; человѣкъ неспокойный, пороча правительство „ настоящее, дѣлается защитникомъ минувшаго; но „ всѣ они копаютъ ровъ подъ ногами и готовятъ „ паденіе свое въ него. „

Сѣдящій токмо на престолѣ можетъ властно вѣщать объ обрядахъ общественныхъ, исправлять принятые обычаи, вводить новости въ порядокъ ученія (Л1). Колеса нашихъ дней вертятся по слѣдамъ колесъ древности. Наше краснорѣчіе составляется правилами, ею примышленными; наше нравоученіе просвѣщается правилами, ею изслѣдованными и разверстыми. Скажу болѣе: хотя бы былъ ты самъ Императоръ, остерегайся премѣнять обряды и музыку первобытныя, естьли недостаточествуешь въ доблести. Положимъ, что ты добродѣтеленъ, ниже замышляй того, когда ты не на престолѣ.

По-

(Л1) *Всякій народъ имѣетъ свои предразсудки. Наши защищаютъ древность, ополчаются противу новостей. Слова мѣста сего Тшонг-Юнгъ суть язвительная хула на систæмолюбцевъ временъ Тсеэ-Сеэвыхъ, которые, пользуяся смятеніями народа, соперничествами вельможей и междоусобными бранями, обманывали Государей, созидая имъ благоденствіе на развалинахъ.*

„Повѣствую въ радостію, говаривалъ Конфуцій, „извѣстное объ обрядахъ времянъ династіи Гіаэвъ; „но памятники царства Кинскаго не довольны для „свидѣтельствованія оныхъ достовѣрности (Мм). Нарочито знаю я о тѣхъ, которые бывали въ династіи Иновъ; но уже прешли и болѣе не существуютъ въ маломъ царствѣ Сонгскомъ. Съ прилѣжностію тщился освѣдомлять себя о таковыхъ же „нынѣ владѣющей Тшеуской династіи, и сообразиться „съ ними всею моею возможностію.

Сколько бы избѣжали ошибокъ въ правительствѣ, не вводя никакихъ новостей въ обряды, обычаи, науки (Нн)! Какъ бы ни добродѣтеленъ былъ Госу-

(Мм) *Князи области Ки произошли прямою чертою отъ Юа, основателя династіи Гіаэвъ. Повѣствуемое Конфуціемъ о памятникахъ, сохраняемыхъ во области сей, доказываетъ, сколь охотно онъ внемлетъ гласу критики, и сколь робѣетъ вѣрить гласу сему. Но естьли, и когда онъ еще жилъ, такъ мало вѣдали надлежащаго до первѣйшей изъ всѣхъ династіи, то что же вѣдать можемъ мы нынѣ, послѣ сожженія книгъ и безчисленныхъ премѣнъ, впускавшихъ къ намъ Государей изъ разныхъ странъ?*

(Нн) *Лѣтописи свидѣтельствуютъ, сколь много причинено нещастій народу въ теченіи династіи Сонговъ, по единой ихъ ребячьей, можно сказать, охотѣ къ новымъ обрѣтеніямъ, перемѣнамъ и системамъ. Пять столѣтій лжей, бреда и призраковъ, не могли средней степени ученыхъ нашихъ вывести изъ*

Государь, единая доблесть его недостаточна успокоевать духи, встревоженные таковыми новостями: сомнѣваются о полезности оныхъ. Возмущенный народъ отказываетъ подвергаться имъ. Тѣмъ наипаче праводушіе, премудрость, слава имени и одного простаго гражданина, или и государственной какой либо особы, удобны ли приводить въ почтеніе таковыя премѣны? Такій человѣкъ теряетъ общественную довѣренность; сердца отъ него удаляются, противится ему чернь.

И такъ должно симъ начинать, что личное достоинство, личная доблесть, суть первыя пружины добраго правительства; но сіе достоинство, доблесть сія, долженствуютъ предварительно взять верьхъ, коимъ упреждаются сомнѣнія; заслужить довѣренность, которая повлекаетъ за собою одобренія; стяжати власть, покаряющую духи. Естьли Государь шествуетъ по почтеннымъ стопамъ Ина Тшинг-Тонга,

изъ заблужденія, дабы не подвергать всего случающагося на свѣтѣ тонкостямъ метафизическимъ, составляя оныя въ безконечномъ почти наборѣ словъ. Династія Сонговъ, послѣдуя тому, разслабила главныя пружины правительства, и была искоренена Татарами, кои ничего инаго не знали, кромѣ своихъ колчановъ и коней. Съ того времени мнимое такое философствованіе не приближалося уже къ престолу. Ученые же мужи первой степени и мудрые предоставили таковую пустоту писцамъ черни, каковыхъ великое у насъ множество. Но естьли здравая политика съ презрительнымъ смѣхомъ взираетъ на ихъ нелѣпости, то ревность страждетъ отъ препятствій въ распространеніи благовѣстія Евангельскаго.

Уэн - Уанга, никто не опасается, что онъ заблудитъ отъ истиннаго пути; естьли будетъ онъ подгибать законы свойству климата, общенародному вкусу, уразительнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, никто не откажетъ ему одобренія своего; естьли рѣшится на что либо, слѣдуя непреложнымъ правиламъ вѣры, основываясь на надеждѣ пришествія Святаго, ожидаемаго чрезъ толикія уже столѣтія назадъ: никто не поколеблется подвергнуть себя ему.

Тотъ прямо знаетъ Тіэна и человѣковъ, кому опора религія (Оэ) и ожиданіе Святаго; онъ токмо удостовѣряетъ всѣ духи! Самодержецъ ставъ таковымъ, предначинанія его будутъ свѣтильникомъ и правилами отъ рода въ родъ; дѣянія его всегда пре-

(Оэ) *Прекрасныя сіи правила взяты изъ Шу-Кинга: вѣщаемы сею книгою и повторяемы многоразлично. Нѣтъ страницы, гдѣ бы не встрѣчалися читателю. То же самое находятъ въ Ши-Кингѣ, Ли-Кіѣ и Тшун-Тсіэуѣ. Отъ начала монархіи нашей до дня сего, всѣ добрые Государи не издавали ничего въ народъ безъ заимствованія пристойныхъ мѣстъ изъ книгъ сихъ. Скажу болѣе: и въ самыя тѣ времена, когда расколы идолопоклоннические Фоэвъ и Лао-Тсеэвъ, можно сказать, сидѣли на престолѣ, правительство, относясь къ народу, ни единожды не упоминало объ истуканахъ, обожаемыхъ ими: слогъ пишемаго министерствомъ, былъ всякій разъ слогъ Кинговъ. .. Того ради, говоритъ Ліэу-Тши, что должно увѣрять народъ въ совѣсти; трясти дерево близь корня, чтобы заколыхалися всѣ вѣтви.*

превозносимы будутъ хвалами во всѣхъ грядущихъ вѣкахъ: будутъ оныя образцы подражанія; словеса его не умолкнутъ преподавать поколѣнія поколѣніямъ, яко вѣщаній премудрости. Все сіе промчится до самыхъ позднѣйшихъ потомковъ. Народы, тысячами лѣтъ отъ него отдѣляемые, обратятъ къ нему взоры свои, жалѣя, что не живутъ подъ его законами. Рожденные же въ той землѣ, гдѣ онъ царствуетъ, и которые долженствуютъ ему всемъ, благодарятъ Тіэна, что живутъ во времена его. „Всѣ иностранные „владѣтели, говоритъ стихотворецъ, благословляютъ „память Уэн-Уанга. Престолы ихъ сколь бы ни „были превознесенны, лучи славы его ослѣпляютъ „оные. День дни, нощь нощи отрыгаетъ похвалы „ему; всѣ грядущіе вѣка неумолкно повторять оныя „будутъ.„

Прочти лѣтописи, совопрошайся со всѣми временами: узришь, что великіе Государи навсегда суть предметы удивленія и похвалъ вселенной.

Конфуцій весьма долго жилъ на свѣтѣ послѣ Яоа и Шуна; но великій его духъ промчался чрезъ толикія столѣтія, и достигъ до высоты правилъ и нравоученія благихъ сихъ Государей (Пп). Малый

про-

(Пп) *Отъ сего-то положенія Тсеэ-Сеэва надобно приступать къ разсужденію о философіи Конфуція, а не отъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ реченій, ему присвояемыхъ, которыя опровергаются его же собственными сочиненіями и поведеніемъ. Конфуцій во всю жизнь свою не имѣлъ болѣе одной жены; нравы его всегда были непорочны. Премѣны,*

промежутокъ временъ отдѣлялъ его отъ подобно же знаменитыхъ царствованій Уэна и Уа: посвятилъ онъ доблести ихъ всеобщему удивленію, и учинилъ безсмертною память ихъ ученостію своею. Такъ новыя времѣны въ бѣгахъ свѣтилъ небесныхъ повѣдаютъ намъ происходившія въ древніе вѣка, и означаютъ пути теченія оныхъ. Такъ вновь появившіяся воды изъ нѣдра земнаго указуютъ на тѣ мѣста, кои прежде подобно же были орошаемы и производили плодоносіе.

О Конфуцій! въ неизмѣримыхъ пространствахъ небесъ, въ неизчерпаемыхъ сокровищахъ утробы земной искать должно образа высочайшихъ твоихъ доблестей и премудрости. Небеса, хотя движущіяся единообразно, безпрестанное производятъ совоспослѣдованіе годовыхъ временъ; свѣтила, плавающія по нѣдру ихъ, одно также другаго заступаетъ мѣсто для озаренія насъ своимъ сіяніемъ. Земля, неизмѣнно плодоносная и благотворительная, разверзаетъ чресла свои и паки сжимаетъ, соразмѣрно съ произращеніями, коими обогащаетъ насъ; довольствуетъ всѣ нужды наши премѣнчивостію мнимыхъ своихъ непостоянствъ.

Такъ

ны, произведенныя имъ въ правительствѣ царства Лускаго; образъ, коимъ разположилъ онъ свои поступки, наставлялъ учениковъ, ревность его въ отъискиваніи и храненіи Кинговъ, средства, коими выдерживалъ разныя на себя гоненія; трезвая и кроткая жизнь, никогда не измѣнявшаяся, оправдаютъ не только воздаемыя ему похвалы, но которыя впредь воздаваемы быть могутъ. Греція, Римъ, конечно не имѣли ни одного мудреца, равнаго ему.

Такъ наипремудрѣйшій, не изходя изъ тогнихъ предѣловъ истинны, умѣетъ различать наставленія свои, соразмѣрять уроки своя нуждамъ народа, или обнажая предъ ними всю свою доблесть, или показуя имъ нѣкоторую токмо часть ея. Примѣры свои равняетъ съ ихъ силами, съ ихъ успѣхами (Рр). Великая его душа, объемлющая все, подобно небесамъ, столь же обильная, какъ земля, всѣхъ человѣковъ носитъ въ груди своей, всѣ человѣки избыточествуютъ благодѣяніями его.

Но что я говорю? Предоставлено наисвятѣйшему, Святому всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, соединить вкупѣ всѣ лучи премудрости, и достигнуть совершенства во всѣхъ доблестяхъ. Прозорливость его, свѣтъ разума, виды его, его совѣты безъ усилій, обьимутъ владычество цѣлаго міра, направлять будутъ всѣ онаго пособія. Величіе души его, его велелѣпіе, благоутробіе, кротость, дадутъ союзъ пользамъ всѣхъ и преклонятъ къ нему всѣхъ сердца. Дѣятельность его, сила, мужество и неустрашимость, превратятъ превратности въ способы, подогнутъ теченіе произшествій воли его. Его простота, откровенность, правота, благость, вліютъ довѣренность къ нему и почтеніе. Величество его, вишійство, острота разума, про-

(Рр) *Конфуцій убѣгалъ заводить рѣчь о всемъ томъ, что противно естеству, или что превозходитъ его силы; о дѣлахъ государственныхъ, о пресущественности и дѣйствіяхъ духовъ. Неумолкное ученіе его состояло въ правилахъ нравственныхъ древности, исполненіи должностей, чистотѣ намѣреній и правотѣ сердца. Лон-Ю.*

проницаніе, разгонятъ всѣ мраки, заставятъ любить незлобіе, благоустройство, коихъ явитъ онъ красоту.

Избирая ему токмо извѣстные часы теченія случаевъ, будемъ преходить изъ подробностей въ подробности всѣхъ вѣтвей разныхъ должностей нашихъ; возведемъ къ первому оныхъ источнику и измѣримъ онаго глубину. Безпредѣльные верьхи небесъ, бездны морей, суть слабое изображеніе неизмѣримыхъ пространствъ, кои наги предъ нимъ со всѣми сокровищами, въ себѣ заключаемыми. Народы повергнутся предъ нимъ, едва токмо досягнетъ до него ихъ зрѣніе. Услышавъ его гласъ, внутреннее увѣреніе наполнитъ ихъ души, и единымъ гласомъ возгласятъ его дѣла; вся вселенная наполнится имени его славою, и надъ Китаемъ проліются лучезарные отъ него струи; проліются же и даже до самыхъ дикихъ народовъ; распространятся и по самымъ непроходимымъ пустынямъ, до коихъ никогда не достигали корабли. Въ томъ и другомъ полукружіи міроздания, до морей и за морями, никакій климатъ, никакая страна изъ освѣщаемыхъ солнцемъ, изъ обмочаемыхъ росою, изъ населенныхъ человѣками не останется, гдѣ бы имя его не было славимо, благословляемо. Да и пророчено:.. „Съ Тіэномъ возсядетъ во славѣ (Сс).„

О

(Сс) *Многіе ученые мнили присвоять величіе сіе Конфуцію, насильствуя смыслъ древнихъ сочиненій; но большая часть толкователей относятъ оное Святому, о коемъ упоминаютъ Кинги. Надобно видѣть большее толкованіе И-Кинга, сочиненное Императоромъ Канг-Гіусомъ, и увѣриться, что первые ошибаются.*

О наисвятѣйшій! мужъ совершенный! ты одинъ постигнешь вѣчно сокрытыя отъ насъ судьбы Провидѣнія; ты одинъ можешь возвѣщати намъ тайны путей Тіэна! Одинъ ты можеши проразумѣвать священную мѣту Его дѣлъ, и учинять насъ соотвѣтствующими Его намѣреніямъ! одимъ тобою наконецъ, познаемъ мы нѣжныя попеченія благости Его, и научаться можемъ возлагать на оную все наше упованіе. О благотворительность! о милосердіе Святаго! колико вы пречисты и любезны! колико неизчерпаемы и невещественны! Вы пучина неизсякаемая чудесъ; небеса ниже васъ. Понятны вы, но токмо озареннымъ полнымъ свѣтомъ мудрости, украшеннымъ всѣми доблестями, усоучаствованнымъ незаглаждаемыми таинствами Божества.

„Быть облеченну багряницею, возглашаетъ „стихотворецъ, и крыть подъ верхнею одеждою простолюдина, есть небрещи ею (Тт).„ Такъ поступаетъ

(Тт) *Кому сколько нибудь извѣстна Сеэ-Шу, или книга школы Конфуціевой, тотъ не замедлитъ примѣтить, что ссылки тамъ на Кинги точно таковыя же, какъ въ сочиненіяхъ святыхъ отцевъ на Священное Писаніе. Но да не ошибаются въ сравненіи таковомъ; мы внесли его здѣсь, слѣдуя, какъ кажется намъ, обычаю, вземлющемуся отъ одного древняго преданія объ откровенномъ ученіи на письмѣ. Догадку сію тѣмъ паче находимъ основательною, что часто во всѣ времена ссылалися у насъ на Кинги въ смыслѣ иносказательномъ и почти таинственномъ; весьма же далеко отъ того, чтобъ судить по словамъ.*

паетъ Святый; доблести его затмѣваются неподражаемою его кротостію; но день дни обнаруживаетъ ихъ, годъ году провозглашаетъ ихъ, слава его возрастаетъ съ ними совокупно. Лицемѣръ напротивъ тщетно украшаетъ внѣшность свою наивеликолѣпно; занятыя прикрасы слабѣютъ, линяютъ и изчезаютъ: является, каковъ есть вещію.

Истинная доблесть не имѣетъ призрака уразительнаго, блистанія, привлекающаго взоры; не утомляется, безпрестанно разсматривая саму себя, кажется во всемъ забывшею внѣшность свою; но безпрестанно же новыя находимы бываютъ въ ней красоты. Не могла бы вперять къ себѣ ничего инаго, кромѣ равнодушія; но сердца, самыя хладныя сердца, побѣждаются прелестями ея. Хощеши ли точно узнать истинную доблесть и итти въ слѣдъ ей путемъ святыни? Снисойди до перваго источника двухъ ея лучей, преходи отъ явленія къ явленію, даже до самыхъ сокровеннѣйшихъ пружинъ великихъ оныхъ позорищъ, ею представляемыхъ, шествуй за подробностями однихъ за другими, непримѣтныхъ успѣховъ, громкихъ произ-

вамъ. Самъ Конфуцій приводитъ множество примѣровъ. Достовѣрность, присвояемая Кингамъ, обычай изъяснять темныя мѣста, соображать смыслы во одно то же ученіе, есть также по мнѣнію нашему родъ доказательства, труднаго ко опровѣрженію. Взаимо-согласіе Кинговъ нашихъ есть не возможно и для самой нравственной науки; но тѣмъ еще страннѣе, что вымышлялися уже нѣкоторые способы къ таковому соображенію, по крайней мѣрѣ, хотя бы сколько нибудь смыслы Кинговъ были близки между собою.

произшествій, ею производимыхъ. ... „Чѣмъ глубже „воды, говоритъ стихотворецъ, тѣмъ нужнѣе доставать дно ихъ.„

Обрати потомъ вниманіе на самаго себя, испытай сердце твое, допрашивай твои мысли, дабы явны предъ тобою стали всѣ ихъ кривости; старайся вникнуть даже до самой средины оныхъ; средины, которая бѣжитъ отъ самыхъ великихъ душъ, и которая не вѣдома невѣждамъ. „Стѣны отдаленнѣйшія „въ домѣ твоемъ, пишетъ стихотворецъ, да безпрерывно видятъ тебя назирающимъ надъ самимъ со„бою, и не находятъ, отъ чего бы тебѣ рдѣться (Уу).

Бесѣдованія съ самимъ собою въ покоѣ размышленія, готовятъ успѣхи предпріятіямъ твоимъ. Одумываемыя тобою истинны суть источникъ рѣзкости и дѣятельности твоихъ словесъ. „Молчитъ, входя во „храмъ читаемъ въ нѣкоторой поэмѣ, но со входомъ „его умолкаетъ же шумъ со всѣхъ сторонъ.„

(Уу) *Знаменитый ученый мужъ, учитель нашего учителя, говаривалъ послѣднему: Надобно быть Христіаниномъ для понятія пишемаго оъ Тшонг-Юнгѣ. Читающій въ подлинникѣ согласится въ томъ, паче же читая и лучшихъ нашихъ толкователей сочиненія сего. На всякой строкѣ теряетъ онъ самъ себя. Многія мѣста для того только темны и запутанны могутъ ему казаться, что идетъ слово объ Океанѣ, какъ бы о не большемъ болотѣ съ прѣсною водою.*

Снищи доблести твоей силу удостовѣрительную, безъ помощи наградъ и обѣщаній, которая бы болѣе вперяла къ порокамъ омерзѣніе, нежели всякая кроволитная внѣшность смертныхъ казней. Стихотворецъ говоритъ: . . . „Не имѣетъ ничего, кромѣ „доблести, но Государи славятся подражаніями ему (Фф).„

Примѣрное благочестіе твое да возбуждаетъ благочестіе же народа и облегчаетъ ему всѣ пути. . . . Тотъ же стихотворецъ: . . . „Доблесть его хотя не „знаема и не гласна, но незлобіе его влечетъ къ себѣ „сердце мое и ліется въ мою грудь.„

Слухи и слова, какъ утверждаетъ Конфуцій, послѣдуютъ за исправленіемъ нравовъ, распространяютъ

(Фф) *Мудрый подобенъ солнцу; всюду приходитъ во всемъ сіяніи своемъ. . . . Кто разверзаетъ сердце, тотъ зажимаетъ уста у зависти. Человѣковъ соблажняютъ тѣмъ, къ чему каждый изъ нихъ пристрастенъ; преклоняютъ же ихъ къ себѣ токмо доблестями. . . . Кому ученіе древнихъ вождь, совѣсть путепоказатель, для того нѣтъ бурей; пили и есть, но благопоспѣшныя къ пристанищу его. . . . Мудрые суть звѣзды нравственнаго міра; строй теченія ихъ исправляетъ всякіе вычеты. . . . Вранъ налагаетъ молчаніе Гоа-Мегю (птица, отмѣнно пріятно поющая), но слушать его никто не хощетъ. . . . Имѣя дарованія, нужно имѣть же хвалителя; но человѣка съ доблестію хвалитель вредитъ . . . Ку-Ю. Пословицы древнія.*

ютЪ свое и преподаютЪ отЪ рода вЪ родЪ; но слухи и слова не составляютЪ причины и ихЪ собственно производящей: суть вещи нижней предЪ нею степени. Доблесть двигаетЪ сердцами, касаяся имЪ столь нѣжно, какЪ бы упадала на нихЪ пылинка. Дерзаю прибавить: пылинка вещество чувствуемое, вмѣсто того, какЪ нѣгдѣ пишется: „ Ухо не слышитЪ, ноздри не „ обоняютЪ владычествующаго на небесахЪ. „ Слово сіе изражаетЪ все; достигнуть до Него есть всевышшее совершенство.

КОНЕЦЪ II ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЗАПИСОКЪ КИТАЙСКИХЪ,

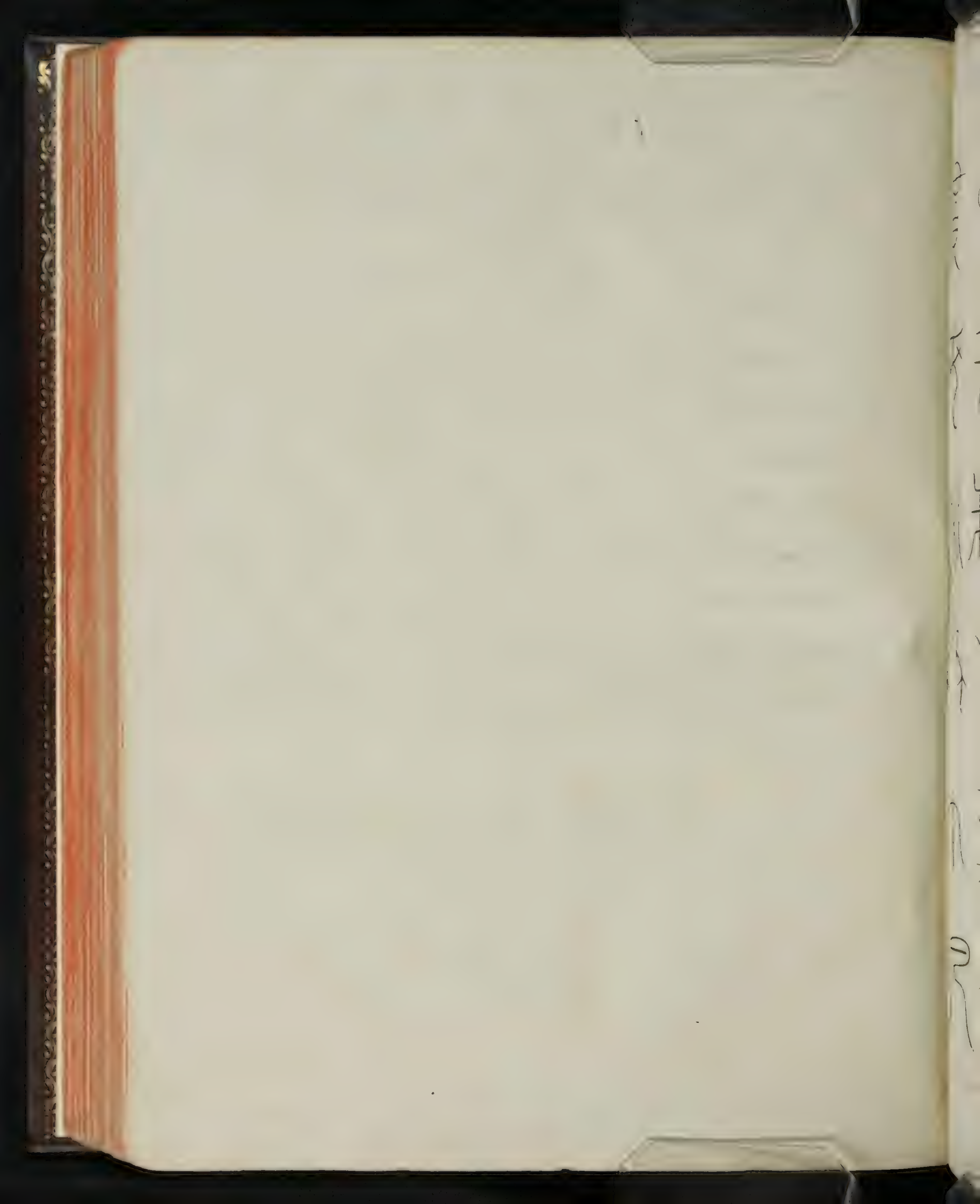
ВТОРАГО ТОМА.

ИЗВѢСТІЕ.

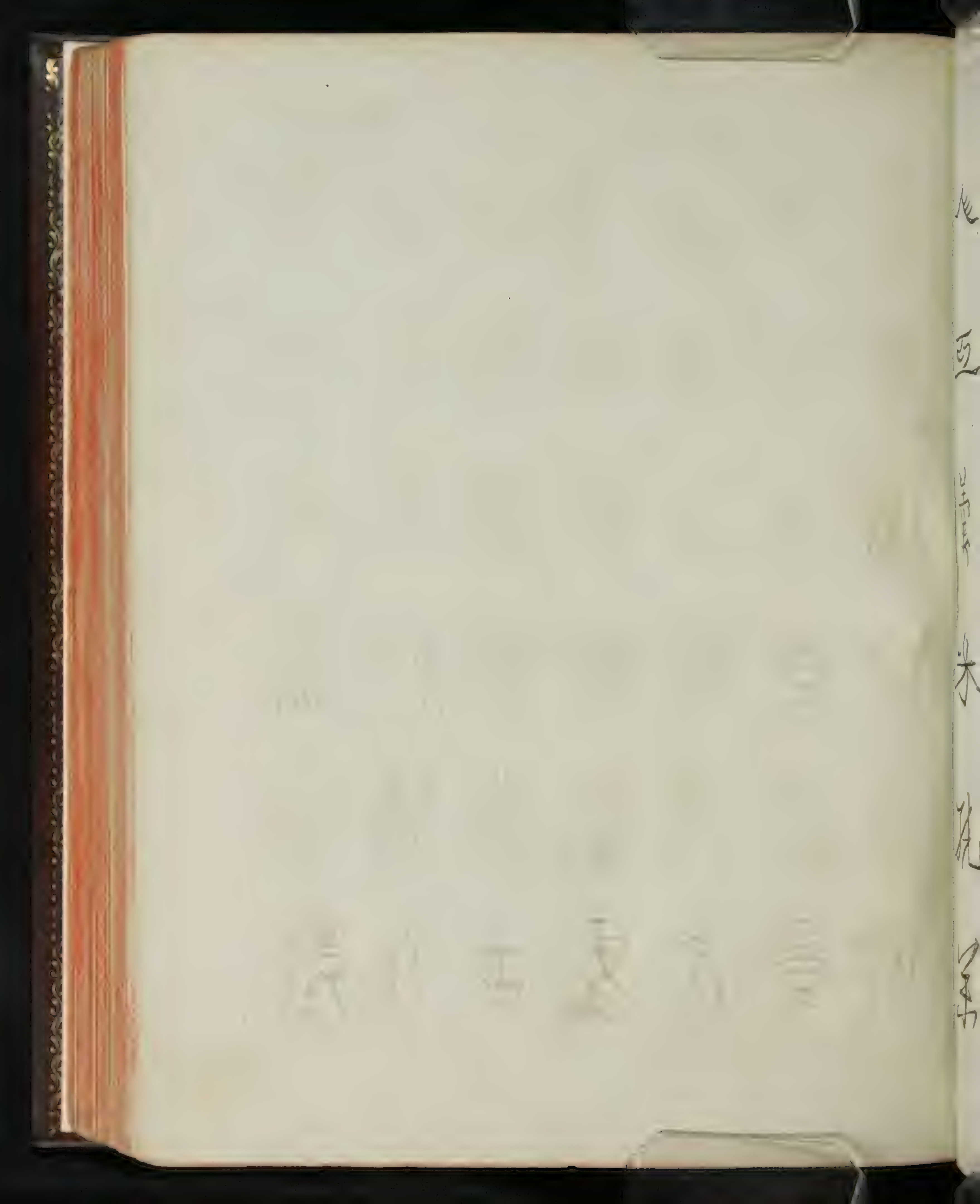
При семъ Томѣ находятся слѣдующіе рисунки, которые и должны быть помѣщены въ концѣ сего Тома.

---

1. Рисунокъ I.
2. Рисунокъ II.
3. Рисунокъ III.
4. Рисунокъ IV.
5. Рисунокъ V.
6. Рисунокъ VI.
7. Рисунокъ VII.
8. Рисунокъ VIII.
9. Рисунокъ IX.
10. Рисунокъ X.

буквы „тшу.ссс.

буквы „ли-тссе.

人 舊 藏 格 什 匹 篆

亞 有 巨 制 百 州 圓

буквы „гиик-шу„.

羹 菌 [illegible] 鳥 鴣 若 賴

米 荔 巢 雛 鵝 祆 覓

буквы „тсао-тссе„.

[illegible] 手 [illegible] [illegible] 極 [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] 池 鳳 [illegible] [illegible]

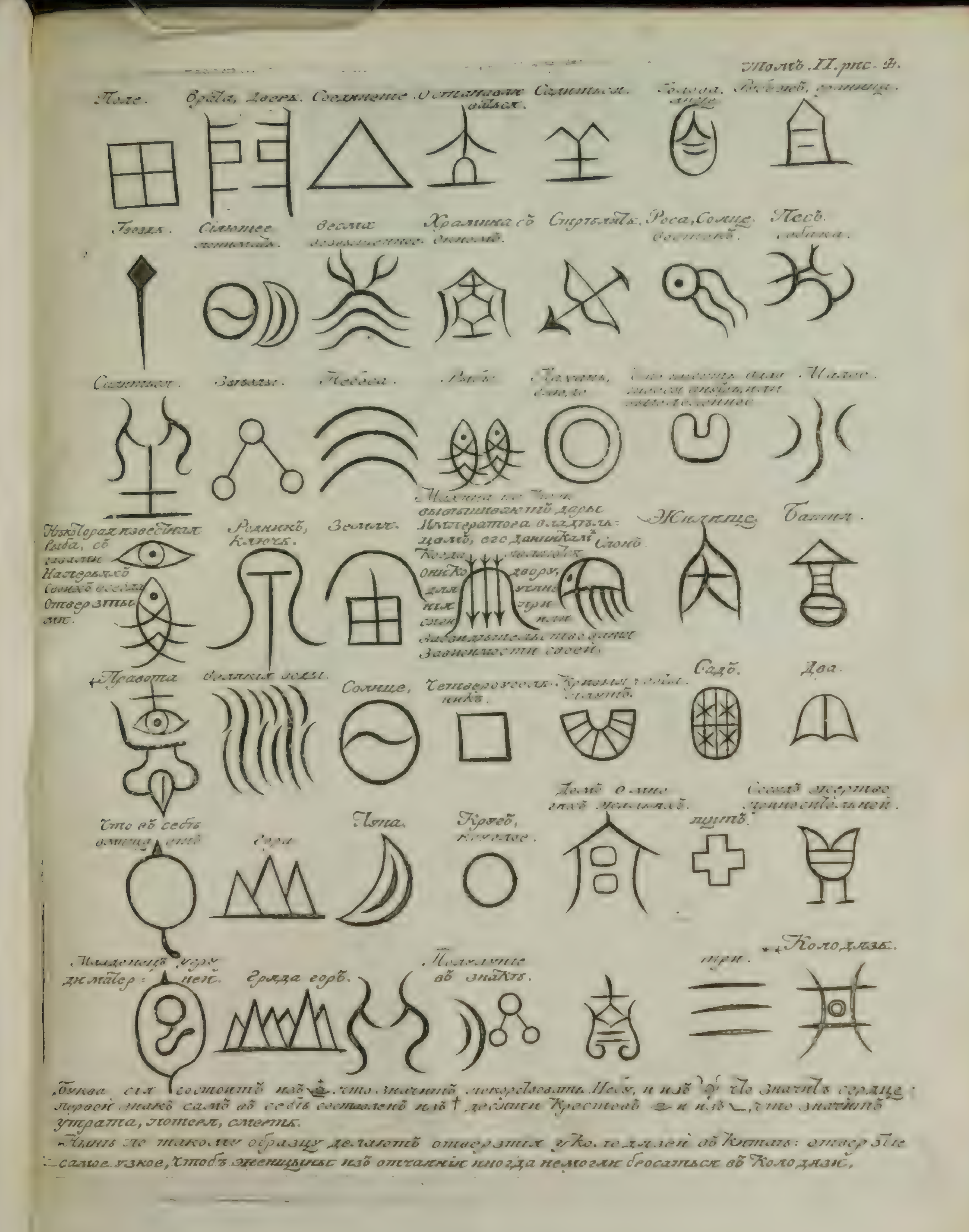

Круглое мѣсто, а на немъ сопка изъ насыпной земли. буква сія есть изобразительная.

* удивительно, что буква знаменующая Дракона или змія

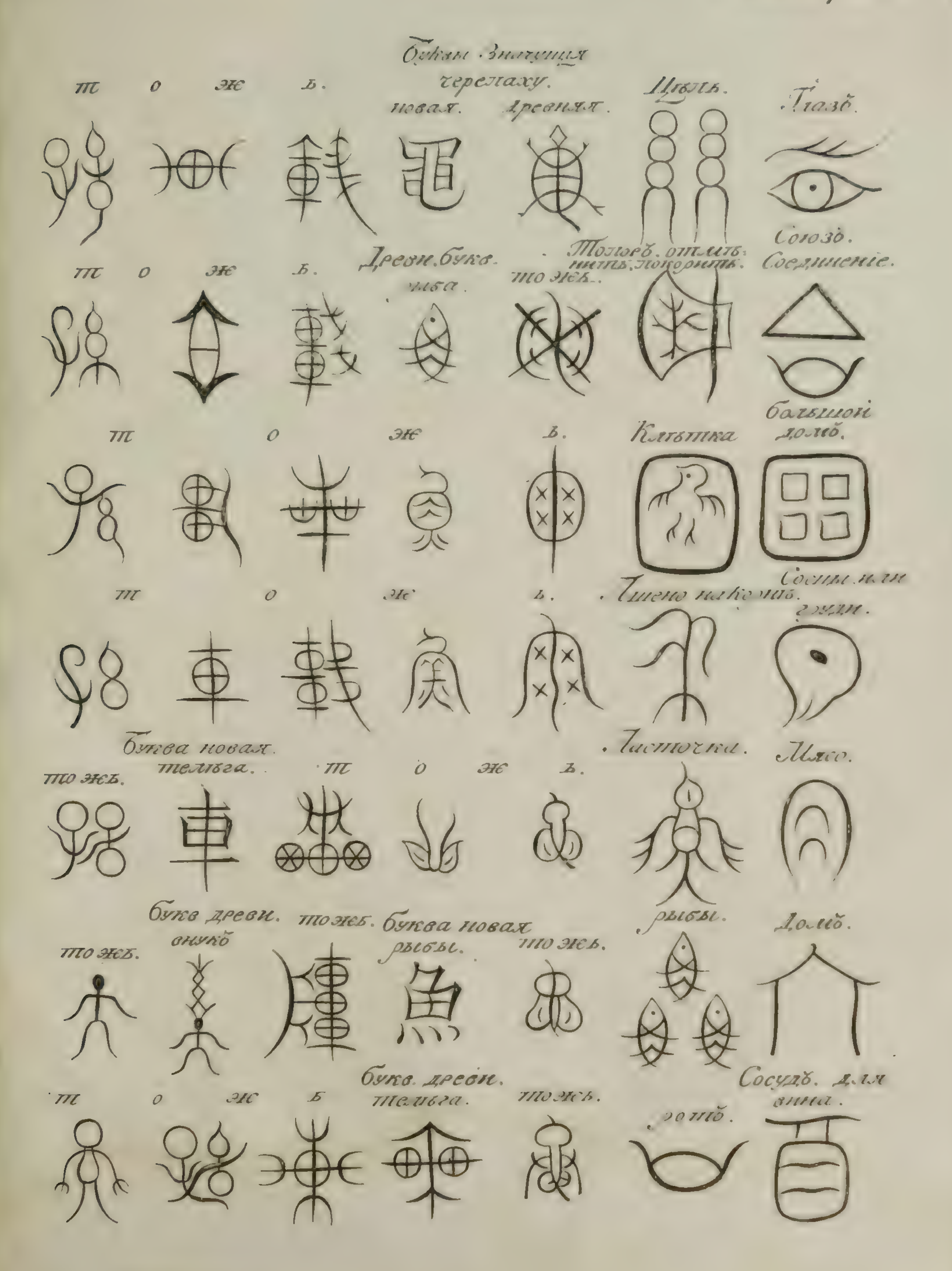
Духъ человѣкъ, Нетакъ Какъ Духъ зміевъ.

Буква сія состоитъ изъ … что значитъ покорствовать Небу, и изъ … что значитъ сердце; первой знакъ самъ въ себѣ составленъ изъ † десяти Крестовъ … и изъ …, что значитъ утрата, потеря, смерть.

Нынѣ по такому образцу делаютъ отверстия у Колодязей въ Китаѣ: отверстие самое узкое, чтобъ женщины изъ отчаяния иногда не могли бросаться въ Колодязь.

Буквы Значущія черепаху.
т о ж ъ.
новая.
древняя.
Цѣпь.
Глазъ.
т о ж ъ.
Древн. букв. рыба.
то жъ.
Топоръ. отмѣтить, покорить.
Союзъ. Соединение.
т о ж ъ.
Клѣтка
большой домъ.
т о ж ъ.
Пшено на колосъ.
Сосцы или груди.
то жъ.
буква новая. телѣга.
т о ж ъ.
Ласточка.
Мясо.
то жъ.
букв древн. внукъ
то жъ.
буква новая рыбы.
то жъ.
рыбы.
Домъ.
т о ж ъ
букв. древн. телѣга.
то жъ.
ротъ.
Сосудъ для вина.

Буквы Китайскія и Iероглифы Египетскія.

Похожія Между Собою

Китайск. Iерогл. Египет. Китайск. Iерогл. Египет.

Китайск. Египетск.
Новыя. древн.
Квадратъ.
Отгадываніе.
Предузнаваніе
Круглое.
Зубцы.
Ротъ, уста.
Пять.
Соединеніе.
Вечеръ.
Союзъ. согласіе.
Китайск. Египетск.
Нов. древн.
Пять.
Луна.
Луна.
Работа. трудъ дѣло.
Глубокій.
Трава.
Китайск. Египетск.
Нов. древн.
Сосудъ для вина.
Днесь, теперь.
Острое въ верху.
Ледъ.
Лукъ, колчанъ.
Морския суда.
Обманывать.

Китайския. Египетския.

Нов. Древн.

Коса. Серпъ.

Тридцать.

Глазъ.

Сравнивать.

Дерево.

Двадцать.

Левая рука.

Скамья. Столъ.

Записка. внесение въ книгу.

безобразенъ вторый.

Человѣкъ.

Китайския. Египетския.

Нов. Древн.

Начальникъ, глава, и все что имѣетъ нѣчто предъ собою.

Соединенный. Черный.

Великое. Пространное отверзтие.

Покрывать. все то что закрывается.

Господинъ, владыка.

Противостоящее. противный.

Знаки числительные людей.

Мясо, тѣло, плоть.

Дерево.

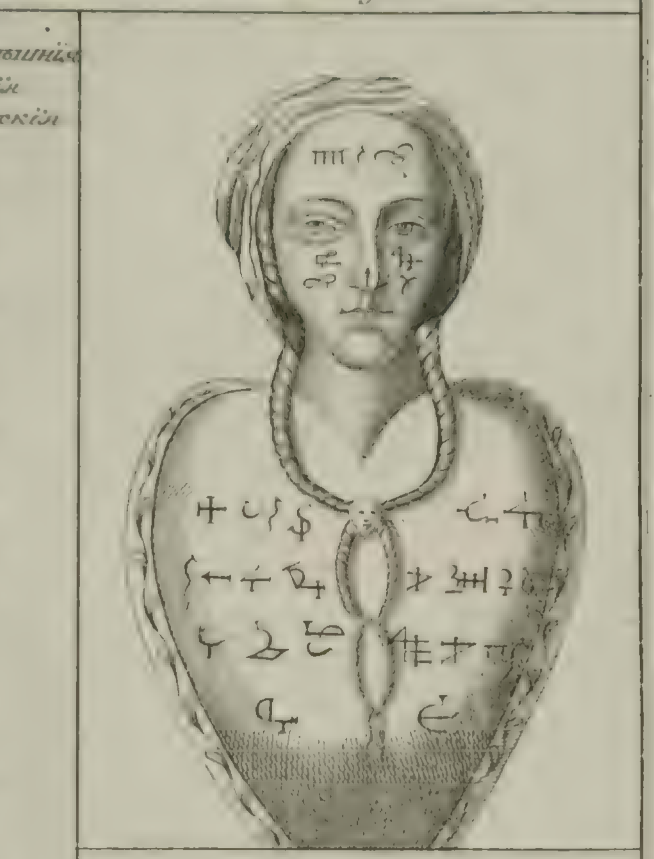
Кожица или перепонка. объемлющая книжки.

Плѣнникъ.

Великое отверстие.

Надпись Египетская, самая древнѣйшая вырѣзанная на истуканѣ изъ черного Египетскаго мармора, сохраняемаго донынѣ въ городѣ Туринѣ, и изображающаго поклоненію множествъ Изиду.

буквы древнія Египетскія и Китайскія		буквы нынѣшнія Египетскія и Китайскія
1	[illegible]	
2	столь	
3	[illegible],	
4	глаза	
5	голубыя;	
6	бѣлое есть	
7	лице.	
8	Единъ или первой.	
9	[illegible]	
10	великая,	
11	[illegible]	
12	фигура ея,	
13	длиною пядeней	
14	великихъ.	
15	мармориныхъ,	
16	съ половиною [illegible]	
17	девять;	
18	того же, [illegible]	
19	цвѣта черного,	
20	весьма	
21	пригожая	

буквы древнія.		буквы нынѣшнія.
22	первые были;	
23	въ нынѣшнее время	
24	такъ-какъ	
25	богиня	
26	[illegible].	
27	ин-	Сіе имя сокровенное есть, или сей богини, или нее Царя, который истуканъ поставилъ.
28	су-	
29	-ле	

1 一

2 一

3 一 亅 丶 丿 乙 亅

4 一

5 △

6 厶

7 八

8 一

9 玉

10 神 三 一

11 一 亅 丶 丿 乙 亅

12 書不盡言言不盡意

